

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ»

на правах рукописи

ЧУБАРОВ Николай Александрович

**ФЕНОМЕН ЦИФРОВОГО НЕРАВЕНСТВА: СОЦИАЛЬНО-
ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ**

Специальность 5.7.7 – социальная и политическая философия

диссертация на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Научный руководитель:
доктор философских наук,
профессор А. М. Орехов

Москва – 2025

Содержание

Введение	3
Глава I. Концепты собственности, справедливости и цифровизации как источники понимания сущности цифрового неравенства в социальной философии	24
1.1. Концепт справедливости в контексте цифрового неравенства	25
1.2. Концепт собственности в контексте цифрового неравенства	39
1.3. Цифровизация: концепт и тренды развития	61
Глава II. Цифровое неравенство: социально-философский аспект	82
2.1. Цифровое неравенство и цифровая справедливость	82
2.2. Влияние цифрового неравенства на современное общество	99
2.3. Цифровизация и цифровое неравенство	111
2.4. Виды цифрового неравенства	122
Глава III. На пути к теории цифрового блага	133
3.1. Интеллектуальное благо, интеллектуальная собственность, интеллектуальный капитал	133
3.2. Цифровая и не-цифровая интеллектуальная собственность	139
3.3. Основные типы цифровых благ	142
3.4. Проблема соизмеримости цифровых благ	144
3.5. Присвоение, обмен, распределение и потребление цифровых благ ..	148
3.6. Цифровой ресурс	155
3.7. Социальная философия и проблема цифрового неравенства	161
3.8. Рекомендации по преодолению цифрового неравенства: междисциплинарный подход	168
Заключение	193
Список литературы	199

Введение

Актуальность проблемы исследования:

Феномен цифрового неравенства есть одно из последствий (во многих случаях интерпретируемое негативно) трендов усиливающейся глобальной цифровой трансформации первой половины XXI века. Изучение цифрового неравенства требует междисциплинарного подхода, сочетающего социально-философский анализ с иными типами дискурса: экономическим, гендерным, социологическим, юридическим и т.п.

Современные исследования цифрового неравенства, несмотря на их масштабность и междисциплинарный характер, демонстрируют явный дефицит универсальной социально-философской теории, способной интегрировать разнородные аспекты этого феномена. Доминирование прикладных подходов — технических, экономических, статистических — приводит к фрагментации знаний, где отдельные аспекты цифровизации (инфраструктура, доступность, монетизация данных) исследуются изолированно, вне связи с базовыми социальными институтами и ценностными системами. Например, работы, фокусирующиеся на индексах цифровизации или коэффициентах доступности, игнорируют этико-антропологическое измерение технологических изменений, такие как формирование «цифрового габитуса» или трансформацию представлений о свободе и автономии личности.

Этот методологический пробел препятствует формированию метатеории, которая могла бы объяснить, как цифровое неравенство воспроизводит традиционные формы стратификации (экономической, культурной) и одновременно порождает новые критерии дифференциации — алгоритмическую невидимость, цифровую эксклюзию, эпистемическое отчуждение. Классические философские концепции справедливости [Ролз Дж. 2010], [Сен А. 2016] и собственности [Маркс К. 2019], [Бурдьё П. 2002] остаются недостаточно адаптированными к реалиям цифровой эпохи. Так, ролзианская модель распределительной справедливости не учитывает роль алгоритмов в управлении

ресурсами, а бурдьеанский анализ капитала не охватывает специфику виртуальных активов, таких как цифровые данные или цифровые репутации.

Особую остроту проблема приобретает в контексте нормативной неопределенности. Отсутствие критериев «цифровой справедливости», балансирующих между правами личности, коммерческими интересами платформ и регуляторными практиками государств, приводит к воспроизводству структурных дисбалансов. Например, коммодификация данных в рамках «надзорного капитализма» [Зубофф Ш. 2022] создает асимметрию власти, где пользователи лишены контроля над своими цифровыми данными, а корпорации монополизируют возможности их монетизации. Это требует переосмысления таких категорий, как «труд» (в условиях гиг-экономики), «собственность» (в контексте виртуальных активов) и «участие» (в цифровых экосистемах), что невозможно без синтеза философской рефлексии и междисциплинарной эмпирики.

В российской научной традиции ситуация усугубляется технократическим уклоном исследований, где доминируют работы по цифровой грамотности, инфраструктурным диспропорциям или правовому регулированию. Социально-философские аспекты цифрового неравенства, такие как его связь с трансформацией идентичности, этикой искусственного интеллекта или сакрализацией данных, остаются периферийными. Это ограничивает разработку стратегий, направленных не только на устранение «цифрового разрыва» в неравенстве, но и на преодоление системных причин стратификации, укорененных в культурных нормах, властных отношениях и исторических паттернах.

Таким образом, актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью преодоления фрагментарности существующих подходов через создание социально-философской модели цифрового неравенства. Такая модель должна интегрировать классические категории справедливости и собственности с концептами цифровой эпохи (данные как цифровой ресурс, цифровой капитал),

обеспечив тем самым основу для нормативного проектирования справедливого цифрового общества.

Степень разработанности темы:

Изучение концепции справедливости характеризуется многовековой историей, охватывающей разнообразные философские, этические и правовые традиции. Начальные этапы её концептуализации связаны с античной философией, где Пифагор интерпретировал справедливость как элемент космического порядка, формируя базис для последующих социально-этических исследований. Систематизация данного понятия была продолжена в трудах Платона и Аристотеля. В диалоге «Государство» [Платон, 2007] Платон определяет справедливость как фундаментальный принцип идеального политического устройства, предполагающий гармоничное распределение функций между социальными группами. Аристотель в «Никомаховой этике» [Аристотель, 1983] акцентирует её роль как индивидуальной добродетели, направленной на достижение баланса (концепция распределительной справедливости) в социальном взаимодействии. Римская правовая традиция, представленная работами Цицерона [Цицерон М.Т., 1994], дополнила античные представления, интегрировав идеи справедливости в контекст юридических норм и обязанностей граждан.

В средневековый период теологический подход доминировал в интерпретации справедливости. Августин Блаженный [Августин А., 2001, 1998] связывал её реализацию с подчинением божественному закону, а Ансельм Кентерберийский [Кентерберийский А., 1995] рассматривал справедливость как условие морального совершенствования личности в рамках христианской доктрины. Эпоха Просвещения характеризуется появлением секулярных подходов к анализу справедливости: Томас Гоббс [Hobbes T., 1651] обосновал необходимость общественного договора как одну из форм социальной справедливости, Джон Локк [Locke J., 1698] акцентировал связь справедливости с естественными правами индивида, включая собственность и свободу, а Жан-

Жак Руссо [Rousseau J.-J. 1762] связал её реализацию с коллективной волей (как всеобщей волей) и равенством граждан.

Современный этап исследований справедливости во многом определила работа Джона Ролза «Теория справедливости» [Ролз Дж. 2010], в которой реализуется модель справедливости в рамках равенства возможностей, и компенсации социально-экономических неравенств ущемленным индивидам и группам. Ролз синтезировал и продвинул идеи своих предшественников — Гоббса, Локка и Руссо, — трансформировав теорию общественного договора в нормативную теорию справедливости. Ранее в русской философской мысли В.С. Соловьёв [Соловьёв В.С., 1911-1914], Б.Н. Чичерин [Чичерин Б.Н., 1998] и Н.А. Бердяев [Бердяев Н.А., 1923] разрабатывали концепции, сочетающие моральные, правовые и институциональные аспекты справедливости, что способствовало формированию её многомерного социально-философского понимания.

В конце XX – начале XXI веков тема справедливости получила развитие в трудах отечественных исследователей. Т.А. Алексеева [Алексеева Т.А. 1992] проанализировала соотношение справедливости и политической власти, А.Ю. Ашкеров [Ашкеров А.Ю. 2008] исследовал её роль в контексте социальной идентичности, а Д.В. Бугай [Бугай Д.В. 2016] рассмотрел этические аспекты в условиях глобализации. А.А. Гусейнов [Гусейнов А.А. 2001] систематизировал нормативные основания справедливости, Е.В. Золотухина-Аболина [Золотухина-Аболина Е.В. 2022] изучила её антропологические истоки, а Г.Ю. Канарш [Канарш Г.Ю. 2019] актуализировал проблему в контексте технологических трансформаций. Коллективная работа Е.В. Карчагина, С.Б. Токаревой и Д.Р. Яворского [Карчагин Е.В., Токарева С.Б., Яворский Д.Р. 2017] посвящена институциональным аспектам справедливости, тогда как Б.Н. Кашников [Кашников Б.Н. 2004] и Л.В. Максимов [Максимов Л.В. 2017] сосредоточились на критике ее утилитаристских и релятивистских интерпретаций. А.В. Прокофьев [Прокофьев А.В. 2013, Орехов А.М. 2009] расширили дискуссию, включив в неё вопросы межпоколенческой и экологической справедливости.

Несмотря на значительный объём накопленных знаний, современные вызовы, связанные с цифровизацией общества, требуют переосмысления прежних традиционных подходов. Дискуссии в отношении цифрового неравенства, этики искусственного интеллекта настоятельно приводят к необходимости междисциплинарного синтеза философских, социологических, правовых и технических подходов к решению данной проблемы.

Феномен собственности, занимая центральное место в политико-экономических и философских исследованиях, характеризуется многовековой историей концептуализации. Античная философия заложила базис для его осмысления: в диалоге «Алкивиад I» Платон вводит триаду «личность (душа) – тело – имущество», акцентируя связь «собственного» с самопознанием, однако онтологический аспект собственности остаётся периферийным. Аристотель в «Политике» развивает эту тему, анализируя имущество как элемент социальных отношений, что стало основой для последующего институционального анализа. В современных работах Пайпса [Пайпс Р. 1999] и Бурдьё [Бурдьё П. 2002] античные идеи переосмыслены через призму историко-социологических и символических интерпретаций собственности.

Средневековый период придал проблеме собственности теологическое измерение: Фома Аквинский и Уильям Оккам обосновывали абсолютность божественной собственности, тогда как Жан Боден сформировал концепцию суверенитета как формы политического владения. Эпоха Просвещения, представленная, в частности, работами Джона Локка, связывала возникновение частной собственности с трудовой деятельностью, однако онтологические основания собственности при этом оставались вне исследовательского поля. Кант [Кант И. 1994], развивая идеи общественного договора, актуализировал право собственности как категорию морального закона, а Руссо раскрыл её роль в формировании социального неравенства. Работы Прудона [Прудон П.Ж. 2010], интерпретировавшего собственность как кражу, и Штирнера [Штирнер М. 2017], трактовавшего её как экзистенциальное выражение «единственного», расширили этико-философские рамки дискуссии.

Значительный вклад в социальную онтологию собственности внесли представители немецкой классической философии. Например, Гегель [Гегель Г.В.Ф. 1990], определяя собственность как «первое существование свободы», противопоставил её простому владению, интегрировав в систему права и истории, а вот Маркс [Маркс К. 2019], трансформируя гегелевскую диалектику и немецкую классическую философию, ввёл понятие «родовой жизни», связав собственность с отчуждением труда и капиталистическими отношениями. Феноменологический метод Гуссерля [Гуссерль Э. 2009] позволил Хайдеггеру [Хайдеггер М. 2003] интерпретировать собственность через призму «бытия-к-смерти», а Сартру [Сартр Ж.П. 2000] — как основу конституирования субъектом «фактичности» мира. Ханна Арендт [Арендт Х. 2000], сопоставляя античные и современные формы собственности, указывала на её роль в разделении публичной и приватной сферы.

В русской философской традиции собственность анализировалась в контексте этико-религиозных и социальных парадигм. В.С. Соловьёв [Соловьёв В.С., 1911-1914] исследовал психологические связи между индивидом и объектами владения, а И.А. Ильин, опираясь на гегелевские идеи, оправдывал частную собственность как условие нравственного совершенствования. С.Л. Франк [Франк С.Л. 1993] критиковал крайности либерализма и социализма, предлагая синтез персоналистского и коллективистского подходов к проблеме собственности. В.Ф. Эрн и С.Н. Булгаков рассматривали собственность через христианскую этику, подчёркивая её временный, преходящий характер в контексте вечных ценностей. Работа В.В. Бибихина [Бибихин В.В. 2012], вводящая категории «захвата» и «господства», актуализировала экзистенциально-феноменологический анализ, тогда как М.А. Богатов [Богатов М.А. 2018] и В.А. Подорога [Подорога В.А. 2016] разработали эту методологию далее, исследуя телесные и пространственные аспекты владения.

Современные исследования онтологии собственности отличаются междисциплинарным характером: привлекаются данные экономики, права, социологии, философии. А.М. Орехов и А.П. Неугодников [Орехов А.М. 2019;

Неугодников А.П. 2017] предложил проект «пропетологии», направленный на интеграцию философских, юридических и экономических подходов к этому институту. Т.Ю. Сидорина [Сидорина Т.Ю. 2014] раскрыла взаимосвязь труда и собственности в историко-теоретической перспективе, а А.В. Бузгалин [Бузгалин А.В. 2020] адаптировал марксистский анализ собственности к проблеме противостояния глобализма и антиглобализма. Сакральные аспекты собственности рассмотрены в работах П.У. Симоры и В.П. Римского [Симора П.У., Римский В.П., Римская О.Н. 2022], а Т.В. Погудина исследовала политические истоки собственности, связывая её с властью.

Цифровизация, выступая, по мнению многих авторов, ключевым фактором трансформации современных обществ, стала предметом междисциплинарных исследований, охватывающих экономические, социальные, политические и правовые аспекты этого явления. Начальные этапы её изучения связаны с анализом влияния цифровых технологий на экономические структуры. Работы Н.Я. Гурьянова, Е.А. Истоминой, М.Л. Калужского, Т.Н. Юдиной, В.Г. Гадецкого и А.А. Корякиной [Гадецкий В.Г., Корякина А.А. 2020] раскрывают механизмы перестройки рынков труда, финансовых систем и бизнес-моделей под воздействием автоматизации и цифровых платформ. В исследованиях А.Ю. Мамычева, О.И. Мирошниченко, Н.В. Москвитина и Е.А. Серовой исследуются роль цифровизации в формировании новых экономических парадигм, включая шеринговую экономику и криптоактивы.

Исследование цифрового неравенства как социально-философского феномена формируется на стыке нескольких дисциплинарных направлений: социологии цифровых технологий, политической экономии данных и этики искусственного интеллекта. Начальные этапы концептуализации проблемы связаны с работами конца XX века, где цифровое неравенство (digital divide) трактовалось преимущественно как неравенство в доступе к техническим ресурсам [Hargittai E. 2002]. Однако в 2000-х годах фокус сместился на анализ многоуровневой природы феномена, включая различия в цифровой грамотности,

участии в создании контента и возможностях монетизации цифровых активов [Van Dijk J.A.G.M. 2020].

Цифровая трансформация общества обусловила пересмотр традиционных концепций собственности. Расширение категории собственности на нематериальные объекты (данные, алгоритмы, виртуальные активы) потребовало создания новых теоретических моделей. О.Н. Грабова и А.Е. Суглобов [Грабова О.Н., Суглобов А.Е. 2019] проанализировали влияние цифровых платформ на распределение экономических ресурсов в современном обществе, а И.В. Анохов [Анохов И.В. 2020] исследовал формы владения в условиях цифровой экономики. Проблемы интеллектуальной собственности, включая авторское право и патентные системы в контексте цифровизации, изучались В.П. Гайдук [Гайдук В.П. 2020] и Е.А. Оркиной [Оркина Е.А. 2020].

Современные исследования подчеркивают, что цифровое неравенство воспроизводит и усиливает традиционные формы социального неравенства — экономического, образовательного, гендерного. Социально-политическое измерение цифровизации разрабатываются в трудах П. Херрманна [Henman P.W.F. 2022], Р.И. Дремлюги и О.А. Дремлюги [Дремлюга Р.И., Дремлюга О.А. 2019], И.В. Бочарникова и Н.А. Чемезова [Бочарников И.В., Чемезов Н.А. 2020], ими, в частности, анализируются изменения в структурах власти, механизмах управления и гражданской активности. С.В. Володенков и В.С. Стариков изучают цифровые коммуникации как инструмент политической манипуляции, тогда как М.А. Шмаков и П.М. Кручинина фокусируются на правовых аспектах регулирования цифрового пространства.

Философский дискурс цифровизации развивается через синтез этических, антропологических и культурологических подходов. А.Е. Коньков [Коньков А.Е. 2019] исследует трансформацию идентичности в условиях виртуализации, а В.И. Данилов-Данильян [Данилов-Данильян В.И. 2022] и В.Г. Марача [Марача В.Г. 2020] анализируют цифровую культуру как феномен постмодерна. С.И. Платонова [Платонова С.И. 2024] и Е.С. Зиновьева [Зиновьева Е.С., 2022] рассматривают цифровизацию в контексте эволюции познавательных практик,

тогда как А. Перзановски и Дж. Шульц [Перзановски А., Шульц Дж. 2022] актуализируют вопросы цифрового суверенитета. Ш. Зубофф [Зубофф Ш. 2022] вводит концепцию «капитализма наблюдения», раскрывая эксплуатацию данных как новую форму социального контроля. Работы Ю.А. Чернавина и Г.В. Бариновой [Чернавин Ю.А., Баринова Г.В. 2023], а также Е.В. Брызгалиной, Д.А. Алексеевой и Э.Д. Дряевой [Брызгалина Е.В., Алексеева Д.А., Дряева Э.Д. 2021] посвящены этическим дилеммам искусственного интеллекта и цифровой справедливости. Н.Н. Мещерякова и Е.Н. Роготнева [Мещерякова Н.Н., Роготнева Е.Н. 2021] исследуют социокультурные последствия цифрового неравенства.

Классические философские концепции справедливости (Дж. Ролз, А. Сен) и собственности (К. Маркс, П. Бурдьё) служат теоретической основой для анализа цифрового неравенства, однако их адаптация к реалиям цифровой эпохи остается фрагментарной. Так, ролзианская модель распределительной справедливости применяется к проблеме доступа к данным (Т. Rogge), но не учитывает специфику алгоритмического управления. Теория Бурдьё о формах капитала используется для изучения «цифрового габитуса» (Н.Сельцер), однако вопросы присвоения интеллектуальной собственности в виртуальной среде остаются недостаточно разработанными.

Несмотря на междисциплинарный интерес к теме, сохраняются существенные пробелы:

1. Методологический редукционизм: доминирование экономико-статистических подходов (индексы цифровизации) над социально-философским анализом структурных механизмов неравенства.
2. Отсутствие системности: исследования фокусируются на отдельных аспектах (инфраструктура, навыки), игнорируя взаимосвязь цифрового неравенства с трансформацией базовых социальных институтов — права, образования, политического участия.
3. Нормативная неопределенность: не разработаны критерии «цифровой справедливости», учитывающие конфликт между правами личности,

коммерческими интересами платформ и регуляторными практиками государств.

Эти лакуны обуславливают необходимость синтеза классических философских категорий (справедливость, собственность) с концепциями цифровой эпохи (данные как цифровой ресурс, алгоритмическая прозрачность). Настоящее исследование призвано преодолеть фрагментарность существующих подходов, предложив социально-философскую модель анализа цифрового неравенства как системного явления, воспроизводящегося через взаимодействие технологических, экономических и культурных факторов.

Актуальность разработки социально-философской концепции цифрового неравенства обусловлена тремя факторами. Во-первых, явное доминирование специальных технических подходов над социально-философским анализом. Во-вторых, не хватает критического дискурса в отношении частнодисциплинарных подходов к феномену цифровизации. В-третьих, дефицит методологических инструментов для изучения цифровой справедливости осложняет разработку стратегий преодоления дисбалансов, особенно в контексте российского общества.

Объектом настоящего исследования является феномен цифрового неравенства.

В качестве **предмета** исследования выступают социально-философские аспекты феномена цифрового неравенства.

Методология и методы исследования:

Диссертационное исследование опирается на наиболее авторитетные современные исследования в социальной философии, посвящённые проблематике собственности, справедливости и цифровизации. Методологическая база исследования основана на универсальных общих социально-философских принципах, таких как:

1. Принцип развития, основанный на диалектическом анализе динамики социальных процессов, позволяет преодолеть статичный подход к изучению феномена. Этот принцип используется для реконструкции исторической

эволюции базовых категорий — собственности, справедливости и цифровизации — в их взаимосвязи с современными формами неравенства. Например, прослеживая трансформацию концепции справедливости от античных моделей Платона и Аристотеля до теорий Джона Ролза и Амартии Сена, автор выявляет, как классические идеи адаптируются (или не адаптируются) к вызовам алгоритмизации управления и цифрового капитализма. Аналогично, анализ эволюции собственности от материальных активов к цифровым благам демонстрирует, как новые формы владения (например, контроль над данными) воспроизводят традиционное социальное расслоение в виртуальной среде.

2. Принцип универсальности обеспечивает интеграцию разнородных дисциплинарных подходов — философских, социологических, экономических и правовых — что критически важно для преодоления фрагментарности существующих исследований. Этот принцип позволяет рассматривать цифровое неравенство как глобальный системный феномен, проявляющийся в различных контекстах. Например, сопоставление российской специфики (низкая цифровая грамотность пожилых, зависимость от зарубежных технологий) с глобальными трендами (платформизация, монополизация данных) раскрывает как универсальные механизмы стратификации, так и локальные особенности.

3. Принцип детерминизма используется для выявления причинно-следственных связей между технологическими, экономическими и социальными факторами. Он помогает объяснить, как алгоритмизация трудовых отношений, коммодификация персональных данных и концентрация цифровых ресурсов в руках корпораций становятся структурными детерминантами неравенства. Например, анализ «надзорного капитализма» [Зубофф Ш. 2022] показывает, как экстракция поведенческих данных трансформирует пользователей в сырье для прогнозной аналитики, усиливая асимметрию власти между платформами и индивидами.

4. Принцип познаваемости утверждает возможность анализа даже сложных абстрактных категорий, таких как «цифровая справедливость» или «цифровой габитус», через междисциплинарный синтез. Это позволяет автору

операционализовать философские концепты для решения прикладных задач — от разработки критериев оценки цифрового неравенства до формулирования рекомендаций по преодолению инфраструктурных и правовых дисбалансов.

Среди общенаучных методов ключевую роль играет системный подход, который рассматривает цифровое неравенство как многоуровневую систему, включающую инфраструктурные, правовые, экономические и культурные компоненты. Например, дифференциация макро-, мезо- и микроуровней неравенства (межгосударственные диспропорции, региональные разрывы, индивидуальные ограничения) позволяет выявить взаимовлияние глобальных и локальных факторов. Историко-хронологический метод используется для анализа этапов цифровизации — от ранних компьютерных систем 1970-х до современных платформ с ИИ — что демонстрирует накопление структурных дисбалансов. Сравнительный метод помогает сопоставить кейсы: например, блокировка ChatGPT в России и его свободное использование в ЕС раскрывают различия в подходах к цифровому суверенитету и доступу к знаниям. Кейс-стади (например, цифровая эксклюзия сельских регионов или пожилых людей) служат эмпирической основой для теоретических обобщений, делая исследование релевантным для решения конкретных социальных проблем.

Таким образом, методологический аппарат работы решает проблему редуционизма, характерного для многих исследований цифрового неравенства, где преобладают узкотехнические или экономические подходы. Акцент на принципе развития позволяет не только диагностировать текущие формы дисбалансов, но и прогнозировать их трансформацию в условиях ускоренной цифровизации. Это создает основу для разработки стратегий, сочетающих философскую рефлексию с практическими механизмами — от образовательных программ до регуляторных реформ.

Цель данного исследования – провести социально-философский анализ феномена социального неравенства.

Для достижения этой цели поставлены следующие **задачи**:

1. Провести социально-философский анализ таких концептов, как «справедливость», «собственность», «цифровизация» в их взаимосвязи на основе социально-философской методологии, как количественные и качественных методов.
2. Исследовать цифровое неравенство как вид социального неравенства.
3. Изучить основные виды цифрового неравенства.
4. Основываясь на положениях теории П. Бурдьё, обосновать необходимость введения концептов «цифрового габитуса», «цифрового поля» и «цифрового общества».
5. Разработать концепцию цифрового блага, проанализировать способы присвоения и обмена цифровых благ, предложить основные типологии цифровых благ.
6. Выявить методологическую роль и значение социальной философии для разработки концепции цифрового неравенства.

Научная новизна диссертационного исследования состоит в следующем:

1. Сформулированы новые социально-философские принципы концептуального анализа справедливости и собственности, - с учетом тренда вхождения в эпоху цифрового общества.
2. Предложены оригинальные авторские определения цифрового неравенства и цифровой справедливости.
3. Сформирована новая классификация видов цифрового неравенства в обществе первой половины XXI века и выделены ее основания.
4. На базе социальной теории П. Бурдьё проанализированы новые концепты: «цифровой габитус», «цифровое поле», «цифровое общество», указан их эвристический потенциал для социально-философского дискурса в отношении цифрового общества.
5. Проведена новая оригинальная классификация цифровых благ по ряду оснований (критериев), автором также предложена комплексная единица

измерения цифровых благ (ЕЦБ), направленная на решение проблемы сопоставимости их различных видов.

- б. Определена методологическая роль и значение социальной философии для разработки проблемы цифрового неравенства.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Анализ цифрового неравенства как социально-философского феномена требует интеграции количественных и качественных исследовательских подходов в рамках единой методологической базы. Такой синтез обеспечивает комплексное изучение структурных механизмов, регулирующих распределение ресурсов и возможностей в цифровом пространстве. Ключевым аспектом является адаптация классических экономико-статистических инструментов (индекс Джини, коэффициент фондов, децильный коэффициент и др.) к качественному анализу. Инновационное применение этих индикаторов, включая их модификацию через призму философских категорий справедливости и собственности, позволяет разработать критерии оценки цифрового неравенства, релевантные современным социотехническим реалиям.
2. Цифровое неравенство интерпретируется как системная форма социальной асимметрии, проявляющаяся в дифференцированном доступе к технологическим ресурсам (инфраструктура, устройства), цифровым компетенциям (грамотность, навыки) и результатам цифровизации (блага, сервисы). Его специфика обусловлена многоуровневым характером: макроуровень (межгосударственные различия в технологическом развитии), мезоуровень (региональные диспропорции), микроуровень (индивидуальные возможности). При этом ключевым концептом для анализа справедливости распределения выступает соотношение нормативных установок (должное) и фактического состояния (сущее) в сфере владения и использования цифровой интеллектуальной собственности.

3. Трудности типологизации цифрового неравенства связаны с разновекторностью его проявлений и отсутствием общепринятых критериев дифференциации. В качестве базовой модели предлагается двухуровневая классификация: а) *Инфраструктурное неравенство* – дисбалансы в физической доступности технологий (широкополосный интернет, устройства); б) *Экономико-правовое неравенство* – асимметрия в возможностях присвоения и монетизации цифровых активов (интеллектуальная собственность, данные). Второй тип дополнительно дифференцируется по критерию экономической целесообразности: *Рентно-ориентированное неравенство* (извлечение выгоды через контроль цифровых ресурсов); *нерентные модели* неравенства (некоммерческое использование, открытый доступ). Попытки дальнейшей детализации признаются методологически рискованными из-за опасности семантического дублирования и концептуальных трудностей.
4. Адаптация категорий П. Бурдье для анализа социальной стратификации в цифровой среде операционализируют три взаимосвязанных концепта: *Цифровой габитус* – система устойчивых диспозиций, формирующихся под влиянием индивидуального и коллективного опыта взаимодействия с цифровыми технологиями. Габитус определяет стратегии навигации в цифровом пространстве и воспроизводит социальные неравенства через интериоризацию ограничений/возможностей. *Цифровое поле* – конкурентная среда, где акторы стремятся максимизировать свой цифровой капитал (данные, компетенции, сетевое влияние) через монополизацию ресурсов, установление правил обмена и легитимацию властных иерархий. *Цифровое общество* – совокупность пересекающихся полей, в которых габитусы реализуют практики производства, потребления и распределения цифровых благ. Данная триада позволяет выявить механизмы трансляции традиционных форм неравенства (экономического, культурного) в цифровые контексты,

а также объяснить генезис новых стратификационных критериев (цифровая грамотность, алгоритмическая видимость).

5. Цифровые блага определяются как ресурсы, создаваемые, распространяемые и потребляемые в цифровой среде, обладающие утилитарной, символической или меновой ценностью. Их классификация осуществляется по четырем осям: *Онтологический статус* – материализованные блага (аппаратное обеспечение) *versus* интеллектуальные блага (данные, алгоритмы); *Модальность существования* – объективированные (институционализированные) блага *versus* субъективированные (персонифицированные навыки) блага; *Эпистемический характер* – общедоступные знания *versus* эксклюзивные инновации; *Функциональная специфика* – универсальные блага *versus* нишевые блага. Проблема соизмеримости разнородных благ решается через введение условной *Единицы измерения цифровых благ (ЕЦБ)*, выполняющей три функции: а) Трансляция качественных характеристик в количественные показатели; б) Унификация гетерогенных ресурсов для операций обмена; в) Оценка капитализации цифровых активов в кросс-дисциплинарных исследованиях.
6. Социально-философский анализ выполняет три ключевые функции в исследовании цифрового неравенства: *Демаркационная* – установление предметных границ феномена через категориальное отличие от смежных проблем (экономическое неравенство, цифровой разрыв); *Эвристическая* – переосмысление традиционных концептов (справедливость, собственность, капитал) в условиях цифровой трансформации общественных отношений; *Аксиологическая* – критическая оценка нормативных моделей распределения ресурсов с позиций этики технологического развития. Реализация этих функций способствует преодолению редукционизма в междисциплинарных исследованиях, где доминируют технократические и экономические подходы, игнорирующие ценностно-смысловое измерение цифровизации.

Теоретическая значимость исследования. Теоретическая значимость работы заключается в установлении взаимозависимостей между классическими социально-философскими категориями («справедливость», «собственность») и объективными процессами цифровой трансформации. Для выявления этих связей автор применяет диалектический метод, позволяющий анализировать, как абстрактные понятия материализуются в конкретных технологических, экономических и культурных практиках. Например, категория справедливости исследуется через призму алгоритмического управления ресурсами: распределение данных, доступ к цифровым сервисам и монетизация цифрового труда демонстрируют, как ролзианские принципы равенства возможностей сталкиваются с реалиями платформизированной экономики. Аналогично, концепция собственности переосмысливается в контексте виртуальных активов — от патентов на алгоритмы до прав на персональные данные — что раскрывает противоречие между традиционным пониманием владения и цифровой коммодификацией.

Взаимозависимость категорий и процессов выявляется через междисциплинарный синтез. Социально-философский анализ дополняется данными социологии цифровых технологий (исследования цифрового участия), политической экономии (монополизация данных) и этики ИИ (алгоритмическая предвзятость). Это позволяет показать, например, как «надзорный капитализм» [Зубофф Ш. 2022] трансформирует собственность в инструмент власти, а справедливость — в проблему доступа к алгоритмической прозрачности. Кейс-стади, такие как блокировка ChatGPT в России или цифровая эксклюзия сельских регионов, служат эмпирической основой для теоретических обобщений, демонстрируя, как глобальные тренды взаимодействуют с локальными институциональными условиями.

Расширение существующих теоретических подходов достигается за счет введения новых концептов — «цифровой габитус», «цифровое поле», «цифровое благо». Эти категории операционализируют структурные механизмы социальной дифференциации в цифровую эпоху. Например, «цифровой габитус»

объясняет, как интериоризация технологических ограничений формирует диспозиции пользователей, воспроизводя неравенство даже при формальном доступе к ресурсам. «Цифровое поле» раскрывает конкурентные стратегии акторов, борющихся за контроль над данными и алгоритмами, а «цифровое благо» систематизирует разнородные ресурсы (от инфраструктуры до цифровых навыков) в единую классификацию. Эти концепты не только уточняют понимание стратификации, но и преодолевают редукционизм узкодисциплинарных исследований, где доминируют технократические или экономические интерпретации.

Разработанная типология форм цифрового неравенства (инфраструктурное, правовое, эпистемическое) и методологическая база (принципы развития, универсальности, детерминизма) способствуют систематизации знаний. Они позволяют интегрировать разрозненные аспекты феномена — от глобальных диспропорций до индивидуальных практик — в единую теоретическую модель. Например, макроуровневый анализ монополизации данных корпорациями дополняется микроуровневым изучением «цифрового габитуса» пожилых пользователей, что раскрывает многослойность неравенства. Это создает основу для междисциплинарного синтеза, где философская рефлексия сочетается с прикладными решениями — от разработки критериев цифровой справедливости до проектирования образовательных программ.

Практическая значимость работы. Результаты диссертационного исследования обладают значительным потенциалом для обновления и обогащения учебных программ в области социальной философии и смежных гуманитарных дисциплин. В частности, разработанные концепты — «цифровой габитус», «цифровое поле», «цифровое благо» — могут стать основой для модулей, посвященных анализу трансформации социальных структур в условиях цифровизации. Например, в курсе «Теории цифрового общества и цифровая идентичность» эти категории позволят студентам исследовать, как технологии переопределяют привычные формы взаимодействия, власти и

самоидентификации. Анализ алгоритмической предвзятости, коммодификации данных и цифрового капитала может быть интегрирован в разделы, посвященные критике современных форм социального контроля.

В рамках курса «Социальная философия» материалы диссертации предоставляют возможность переосмыслить классические категории — справедливость, собственность, труд — через призму цифровых реалий. Студенты смогут изучать, как ролзианские принципы распределительной справедливости сталкиваются с алгоритмическим управлением ресурсами, или как марксистская критика отчуждения применима к гиг-экономике. Разработанная типология цифрового неравенства (инфраструктурное, правовое, эпистемическое) может быть использована для проведения семинаров, где учащиеся анализируют кейсы — от цифровой эксклюзии сельских регионов до монополизации данных корпорациями — и предлагают решения на основе философских теорий.

Курс «Цифровая гуманитаристика» может включить разделы, посвященные этике искусственного интеллекта и цифровому суверенитету, опираясь на выводы исследования. Например, анализ «надзорного капитализма» [Зубофф Ш. 2022] и его влияния на приватность и автономию личности станет основой для дискуссий о балансе между инновациями и правами человека. Методология работы, сочетающая диалектический анализ, междисциплинарный синтез и кейс-стади, может быть адаптирована для учебных проектов, где студенты исследуют локальные проявления цифрового неравенства и разрабатывают рекомендации для их преодоления.

Для курса «Социальная эпистемология» особенно актуальны выводы об эпистемическом неравенстве, связанном с алгоритмической предвзятостью и ограничением доступа к знаниям. Студенты могут изучать, как цифровые платформы формируют информационные пузыри и влияют на производство истины, а также обсуждать пути обеспечения «алгоритмической справедливости». В рамках «Социальной аксиологии» материалы диссертации

позволяют критически оценить ценности цифровой эпохи — от культа данных до этики открытого доступа — и их влияние на общественные нормы.

Кроме того, результаты исследования могут быть интегрированы в магистерские программы по публичной политике и управлению, где акцент делается на проектировании социальных интервенций. Разработанные критерии цифровой справедливости и рекомендации по преодолению структурных дисбалансов могут служить основой для работ, направленных на создание адресных программ для социально уязвимых групп (пожилых, мигрантов).

Степень достоверности результатов. Достоверность выводов, представленных в диссертационном исследовании, обеспечивается соблюдением методологических требований социально-философского анализа и применением общенаучных методов (диалектический анализ, системный подход, сравнительный метод). Использование данных методов позволило провести верификацию теоретических гипотез через сопоставление с эмпирическими кейсами, такими как цифровая эксклюзия сельских регионов или алгоритмическая предвзятость в управлении данными.

Эмпирическая и теоретическая база исследования опирается на корпус из 230 источников, включая труды классиков социальной философии (П. Бурдьё, К. Маркс, Дж. Ролз), современные междисциплинарные работы [Зубофф Ш. 2022], и актуальные исследования российских авторов (Е.А. Вартанова, [Гадецкий В.Г. 2020]). Широкий охват литературы, опубликованной как в России, так и за рубежом, обеспечил учет разнообразных подходов к проблеме цифрового неравенства — от технократических до критических.

Результаты исследования прошли апробацию в рамках рецензируемых научных публикаций. Три статьи автора, посвященные ключевым аспектам цифрового неравенства, были опубликованы в журналах, индексируемых в базах данных Web of Science, Scopus и входящих в перечень ВАК. Эти публикации подверглись двойному слепому рецензированию, что подтверждает соответствие работы критериям научной строгости и оригинальности. Кроме того, основные выводы диссертации были представлены на 5 международных и

всероссийских конференциях, включая симпозиумы в МГТУ им. Н.Э. Баумана и РУДН, где получили положительную оценку экспертного сообщества.

Апробация работы. Основные научные результаты, достигнутые в диссертации, были изложены и одобрены на заседаниях кафедры социальной философии (в том числе 26.06.2024), научных конференциях, методологических семинарах, в том числе выступлениях: на Дне науки в РУДН с докладом на тему «Как цифровизация влияет на современное общество в ковидный период» (Москва, февраль 2022 года), XXIV Международном симпозиуме «Уникальные феномены и универсальные ценности культуры» посвященном году науки и технологий в России, (Москва, МГТУ им. Н. Э. Баумана апрель 2022 года), Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Человек и общество в контексте современности. Вторые чтения памяти проф. П.К. Гречко», «Человек и общество: контуры будущего» (Москва, РУДН им. Патриса Лумумбы март 2023 года), в рамках XXV Международного симпозиума «Уникальные феномены и универсальные ценности культуры» (Москва, МГТУ им. Н. Э. Баумана апрель 2023 года).

Объем и структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, включающих пятнадцать параграфов, заключения и списка цитируемой литературы. Общий объем работы составил 220 страниц. Список цитируемой литературы представлен 230 наименованиями, из которых 63 на иностранных языках.

Глава I. Концепты собственности, справедливости и цифровизации как источники понимания сущности цифрового неравенства в социальной философии

Глава выполняет ключевую роль в диссертационном исследовании, формируя теоретико-методологический фундамент для анализа цифрового неравенства как системного социально-философского феномена. Её основная задача — реконструировать эволюцию базовых категорий, лежащих в основе понимания современных технологических трансформаций, и раскрыть их взаимосвязь в условиях цифровой эпохи.

Первая задача главы связана с концептом справедливости, который анализируется в историко-философской перспективе — от античных моделей Платона и Аристотеля до современных теорий Дж. Ролза, А. Сена и Ш. Зубофф [Зубофф Ш. 2022]. Автор выявляет, как классические принципы распределительной справедливости, изначально разработанные для материальных благ, сталкиваются с вызовами алгоритмизации управления, коммодификации данных и формирования «надзорного капитализма». Это позволяет критически переосмыслить ролзианскую модель в контексте цифровых реалий, где традиционные критерии равенства возможностей требуют адаптации к новым формам стратификации.

Вторая задача фокусируется на концепте собственности, исследуя его трансформацию от античного понимания владения физическими объектами до современных споров о цифровых активах, интеллектуальной собственности и данных. Через призму работ К. Маркса, П. Бурдьё и современных исследователей (А.М. Орехов, Ш. Зубофф [Зубофф Ш. 2022]) раскрывается, как цифровизация переопределила онтологию собственности: контроль над алгоритмами, патентами и пользовательскими метаданными становится новым источником власти, воспроизводящим экономическое и эпистемическое неравенство.

Третья задача главы — анализ концепта и трендов цифровизации как системообразующего фактора социальных изменений. Исследуя этапы технологической эволюции (от ранней компьютеризации до эпохи ИИ и блокчейна), автор демонстрирует, как цифровизация трансформирует не только экономические практики, но и антропологические основания человеческого взаимодействия.

Синтез этих трёх концептов позволяет выявить структурную взаимосвязь между историческими формами справедливости, эволюцией собственности и технологическими трендами. Например, платформизация экономики, с одной стороны, декларирует демократизацию доступа к ресурсам, а с другой — усиливает асимметрию через алгоритмическую дискриминацию и рентные модели извлечения прибыли. Таким образом, глава выполняет роль концептуального моста, соединяющего классическую социальную философию с вызовами цифровой антропологии.

1.1. Концепт справедливости в контексте цифрового неравенства

Параграф служит смысловым ядром Главы I, раскрывая эволюцию одной из ключевых категорий социальной философии в контексте цифровой трансформации. Его основная задача — продемонстрировать, как исторические интерпретации справедливости, от античности до современности, могут быть переосмыслены для анализа новых форм социального неравенства, порожденных цифровизацией.

В рамках параграфа решаются три взаимосвязанные задачи. *Первая* — реконструкция историко-философской траектории концепта справедливости: от её понимания как космического порядка у Пифагора и гармонии социальных функций у Платона до современных моделей, таких как теория «справедливости как честности» Дж. Ролза и «подход к возможностям» А. Сена. Это позволяет выявить преемственность и разрывы в интерпретациях, особенно в переходе от теоцентрических (Августин, Фома Аквинский) к секулярным концепциям (Локк,

Кант, Милль). *Вторая задача* — анализ недостатков классических теорий в условиях цифровой эпохи. *Третья задача* — адаптация философского наследия к вызовам цифрового общества. Это включает введение новых концептов, таких как «цифровая справедливость», которая трактуется не только как равный доступ к технологиям, но и как защита от алгоритмической дискриминации, прозрачность управления данными и этика ИИ.

Параграф также акцентирует *методологический синтез*: историко-хронологический анализ сочетается с критикой современных технократических подходов, а сравнительный метод позволяет сопоставить античные идеи (например, аристотелевское разделение распределительной и пропорциональной справедливости) с цифровыми реалиями (справедливость доступа к данным versus справедливость их использования).

Этот раздел закладывает основу для последующего анализа цифрового неравенства, демонстрируя, что его корни лежат не только в технологических дисбалансах, но и в глубинных философских противоречиях.

Античная философия заложила следующие методологические принципы анализа справедливости, которые стали фундаментом для последующей социально-философской рефлексии:

1. *Принцип гармонии и иерархии.* В диалоге Платона «Государство» [Платон. 2007] справедливость трактуется как онтологическая и этическая категория, обеспечивающая гармонию между структурными элементами души (разум, ярость, вожделение) и социальными стратами (правители, воины, производители). Телеологическая модель Платона предполагает, что индивид реализует справедливость через выполнение функции, соответствующей его природным способностям («каждый должен иметь свое и исполнять свое»), а идеальное государство — через правление философов-царей, воплощающих рациональное начало. Однако данная модель критикуется за элитаризм и потенциал тоталитарных практик, исключающих политическое участие большинства, простого народа. В итоге, у Платона справедливость трактуется как гармоничное соотношение частей целого — как

в душе (баланс разума, ярости и вожделения), так и в идеальном государстве (распределение функций между правителями, воинами и производителями). Этот принцип предполагает, что справедливость достигается через упорядоченность и соответствие природным способностям индивида («каждому — своё»).

2. *Принцип дифференциации и баланса.* Аристотель в «Никомаховой этике» [Аристотель. 1983] разрабатывает дихотомию справедливости, разделяя её на два типа: распределительную (*proportionalis*), регулирующую распределение благ согласно достоинству (*ἀξία*), и пропорциональную (*correctiva*), направленную на восстановление баланса при нарушении договорённостей. Справедливость понимается как добродетель, достигаемая через соблюдение «золотой середины» между избытком и недостатком, что требует развития *phronesis* (практической мудрости). В отличие от платоновского дискурса, аристотелевский подход интегрирует справедливость в систему этических и правовых отношений, актуальных для реального полиса. Таким образом, этот дуализм заложил основу для анализа справедливости через призму равенства (геометрического — для распределения, арифметического — для компенсации).

В античной философии были достигнуты фундаментальные прорывы в концептуализации справедливости, заложившие основу для всей последующей западной мысли. Во-первых, Платон в диалоге «Государство» систематизировал справедливость как онтологический и этический принцип гармонии, связав её с идеей идеального порядка: в душе — через баланс разума, воли и желаний, в обществе — через разделение функций между сословиями. Это впервые превратило справедливость из абстрактной добродетели в структурный элемент социального устройства. Во-вторых, Аристотель в «Никомаховой этике» провёл дифференциацию видов справедливости, разделив её на распределительную (пропорциональное воздаяние по заслугам) и уравнивающую (восстановление баланса при нарушении прав). Его подход интегрировал справедливость в систему права и этики, связав её с практической мудростью (*phronesis*) и «золотой серединой» как критерием добродетели. В-третьих, античная мысль

связала справедливость с политическим устройством: у Платона — через правление философов-царей, у Аристотеля — через анализ полиса как пространства реализации гражданских добродетелей.

Средневековая философия, представленная Фомой Аквинским, синтезировала античные концепты собственности с христианской теологией. В «Сумме теологии» справедливость (*iustitia*) определяется как добродетель, выражающаяся в «постоянной воле воздавать каждому своё» (*sum cuique*). Она подразделяется на виды: *коммутативную* (справедливость обменов) и *дистрибутивную* (распределение благ). Используя понятие божественного закона (*lex divina*), Фома Аквинский утверждает, что справедливость суть общественное благо (*bonum commune*), согласуя индивидуальные интересы с божественным замыслом. Однако данная модель подвергается критике за зависимость от теологических предпосылок и оправдание социальной иерархии как части «божественного порядка».

Эпоха Возрождения ознаменовалась секуляризацией концепта справедливости, интегрировавшей гуманистические и прагматические элементы. Эразм Роттердамский в работе «Похвала глупости» (1511) подвергает критике лицемерие, при котором декларации о справедливости маскируют коррупционные практики. Автор акцентирует необходимость этической консистентности, утверждая, что подлинная справедливость реализуется через служение общему благу (*bonum commune*) и моральную автономию индивида. В противоположность этому Никколо Макиавелли в трактате «Государь» (1532) формулирует инструменталистский подход, подчиняющий справедливость политической целесообразности. Согласно Макиавелли, правитель должен применять насилие и обман, если это обеспечивает стабильность государства — тезис, опровергающее античную связь справедливости с добродетелью. Данная антиномия (моральный идеализм *versus* политический реализм) отражает ключевой парадокс ренессансной мысли: стремление к этическим идеалам в условиях кризиса традиционных теологических институтов [Belas L. 2013].

Эпоха Просвещения трансформировала дискурс справедливости через призму рационализма и теории общественного договора. Джон Локк во «*Втором трактате о правлении*» (1689) обосновывает справедливость как защиту естественных прав (жизнь, свобода, собственность), возникающих в догосударственном состоянии. Общественный договор, по Локку, учреждается для гарантии этих прав, а легитимность власти обусловлена её способностью обеспечивать их нерушимость. Концепт справедливости как «верховенства закона» (rule of law) становится краеугольным камнем либеральной парадигмы общественного развития, влияя на формирование современных конституционных режимов.

Иммануил Кант в «*Метафизике нравов*» (1797) развивает деонтологическую теорию, трактующую справедливость как соблюдение универсальных моральных максим. Категорический императив, требующий действовать так, чтобы принцип поступка мог стать всеобщим законом, исключает утилитарные компромиссы. Справедливость, по Канту, предполагает отношение к человеку как к цели (Zweck an sich selbst), а не средству, что в итоге закладывает концепции современных прав человека. Однако кантовский ригоризм критикуется за игнорирование контекстуальных факторов и социально-экономических дисбалансов [Кант И. 1994].

XIX–XX века расширили понятие справедливости, включив в него социально-экономические аспекты. Джон Стюарт Милль в труде «*Утилитаризм*» (1861) предлагает телеологическую модель, оценивающую справедливость через призму максимизации общего счастья (принцип полезности). Действие считается справедливым, если его последствия повышают благосостояние большинства, даже ценой ущемления меньшинств. Данный подход, повлиявший на становление общества благосостояния (welfare state), подвергается критике за возможность оправдания «тирании большинства» и пренебрежение правами отдельных меньшинств.

Критика капиталистической системы Карлом Марксом, изложенная в трудах «*Манифест Коммунистической партии*» (1848) и «*Капитал*» (1867),

фокусируется на классовом неравенстве и эксплуатации человека человеком. Маркс полагает, что для ликвидации справедливости необходимо уничтожение частной собственности и введение всеобщей собственности. По его мнению, присвоение прибавочной стоимости капиталистами представляет собой системную несправедливость, преодолеваемую лишь революционным упразднением класса буржуазии. Данный концепт, имеющий телеологическую направленность, стал теоретической основой социалистических движений, хотя подвергался критике за утопизм и игнорирование институциональных сложностей перехода от капитализма к социализму.

Джон Ролз в работе *«Теория справедливости»* (1971) полагает что отправным пунктом анализа проблемы справедливости должна стать справедливость как честностью. Методология «занавес неведения» (veil of ignorance) предполагает выбор принципов распределения благ в гипотетической исходной позиции, где индивиды лишены информации о своём настоящем статусе, талантах или ресурсах. Ролз формулирует два принципа: 1) гарантия равных базовых свобод; 2) допустимость социально-экономического неравенства только при условии максимизации выгод для наименее привилегированных и обеспечения равного доступа к социальным позициям. Данная модель, повлиявшая на теории социального государства, критикуется за абстрактность и недооценку культурных различий.

Альтернативу эгалитаристской теории справедливости Джона Ролза представляет либертарианская концепция Роберта Нозика, изложенная в его труде *«Анархия, государство и утопия»* (1974). Автор отстаивает «историческую теорию справедливости», где легитимность распределения определяется справедливостью первоначального присвоения и последующих добровольных трансакций. Нозик отвергает перераспределительные механизмы как нарушение прав индивида, аргументируя минимальную роль государства — защиту собственности и обеспечение социальных контрактов. Его критика ролзовского эгалитаризма акцентирует противоречие между свободой и равенством, став основой для современной политической мысли.

Критическая теория, представленная Юргеном Хабермасом и Мишелем Фуко, проблематизирует онтологические основания справедливости. В «*Теории коммуникативного действия*» (1981) Хабермас определяет справедливость как результат рационального дискурса, где участники, свободные от принуждения, достигают консенсуса через взаимное признание притязаний на значимость. Его концепт «коммуникативной рациональности» предполагает, что легитимность норм зависит от их обоснованности в идеальной речевой ситуации. В отличие от этого, Мишель Фуко в своей работе «*Надзирать и наказывать*» (1975) трактует справедливость как продукт властных отношений, материализующихся в дисциплинарных практиках и дискурсах. Анализ пенитенциарной системы раскрывает, как правовые институты воспроизводят социальное неравенство через механизмы надзора. Фукианский подход отрицает возможность нейтральной справедливости, акцентируя её связь с доминирующими структурами власти.

Феминистская философия трансформировала дискурс справедливости, интегрировав гендерные аспекты. Кэрол Гиллиган в работе «*Другим голосом*» (1982) критикует субъект-центрированные модели морали, доминирующие в патриархальной традиции. Автор аргументирует, что женский этический опыт акцентирует ценности заботы (care) и реляционности, формируя альтернативный концепт справедливости, основанный на межличностной ответственности. Данный подход заложил основы феминистской этики справедливости, противопоставив абстрактному универсализму контекстуальную чувствительность справедливости.

Кимберли Креншоу в исследовании «*Mapping the Margins*» (1991) развивает интерсекциональный анализ, рассматривающий угнетение как результат пересечения множественных идентичностей (раса, гендер, класс). Её концепт справедливости требует учёта комбинированных эффектов дискриминации, исключая маргинализированные группы из правового и социального поля справедливости. Креншоу акцентирует необходимость

контекстуализации опыта, отвергая универсализирующие нарративы, игнорирующие социальное неравенство.

Интерсекциональный подход критикует традиционные теории, предлагая вместо них полицентричный концепт, который:

1. Признаёт множественность форм угнетения;
2. Требуеt адресных механизмов инклюзии;
3. И ставит проблему включения уязвимых групп в нормативные рамки справедливости.

Кроме того, учитывая, что это понятие уже было введено, уместно дать общее определение феномену дискриминации. Его можно описать следующим образом:

Дискриминация - это устанавливаемое в обществе законодательным или иным путем ограничения или лишения прав какой-либо социальной группы, страта или класса по каким-либо признакам или критериям [Орехов А.М. 2011, с. 272].

Дискриминацию можно разделить на несколько основных типов, включая политическую, правовую, религиозную, расовую и гендерную. Кроме того, экономическая дискриминация, которая относится к неравному обращению, коренящемуся в экономических факторах, также может быть признана отдельным видом.

Экономическая дискриминация - это устанавливаемое в обществе законодательным или иным способом ограничение или лишение прав какой-либо экономической группы, страта или класса по экономическим (хозяйственным) признакам или критериям [Орехов А.М. 2011, с. 272].

Современные философы также продолжают исследовать справедливость, – здесь следует указать на труды Т.А. Алексеевой [Алексеева Т.А. 1992], А.Ю. Ашкерова [Ашкеров А. 2008], Д.В. Бугая [Бугай Д.В. 2016], А.А. Гусейнова [Гусейнов А.А. 2001], Е.В. Золотухиной-Аболиной [Золотухина-Аболина Е.В. 2022], Г.Ю. Канарша [Канарш Г.Ю. 2019], Е.В. Карчагина [Карчагин Е.В.,

Токарева С.Б., Яворский Д.Р. 2017], Б.Н. Кашникова [Кашников Б.Н. 2004], Л.В. Максимова [Максимов Л.В. 2017], А.В. Прокофьева [Прокофьев А.В. 2013].

Несмотря на сохраняющуюся значимость ролзовского концепта справедливости, изложенного в *«Теории справедливости»* (1971), его методологическая ограниченность — фокус на национальном государстве как первичном субъекте анализа — подвергается ревизии в условиях глобализации. Томас Погге в труде *«Мировая бедность и права человека»* (2002, с дополнениями в 2010-х) аргументирует, что структурное неравенство между странами требует пересмотра нормативных рамок. Автор акцентирует моральную ответственность государств «золотого миллиарда» за преодоление бедности стран третьего мира. Погге критикует теорию справедливости Ролза, предлагая вместо этого концепт «негативных обязанностей» — обязательства избегать соучастия в системах, причиняющих вред другим индивидам. Данный подход смещает акцент с территориально ограниченного перераспределения на глобальную солидарность, требуя учёта транснациональных причинно-следственных связей (например, экологического ущерба, наносимого индустриальными странами развивающимся).

Концепт Погге приобретает особую актуальность в контексте климатических изменений, где дисбаланс между вкладом в эмиссию CO₂ и последствиями демонстрирует необходимость перераспределения ответственности. Его модель предполагает, что справедливость должна измеряться не только распределением благ, но и минимизацией системного насилия, исходящего от глобальных экономических и политических структур.

Альтернативную утилитаристским и ресурсно-ориентированным моделям справедливости (например, теории Джона Ролза) нормативную модель социально-экономического развития предлагает Амартия Сен, чей концепт «развития как свободы» сохраняет влияние в современных исследованиях. Отвергая редукцию справедливости к распределению ресурсов, Сен фокусируется на расширении реальных возможностей (capabilities) индивидов достигать ценных функционирований — здоровья, образования,

участия в общественной жизни. В соавторстве с Жаном Дрезом в работе «*Неопределённая слава: Индия и её противоречия*» (2013) он демонстрирует, что экономический рост без инвестиций в человеческий капитал усугубляет социальное неравенство. Их анализ подчёркивает необходимость политики, направленной на устранение барьеров доступа к базовым услугам всех граждан государства.

Концепт Сена обеспечивает методологическую основу для оценки прогресса через призму концепции устойчивого благополучия, что коррелирует с целями, поставленными ООН. Акцент на расширении возможностей, а не на увеличении ВВП, позволяет выявлять латентные формы неравенства, не фиксируемые традиционными экономическими индикаторами. Критики, однако, отмечают неопределённость критериев выбора «ценностей» и риск культурного релятивизма при их определении.

Критика, развиваемого Амартией Сеном, акцентирует его методологическую неопределённость в выборе приоритетных возможностей. Марта Нуссбаум в работе «*Creating Capabilities: The Human Development Approach*» (2011) предлагает ответ на эту критику через разработку нормативного списка «центральных человеческих возможностей», необходимых для реализации человеческого достоинства. В перечень включены: 1) жизнь; 2) телесное здоровье; 3) телесная целостность; 4) сенсорное восприятие; 5) воображение; 6) мышление; 7) эмоциональность; 8) практический разум; 9) социальная принадлежность; 10) взаимодействие с природой; 11) игровая деятельность; 12) контроль над окружением. Нуссбаум подчёркивает, что данный список, будучи универсальным, требует контекстуальной адаптации, сохраняя приоритет защиты базовых достоинств индивидов вне зависимости от их социокультурного статуса. Её концепт, синтезируя этический универсализм и культурный плюрализм, предоставляет критерии для оценки социальной политики, что отличает его от более абстрактного подхода Сена.

Параллельно в 2010-х годах актуализировались дискуссии о социальной и восстановительной справедливости, стимулированные движением Black Lives

Matter. Мишель Александер в работе *«Новый Джим Кроу: массовые лишения свободы в эпоху дальтонизма»* (2010) анализирует институциональный расизм американской пенитенциарной системы, трактуя массовые заключения как инструмент расового контроля. Автор демонстрирует, что криминализация афроамериканцев через «войну с наркотиками» воспроизводит сегрегационные практики, лишая их политических и экономических прав. Её концепт справедливости требует преодоления системных предубеждений и перераспределения власти, а не только коррекции индивидуальных несправедливостей.

Ускорение технологических инноваций актуализирует пересмотр традиционных концептов справедливости в контексте цифрового неравенства, алгоритмической предвзятости и концентрации власти у технологических корпораций. Шошана Зубофф в работе *«Эпоха надзорного капитализма»* (2022) анализирует механизмы извлечения прибыли через эксплуатацию персональных данных. Автор вводит концепт «надзорного капитализма», характеризующийся трансформацией человеческого опыта в сырьё для прогнозной аналитики, что подрывает автономию индивида и усиливает социально-экономическое неравенство. Зубофф аргументирует, что данная система, основанная на массовой экстракции и коммодификации данных, создаёт асимметрию власти, угрожающую демократическим институтам и требующую срочного регуляторного вмешательства [Зубофф Ш. 2022].

Кэти О'Нил в исследовании *«Оружие математического разрушения: как большие данные увеличивают неравенство и угрожают демократии»* (2016) фокусируется на алгоритмической дискриминации в сферах уголовного правосудия, образования и занятости. Автор демонстрирует, что алгоритмы, маскирующиеся под объективные, воспроизводят и усугубляют социальное неравенство из-за некорректных данных и скрытых метрик. О'Нил вводит термин «оружие математического разрушения» для описания систем, исключая прозрачность и подотчётность, что приводит к маргинализации уязвимых групп и ограничению социальной мобильности.

Развитие концепта «эпистемической справедливости» в 2010-х годах актуализировало критический анализ неравенства в производстве и распределении знания. Миранда Фрикер в работе «*Эпистемическая несправедливость: власть и этика знания*» (2007) вводит термин «свидетельственная несправедливость», описывающий дискредитацию высказываний индивидов вследствие предубеждений против их социальной идентичности. Данный феномен, по Фрикер, искажает коммуникативные практики, воспроизводя структуры власти, исключая маргинализированные группы из эпистемических сообществ. Её концепт получил развитие в трудах Чарльза Миллса, чья работа «*Расовый контракт*» (1997) раскрывает, как расистские предпосылки западной философии систематически исключают небелый опыт из категории «объективного» знания. Миллс аргументирует, что эпистемические нормы сконструированы доминирующими группами, что приводит к «эпистемическому зазеркалью», где угнетённые лишены инструментов для артикуляции своей реальности.

Кристи Дотсон в серии эссе 2010-х годов расширяет этот анализ, вводя концепт «эпистемического насилия» — практик, направленных на стирание или подавление альтернативных эпистемических позиций. Её исследования демонстрируют, как академические институты, через критерии «научной строгости» и «универсальности», делегитимизируют знания, производимые на периферии социальной иерархии (например, *indigenous knowledge* или квир-нарративы). Это не только искажает коллективное понимание реальности, но и закрепляет социальное неравенство, ограничивая доступ маргинализированных групп к ресурсам и влиянию.

Современный концепт справедливости требует учёта многомерности вызовов в условиях глобализации и технологической медиации. Трансформация социальных взаимодействий в цифровую эпоху, рост влияния транснациональных корпораций и алгоритмизация принятия решений усложняют распределение возможностей и ответственности. Индивиды функционируют одновременно как граждане национальных государств и акторы

глобальных сетей, где решения, принимаемые в одном регионе, провоцируют каскадные эффекты в других. Технологии, с одной стороны, расширяют доступ к информации, с другой — усиливают цифровое неравенство и концентрацию власти, что ставит под вопрос адекватность традиционных правовых и этических рамок.

Для преодоления этих дисбалансов необходимо:

1. *Ревизия эпистемических стандартов.* Инклюзия маргинализированных перспектив через квотирование, деколонизацию учебных программ и поддержку альтернативных эпистемических сообществ (Термин относится к группам, чьи способы познания, методологии и системы знания исторически исключались из доминирующих академических и научных парадигм). Речь идёт о:
 - a. Локальных и коренных знаниях (например, традиционные экологические практики коренных народов, системы медицины, не вписывающиеся в западную биомедицинскую модель);
 - b. Маргинализированных дискурсах (феминистские, квир-теории, постколониальные исследования, критическая расовая теория);
 - c. Ненаучных формах познания (устные традиции, нарративы уязвимых групп, художественные и активистские практики).
2. *Регуляция цифровых платформ.* Внедрение алгоритмической прозрачности, запрет дискриминационных практик сбора данных, перераспределение контроля над цифровой инфраструктурой.
3. *Образовательные реформы.* Интеграция медиаграмотности и критического мышления в учебные программы для противодействия дезинформации и манипулятивным техникам.

Примером практической реализации этих принципов служат инициативы по этике ИИ (например, EU AI Act), требующие аудита алгоритмов на предмет предвзятости, и проекты цифровой демократии (гражданские ассамблеи онлайн), расширяющие участие в принятии решений. Однако сохраняются противоречия между глобальным характером технологий и локальными правовыми системами,

а также между коммерческими интересами платформ и общественными потребностями.

Достижение справедливости в XXI веке предполагает институционализацию принципов, гарантирующих признание неотъемлемого достоинства индивидов через обеспечение прав, свобод и доступа к ресурсам, необходимым для реализации их потенциала. Ключевым аспектом является преодоление дискриминационных барьеров, связанных с происхождением, социальным статусом или убеждениями, что требует внедрения социальных практик, основанных на толерантности, эмпатии и взаимном признании. В условиях роста культурного разнообразия и технологической взаимозависимости данная задача усложняется необходимостью балансирования между глобальными вызовами и локальными контекстами.

Философский дискурс о справедливости в современную эпоху характеризуется расширением предметного поля и интеграцией междисциплинарных подходов. Работы Томаса Погге (*«Мировая бедность и права человека»*, 2002) акцентируют структурные причины глобального неравенства, требуя перераспределения ответственности за преодоление бедности. Шошана Зубофф [Зубофф Ш. 2022] раскрывает риски концентрации власти у технологических корпораций, подчёркивая связь между эксплуатацией данных и гражданских свобод. Эти исследования демонстрируют, что традиционные концепты справедливости, сфокусированные на национальных государствах и индивидуальных правах, недостаточны для анализа транснациональных и цифровых реалий.

Объединяющим элементом современных теорий выступает ориентация на синтез принципов распределительной, восстановительной и эпистемической справедливости. Например, концепт «климатической справедливости» соединяет требования экологического перераспределения с учётом исторической ответственности индустриальных стран. Аналогично, цифровая справедливость (digital justice) предполагает не только доступ к технологиям, но и защиту от алгоритмической дискриминации.

1.2. Концепт собственности в контексте цифрового неравенства

Проблема определения природы собственности представляет собой предмет междисциплинарного научного анализа, интегрирующий правовые, экономические и социально-философские аспекты. Данный параграф фокусируется на историко-философской реконструкции концепций собственности, прослеживая их трансформацию в различных интеллектуальных традициях. Авторская методология предполагает компаративный анализ теоретических моделей, разработанных представителями ключевых философских школ, с акцентом на их попытки концептуализации этого феномена собственности, обоснования его социальных функций и критического осмысления институциональных последствий.

Истоки анализа роли собственности в социально-политическом устройстве прослеживаются в античной философской традиции, в частности в трудах Платона. В диалоге «Государство» представлена модель идеального полиса, основанная на разграничении функции трех главных страт. Концепция стратификации Платона предполагает выделение трех классов: правителей-философов, воинов-стражей и производителей (ремесленников и земледельцев). Ключевым аспектом данной конструкции выступает регламентация имущественных отношений, варьирующаяся в зависимости от социального статуса.

Для сословия стражей, ответственной за безопасность и управление, институт частного владения целенаправленно минимизируется. Философ аргументирует это необходимостью устранения факторов, способных подорвать их альтруистическую ориентацию. В качестве инструмента нивелирования эгоистических мотиваций предлагается модель коллективной собственности. Такие меры призваны нейтрализовать конфликты интересов, связанные с собственностью, и обеспечить приоритет общественного блага над индивидуальным.

Однако данное разделение не универсализируется. Классу производителей, обеспечивающему экономическую базу полиса, разрешается индивидуальное владение имуществом. Это обусловлено прагматическим признанием: (1) стимулирующей роли личных интересов в хозяйственной деятельности; (2) рисков дестабилизации при радикальной отмене частнособственнических отношений.

Таким образом, платоновская модель демонстрирует инструментальный подход к собственности. Ее этико-политическая оценка не абсолютизируется, но определяется функциональной целесообразностью в рамках иерархизированной социальной системы. Собственность трактуется как условный элемент, допустимость которого коррелирует с социальной ролью индивида и необходимостью поддержания социетального равновесия. Данная дихотомия (запрет для управленческой элиты versus дозволение производителям) рефлексировывает фундаментальную антиномию между коллективистскими идеалами и экономической практичностью, оставаясь предметом дискуссий в современных социально-философских исследованиях.

В работе Аристотеля «Политика» представлена альтернативная Платону концепция имущественных отношений, противопоставляемая платоновским воззрениям. Аристотель признает риски индивидуализма и социального расслоения, сопряженные с частным владением, однако обосновывает его функциональную значимость для социума. Индивидуальная собственность трактуется как естественное продолжение человеческой природы, активизирующее ответственность, хозяйственную инициативу и эффективное распоряжение ресурсами. Тезис о предпочтительности частного владения при условии общедоступного пользования отражает попытку синтеза личных интересов с коллективными потребностями. Критикуя коммунитарные модели, предполагающие обобществление имущества правящей страты, автор указывает на их контрпродуктивность: нивелирование персональной ответственности ведет к деградации социальных связей и снижению качества управления.

Эмпирико-антропологический подход акцентирует собственнические инстинкты как имманентный мотивационный фактор, который при рациональном регулировании трансформируется в общественное благо. Право на владение рассматривается как необходимое условие реализации личностного потенциала и добродетельного саморазвития. При этом подчеркивается необходимость правового ограничения чрезмерной концентрации ресурсов и воспитания этических норм, минимизирующих эгоистические злоупотребления. Институт частной собственности концептуализируется не как абсолютное благо, но как естественный социальный механизм, требующий баланса между автономией индивида и интересами полиса. Данная диалектика индивидуального и коллективного стала основополагающей для последующего развития теорий собственности в западной философской традиции.

Формирование западных концепций собственности детерминировано нормативными разработками римской юриспруденции, систематизировавшей имущественные отношения через категориально-правовой аппарат. Правовая система античного Рима дифференцировала три ключевых аспекта: право абсолютного распоряжения (*dominium*), фактическое обладание (*possessio*) и утилитарное использование (*usus*). *Dominium* трактовалось как эксклюзивное и безусловное право субъекта на объект, включающее полномочия по владению, пользованию и отчуждению. Юридическая классификация объектов (*res*) предусматривала разделение на *res mancipi* (земельные участки, рабы, тягловый скот), требующие формализованных процедур передачи, и *res nec mancipi* (прочие движимые объекты), обрацаемые посредством простой традиции.

Следует отметить имплицитное противоречие римской модели собственности: при декларировании абсолютности *dominium* правоприменительная практика демонстрировала множественность ограничений (сервитуты, эфитевзис, суперфиций), отражающих баланс частных и публичных интересов. Этот диалектический подход предопределил многовековую эволюцию западного права собственности, сочетающего принцип нерушимости частных прав с социальной функцией имущества.

Средневековая философская мысль ввела анализ имущественных отношений в теологический дискурс, акцентируя их связь с этико-религиозными категориями. Теоретики этого периода разрабатывали концепции собственности через призму библейской антропологии и теодицеи. В рамках августинианской традиции материальные блага интерпретировались как атрибут повреждённой человеческой природы после грехопадения, порождающий социальные конфликты и моральную деградацию. Данный подход подчёркивал эсхатологическую условность земного имущества, противопоставляя его духовным ценностям вечного порядка.

Систематизация вопроса осуществлена в томистской схоластике, синтезировавшей аристотелевские принципы с христианской догматикой. Согласно данной парадигме, частное владение трактовалось как вторичный институт, легитимированный необходимостью компенсировать последствия первородного греха. Аргументация включала прагматические аспекты: повышение эффективности ресурсопользования, минимизацию конфликтов через чёткое разграничение правомочий, стимулирование хозяйственной ответственности. При этом подчёркивалась производность имущественных прав от высшего естественного закона, требующего подчинения индивидуальных интересов коллективному благу.

Важным элементом концепции стали размышления Фомы Аквинского о предназначении собственности (лат. *usus pauper*), утверждавшие моральную обязанность владельцев направлять избыточные ресурсы на поддержку нуждающихся. Экстремальные случаи материальной недостаточности легитимировали право на изъятие излишков без санкции собственника — принцип, получивший позднее нормативное закрепление в каноническом праве. Данная дихотомия (неприкосновенность владения versus redistributive imperative) отражала попытку балансирования между стабильностью правового порядка и этическими императивами христианской *caritas*.

Теологизация собственности в средневековом дискурсе создала концептуальный мост между античными правовыми моделями и

раннемодерными теориями естественного права, сохранив актуальность в современных дебатах о соотношении экономической эффективности и социальной справедливости.

Философская мысль Нового времени ознаменовалась концептуальной реконфигурацией подходов к собственности в контексте становления теорий естественного права и общественного договора. В рамках данной парадигмы институт собственности анализировался через призму искусственного происхождения социальных норм. Теоретики этого периода, включая Гоббса, отрицали онтологический статус имущественных прав в до-государственном состоянии, трактуя их как производные от политической организации.

В работе «Левиафан» Т. Гоббса обосновывается принципиальная условность собственности: в естественном состоянии («война всех против всех») отсутствуют стабильные имущественные различия, поскольку индивиды присваивают ресурсы силовым путём. Учреждение суверенной власти интерпретируется как необходимое условие легитимации и защиты владельческих претензий. Собственность конституируется не через естественные прерогативы, но через делегирование регулятивных функций государству, гарантирующему общественный порядок.

Данная модель предполагает инструментализацию имущественных отношений как механизма предотвращения конфликтов. Права собственности трактуются как конвенциональные конструкты, контингентные от институциональных рамок, установленных коллективными соглашениями. Гоббсовский подход предвосхитил последующие дискуссии о собственности как социально-правовом и политико-правовом феномене.

В последующем философская концептуализация собственности претерпела трансформацию через разработку теории естественного права, нашедшей системное выражение в работе Джона Локка «*Два трактата о правлении*» (1690). Центральным элементом данной парадигмы стало обоснование прецедентности имущественных прав по отношению к политическим институтам. Согласно локковской модели, присвоение ресурсов

легитимируется через приложение трудовых усилий к невостребованным объектам природы, что формирует эксклюзивные права владения. Данный тезис, изложенный во «*Втором трактате о правлении*», основывается на принципе самопринадлежности, утверждающем онтологическую связь между индивидом и результатами его физической/интеллектуальной активности.

Теоретическое обоснование Локка подчёркивает двойственную функцию труда: как источника добавленной стоимости и как этического критерия правомочности присвоения. Нормативный статус собственности выводится из антропологического допущения о суверенности индивида над собственной телесностью и её продуктами. Однако концепция содержит имманентные ограничения, выраженные в «провизионной оговорке»: присвоение допустимо лишь при сохранении «достаточного количества и качества» ресурсов для остальных членов сообщества. Данное условие порождает методологические лакуны, связанные с определением критериев избыточности в условиях ресурсной ограниченности.

Интеллектуальный дискурс эпохи Просвещения характеризовался критическим переосмыслением предшествующих теорий собственности, включая локковскую парадигму. В работе «*Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми*» (1755) Руссо рассматривает институт частной собственности как институт социальной дифференциации и моральной деградации. Генезис собственности реконструируется через символический акт присвоения земли («Это моё»), маркирующий переход от естественного равенства к искусственным иерархиям.

Руссо не отрицает полностью легитимность частного владения, но акцентирует необходимость его субординации коллективным интересам. Регуляция имущественных отношений должна осуществляться через механизмы общей воли (фр. *volonté générale*), обеспечивающей баланс между индивидуальными претензиями и общественным благом. Концептуализация собственности увязывается с антропологической моделью, противопоставляющей естественное состояние (характеризующееся

эгалитаризмом) цивилизационным процессам, порождающим отчуждение и конкурентные отношения.

Руссоистская критика направлена не на имущественные права как таковые, но на их абсолютизацию, ведущую к препятствиям для общественного договора. Данная позиция предвосхитила современные дискуссии о перераспределительной справедливости и ограничениях рыночного индивидуализма.

Философская мысль XVIII века, представленная Дэвидом Юмом, предложила альтернативную интерпретацию института собственности. В рамках эмпирико-прагматического подхода, изложенного в *«Трактате о человеческой природе»* (1739–1740), Юм трактует собственность как социальный конструкт, сформированный для обеспечения коллективной стабильности. Отрицая естественно-правовое обоснование, автор утверждает искусственное происхождение имущественных норм, возникающих из утилитарного расчета на взаимную выгоду. Справедливость интерпретируется не как врождённая добродетель, но как продукт рационального соглашения, направленного на минимизацию конфликтов за ресурсы.

Ключевым элементом аргументации Юма выступает тезис о примате общественного интереса над индивидуальным. Моральное воспитание, по мнению автора, заключается в интериоризации принципов беспристрастности, позволяющих преодолевать эгоистические импульсы. Институционализация собственности легитимируется её функцией поддержания социального порядка, без которого невозможно сохранение кооперативных систем.

Особое внимание Юм уделяет роли культурно-исторических факторов: обычаи и привычки формируют когнитивные схемы восприятия имущественных прав как естественных, маскируя их конвенциональную природу. Правила владения обретают нормативную силу не через метафизические обоснования, но через укоренённость в повседневных практиках и коллективном одобрении.

Можно указать на противоречие в концепции Юма: несмотря на декларируемую утилитарность, она не предлагает чётких критериев для разрешения конфликтов между частными интересами и общественным благом.

Трансцендентально-идеалистическая парадигма Иммануила Канта интегрирует анализ собственности в систему моральной философии, связывая её с категорическим императивом. Согласно кантовской концепции, внешняя собственность выступает необходимым условием реализации индивидуальной автономии, обеспечивая пространство для свободного волеизъявления. Право собственности определяется как юридически санкционированная возможность исключать третьих лиц из пользования объектом, что предполагает акт рациональной воли, проецируемой на внешний мир. Кант дифференцирует эмпирическое владение (физический контроль) и ноуменальное (умопостигаемое), подчёркивая, что легитимность последнего коренится в априорных принципах разума. Государству отводится роль гаранта, обеспечивающего универсализацию имущественных отношений через правовые механизмы, что согласуется с требованием справедливости как всеобщего максимума [Кант И. 1994].

В XIX веке философская рефлексия о собственности трансформировалась под влиянием социально-экономических изменений, связанных с индустриализацией и классовыми противоречиями. В работе «*Философия права*» (1820) Гегель интерпретирует собственность как инструмент объективации индивидуальной воли, необходимый для формирования самосознания. Присвоение вещей трактуется не как утилитарный акт, но как процесс экстерииоризации субъективности: воля индивида, воплощаясь в объекте, преодолевает его абстрактную вещьность, утверждая собственность как форму диалектического синтеза свободы и необходимости. Данный подход связывает имущественные отношения с развитием «нравственной субстанции» государства, где частное право интегрируется в систему этических норм [Гегель Г.В.Ф. 1990].

Однако гегелевская модель не игнорирует социальные риски: признаётся необходимость государственного регулирования для смягчения имущественного неравенства, порождаемого капиталистическим производством. Критикуя абсолютизацию частных интересов, автор акцентирует роль публичных институтов в гармонизации отношений между гражданским обществом и политической организацией.

Эволюция философских подходов от Канта к Гегелю демонстрирует переход от индивидуалистического обоснования собственности к её трактовке как элемента коллективной этики. Если кантовская модель фокусируется на формально-правовых условиях владения, то гегельянская диалектика раскрывает собственность как стадию развития объективного духа, синтезирующую личную свободу и социальную ответственность. Эти концепции заложили основу для последующих дискуссий о корреляции экономических прав, государственного суверенитета и социальной справедливости.

Критический анализ капиталистических отношений собственности в XIX веке привёл к формированию двух конкурирующих парадигм, ревизующих традиционные представления о природе имущественных прав. Первая, разработанная Карлом Марксом в рамках материалистического понимания истории, идентифицирует частное владение средствами производства как структурную основу социального антагонизма. Посредством дифференциации личной собственности (объекты индивидуального потребления) и капиталистической (контроль над производственными активами) обосновывается механизм эксплуатации, базирующийся на присвоении прибавочной стоимости. Данный процесс трактуется как источник системного неравенства, воспроизводящего классовый конфликт между собственниками и пролетариатом. Коммунистическая перспектива, изложенная в трудах Маркса, предполагает замену частного владения коллективным управлением производством, что связывается с ликвидацией отчуждения труда и становлением бесклассовой социальной организации.

Иной подход, представленный Джоном Стюартом Миллем в работе *«Принципы политической экономии»* (1848), развивается в рамках утилитаристской традиции, акцентируя адаптационный потенциал института собственности. Признавая его роль в стимулировании экономической эффективности, Милль подчёркивает необходимость реформирования для минимизации дисбалансов собственности. Принцип полезности легитимирует государственное вмешательство, направленное на коррекцию распределения ресурсов через прогрессивное налогообложение, ограничение наследования и аграрные реформы. Права собственности интерпретируются как динамичные социальные конвенции, требующие перманентной переоценки в контексте меняющихся общественных потребностей.

Сопоставление этих моделей выявляет методологические расхождения. Марксистская парадигма рассматривает собственность как элемент базиса, детерминирующий надстроечные отношения, и требует её радикальной трансформации. Милль, напротив, трактует её как инструмент надстройки, подлежащий оптимизации в рамках существующей системы. Общим является тезис об условности имущественных прав: если в марксизме их легитимность отрицается через призму классового господства, то в утилитаристской модели — обуславливается соответствием критериям общественного благосостояния.

Критика Маркса оказала влияние на формирование революционных идеологий, акцентирующих необходимость экспроприации производственных активов. Миллевская концепция заложила теоретические основы социально-ориентированного реформизма, направленного на смягчение неравенства через правовые механизмы. Эти подходы сохраняют актуальность в современных дискуссиях о пределах собственности, балансе экономической свободы и социальной ответственности.

Философская рефлексия XX–XXI веков продолжила концептуализацию собственности в контексте трансформаций технологического ландшафта и глобальных социально-экономических дисбалансов. Феноменологический анализ Э. Гуссерля [Гуссерль Э. 2009] оказал влияние на онтологические

интерпретации собственности: М. Хайдеггер [Хайдеггер М. 2003] исследовал «собственность существования» (*Eigentlichkeit*) как модус аутентичного бытия, тогда как Ж.-П. Сартр [Сартр Ж.П. 2000] трактовал владение как способ утверждения субъективности в мире фактичности.

В рамках нормативной философии Джон Ролз в труде «*Теория справедливости*» (1971) интегрировал проблему собственности в дискурс дистрибутивной справедливости. Принцип различия, предложенный автором, допускает имущественное неравенство исключительно при условии максимизации благ для наименее привилегированных социальных групп. Данный подход подразумевает перераспределительные механизмы, ограничивающие концентрацию ресурсов и обеспечивающие равенство возможностей.

Контрапунктом выступила либертарианская теория Роберта Нозика, изложенная в «*Анархии, государстве и утопии*» (1974). Автор отстаивал историческую концепцию собственности, легитимирующую владение только через три критерия: первоначальное присвоение, добровольный обмен, коррекцию прошлых несправедливостей. Нозик критиковал интервенционистскую политику, включая прогрессивное налогообложение, как нарушение естественных правомочий индивида. Минимальное государство, по его мнению, должно ограничиваться защитой имущественных прав и обеспечением контрактных обязательств.

Сопоставление этих моделей выявляет фундаментальное противоречие: если ролзианство акцентирует социальную обусловленность собственности, то нозикианство утверждает её как производную индивидуальной автономии. Первая парадигма связывает легитимность владения с общественным договором, вторая — с моральным приматом личной свободы.

В рамках российской философской традиции концепция собственности анализировалась через множественные методологические призмы, отражая как общеевропейские тенденции, так и специфику национальной мысли. В.С. Соловьев [Соловьев В.С., 1911-1914] исследовал психологические аспекты

взаимодействия субъекта с объектами владения, акцентируя роль эмоциональных и когнитивных связей в формировании имущественных отношений. И.А. Ильин, опираясь на гегелевскую диалектику, обосновывал частную собственность как необходимое условие реализации свободы воли через объективацию личности в материальном мире. С.Л. Франк [Франк С.Л. 1993] осуществлял критический синтез либеральных и социалистических парадигм, отвергая крайности обеих: индивидуалистический редукционизм первой и утопизм второй. В.Ф. Эрн и С.Н. Булгаков интегрировали христианскую антропологию в анализ собственности, трактуя её как инструмент духовного совершенствования, требующий этического ограничения.

Феноменологический поворот в отечественной философии представлен работой В.В. Бибихина *«Собственность. Философия своего»* [Бибихин В.В. 2012], где собственность интерпретируется как экзистенциальный акт «захвата», конституирующий границы между «своим» и «иным». Автор вводит категорию «господства» как способа утверждения субъективности через контроль над пространством и объектами.

Современные исследования демонстрируют междисциплинарную экспансию темы. Проект «пропетологии» А.М. Орехова [Орехов А.М. 2019] направлен на создание интегративной методологии, объединяющей философские, экономические и правовые аспекты анализа собственности, включая её онтологические основания. А.А. Трубина [Трубина А.А. 2012] реконструирует концепцию собственности в философии М. Штирнера, акцентируя её роль в преодолении отчуждения через эгоистическое присвоение. Феноменологические аспекты разрабатываются М.А. Богатовым [Богатов М.А. 2018] и В.А. Подорогой [Подорога В.А. 2016], исследующими телесные и временные модусы владения. С.И. Голенков [Голенков С.И. 2010] фокусируется на экзистенциальных предпосылках собственности, связывая её с базовыми антропологическими потребностями в безопасности и идентичности. Историко-философский анализ Т.Ю. Сидориной [Сидорина Т.Ю. 2014] раскрывает диалектику труда и собственности, подчёркивая их взаимозависимость в

процессах социализации. А.В. Бузгалин [Бузгалин А.В. 2020] актуализирует марксистскую критику, исследуя собственность как форму экономического отчуждения в условиях позднего капитализма.

Сакральные и политические аспекты собственности исследуются в работах П.У. Симора и В.П. Римского [Симора П.У., Римский В.П., Римская О.Н. 2022], анализирующих ритуальные практики присвоения, а также Т.В. Погудиной, реконструирующей генезис собственности через призму власти и легитимации.

Современный философский дискурс сталкивается с необходимостью переосмысления традиционных категорий в условиях технологических и экологических вызовов. Ханна Арендт [Арендт Х. 2000] в компаративном анализе античной и современной собственности подчёркивает трансформацию её социальной функции: от условия гражданской свободы — к инструменту экономической эксплуатации. Интеллектуализация производства актуализирует дискуссии о природе прав на нематериальные активы. Патенты, авторское право и цифровые товарные знаки становятся объектами споров о балансе между стимулированием инноваций и обеспечением общедоступности знаний.

Климатические риски и ресурсный дефицит требуют пересмотра антропоцентрических моделей собственности. Концепции коллективного управления природными благами (эко-социализм, теория общин) предлагают альтернативы частному присвоению, акцентируя принцип устойчивости. Параллельно рост цифровых активов (криптовалюты, NFT) ставит вопросы о правовом статусе виртуальной собственности и её регуляторных рамках.

Эти процессы демонстрируют кризис классических теорий, разработанных в контексте индустриальной эпохи. Современная философия собственности вынуждена интегрировать экзистенциальные, экологические и технологические измерения, формируя новые эпистемологические модели для анализа отношений владения в антропоцене.

Современные вызовы традиционным концепциям собственности связаны с технологической трансформацией, порождающей новые формы владения и

контроля. Интеллектуальная собственность, исторически являвшаяся предметом правовых споров, усложнилась в условиях цифровизации. Лоуренс Лессиг в работе *«Ремикс: как сделать искусство и коммерцию процветающими в гибридной экономике»* (2008) критикует максималистские подходы к авторскому праву, доминирующие в корпоративных стратегиях. Автор аргументирует, что жёсткое регулирование подавляет креативность, ограничивая возможность рекомбинации культурных продуктов. Концепция «культуры ремиксов», предложенная Лессигом, предполагает либерализацию норм для стимулирования производных работ, что, по его мнению, способствует динамизации культурного пространства. Несмотря на хронологические рамки исходного исследования, его идеи сохраняют релевантность в дискуссиях о балансе между защитой прав и свободой доступа в цифровой среде.

Дополнительный уровень сложности вносит распространение блокчейн-технологий и криптовалют, реструктурирующих принципы владения. Децентрализованные системы позволяют осуществлять контроль над активами без посредничества банков или государственных институтов, что трансформирует традиционные представления о собственности как совокупности санкционированных правомочий. Примавера Де Филиппи и Аарон Райт в труде *«Блокчейн и закон: правило кода»* (2018) анализируют философско-правовые последствия данной технологии. Авторы отмечают потенциал смарт-контрактов для автоматизации договорных отношений, минимизируя риски недобросовестности. Однако подчёркиваются системные угрозы: алгоритмическая предвзятость, отсутствие механизмов разрешения конфликтов в децентрализованных сетях, проблемы идентификации владельцев.

Ключевым отличием цифровых активов становится природа «владения», редуцируемого к контролю над криптографическим ключом. Это ставит под сомнение классические критерии исключительности, телесности и долговременности, присущие материальным объектам. Владение токеном или NFT (невзаимозаменяемым токеном) предполагает доступ к записи в

распределённом реестре, что радикально отличается от физического обладания. Данный парадокс актуализирует необходимость пересмотра юридических определений собственности, разработанных для индустриальной эпохи.

Современные экологические вызовы — изменение климата, деградация экосистем, истощение ресурсов — обусловили трансформацию концепции собственности, сместив акцент с антропоцентрических моделей владения к системам коллективной ответственности. Концепция общего достояния (*commons*), трактуемая как ресурсы, управляемые сообществами на принципах устойчивости, приобрела новую актуальность в контексте поиска альтернатив частнособственнической эксплуатации. Теоретической основой для этого направления служат исследования, лауреата Нобелевской премии по экономике за 2009 год, Элинор Остром, изложенные в работе «*Управление общими ресурсами: эволюция институтов коллективного действия*» (1990). Анализируя эмпирические кейсы самоорганизующихся систем (ирригационные сообщества, рыболовные угодья), Остром продемонстрировала эффективность полицентрических моделей, сочетающих локальные знания, многоуровневое управление и социальные санкции. Её тезис о преодолении «трагедии общин» через институты, основанные на доверии и взаимном контроле, был экстраполирован на решение глобальных экологических проблем, включая адаптацию к климатическим изменениям.

В 2010-х годах идеи Остром информировали дискуссии о децентрализации экологического управления. Акцент на роли местных сообществ в разработке режимов собственности, стимулирующих устойчивое использование ресурсов, противостоял доминирующим парадигмам государственного или корпоративного контроля. Концепция «управления на основе общин» (*community-based governance*) стала методологической основой для проектов по сохранению лесов, водных бассейнов и биоразнообразия, где сочетание традиционных практик и современных технологий позволяет минимизировать переэксплуатацию.

Параллельно нарастает интерес к радикальным концепциям, оспаривающим антропоцентризм классического права собственности. Работа Кристофера Стоуна «*Должны ли деревья иметь право? Закон, мораль и окружающая среда*» (1972), первоначально воспринятая как маргинальная, получила второе рождение в контексте экологического кризиса. Стоун аргументировал необходимость признания юридических прав природных объектов (реки, леса, экосистемы), включая право на защиту интересов через судебные механизмы. Эта идея, предполагающая наделение природы субъектностью, бросила вызов парадигме, трактующей её как пассивный объект владения.

В 2010–2020 годах эоцентрический подход Стоуна был институционализирован в ряде юрисдикций. Конституция Эквадора (2008) признала права природы (*Pachamama*) на существование и восстановление, а в Новой Зеландии река Уонгануи (2017) получила статус юридического лица с делегированными опекунами из числа коренного народа маори. Эти прецеденты демонстрируют сдвиг от исключительного человеческого контроля к моделям, учитывающим экологическую целостность. Однако их реализация сталкивается с правовыми парадоксами: отсутствие чётких критериев представительства нечеловеческих субъектов, конфликты между экологическими и экономическими интересами, сложности в применении санкций.

Философские последствия данных изменений включают пересмотр онтологических оснований собственности. Если традиционные теории акцентировали индивидуальное или коллективное владение, то эоцентризм требует включения экосистемных взаимозависимостей в правовые рамки. Это подразумевает переход от отношений «субъект-объект» к «субъект-субъектным» взаимодействиям, где природа выступает равноправным участником правовых процессов.

Критики отмечают, что признание прав природы не отменяет необходимости разработки механизмов операционализации. Вопросы распределения ответственности, критериев оценки ущерба, интеграции с

существующими имущественными режимами остаются дискуссионными. Тем не менее, синтез идей Остром и Стоуна предлагает путь к гибридным моделям, сочетающим коллективное управление ресурсами с экоцентрическим правовым статусом. Такие модели, как «биорегиональное владение» или «экологические трасты», пытаются совместить устойчивость, справедливость и правовую инновационность, формируя новые эпистемологические горизонты для философии собственности в антропоцене.

Экономическое неравенство как структурный феномен занимает центральное место в современных дебатах о собственности, актуализируя вопросы распределительной справедливости и социальной легитимности имущественных режимов. Эмпирический анализ, представленный Томасом Пикетти в работе «*Капитал в XXI веке*» (2013), выявляет историческую тенденцию к опережающему росту доходов от капитала по сравнению с экономическим ростом, что приводит к кумулятивной концентрации богатства. Хотя исследование Пикетти не фокусируется на философском осмыслении собственности, его выводы имплицитно ставят под сомнение легитимность систем, воспроизводящих структурные дисбалансы. Автор аргументирует необходимость институциональных корректировок — прогрессивного налогообложения, глобального налога на капитал — для нивелирования последствий концентрации ресурсов.

С философской точки зрения, данные выводы актуализируют проблему морального обоснования прав собственности в условиях нарастающего неравенства. Если имущественные режимы систематически генерируют преимущества для одних групп за счёт других, возникает вопрос о соответствии таких систем принципам справедливости, сформулированным Джоном Ролзом (принцип различия) или Амартией Сеном (подход к возможностям). Пикетти, не отрицая правомочности частного владения, подчёркивает необходимость перераспределительных механизмов как условия сохранения социальной стабильности. Его работа стимулировала дискуссии о том, может ли экстремальное неравенство считаться легитимным в рамках общественного

договора, и какие моральные обязательства накладывает собственность на её владельцев.

Альтернативную перспективу предлагает Амартия Сен в рамках *подхода к возможностям* (capability approach), смещающего фокус с материальных активов на расширение реальных свобод индивидов. Согласно Сену, ценность собственности определяется не её номинальным наличием, а способностью обеспечивать *функционирования* (functionings) — доступ к образованию, здравоохранению, политическому участию. Земля или жильё, например, значимы не как объекты владения, но как ресурсы, гарантирующие безопасность, автономию и социальную инклюзию. Обратная ситуация — отсутствие доступа к базовым активам — формирует «ловушки бедности», ограничивая возможности для человеческого развития.

Нормативный стандарт Сена позволяет оценивать режимы собственности через призму их вклада в *человеческое процветание* (human flourishing). Это предполагает контекстуальный анализ: в аграрных обществах доступ к земле критичен для выживания, в урбанизированных — к жилью и цифровой инфраструктуре. Подход требует пересмотра критериев справедливости, где распределение активов оценивается не по формальному равенству, а по способности обеспечивать ключевые функционирования для всех групп.

Идеи Пикетти и Сена демонстрируют взаимодополняемость экономического и философского анализа. Если первый выявляет структурные механизмы неравенства, второй предлагает нормативные ориентиры для их коррекции. Критики отмечают, однако, ограничения обоих подходов: модели Пикетти слабо учитывают культурные и институциональные различия, а концепция Сена остаётся абстрактной в вопросах операционализации.

Трансформация рынка труда в условиях цифровой экономики, характеризующаяся ростом нестандартной занятости и прекарризацией трудовых отношений, актуализирует пересмотр традиционных моделей собственности. Распространение гиг-экономики (экономическая модель, основанная на краткосрочных, гибких формах занятости, где вместо постоянной работы

преобладают разовые проекты, фриланс или подработки через цифровые платформы. Термин происходит от слова «gig» (жаргонное обозначение разового выступления музыкантов), что метафорически отражает временный характер трудовых отношений) и платформенной занятости приводит к редукции правовых гарантий для работников, классифицируемых как независимые фрилансеры. Данная категория лишена социальных гарантий (медицинское страхование, пенсионные накопления), а также несёт индивидуальную ответственность за обеспечение инструментарием, рабочим пространством и цифровой инфраструктурой. Джули Коэн в работе *«Между правдой и властью: правовые конструкции информационного капитализма»* [Коэн Дж. 2019] анализирует последствия цифровизации для трудовых отношений, акцентируя феномен «информационного отчуждения». Автор аргументирует, что коммодификация данных и алгоритмическое управление платформами порождают асимметрию власти: компании аккумулируют метаданные о производительности, предпочтениях и поведении работников, монетизируя их без распределения прибыли. Это создаёт новые формы эксплуатации, маскируемые риторикой гибкости и предпринимательской свободы.

Коэн подчёркивает необходимость ревизии правовых рамок, регулирующих интеллектуальную собственность в контексте фриланса. Вопрос о принадлежности прав на продукты труда (дизайн, код, контент), созданные по заказу, остаётся дискуссионным. Существующие договоры часто закрепляют исключительные права за заказчиками, лишая авторов контроля над дальнейшим использованием их работы. Это противоречит принципу «самопринадлежности труда», лежащему в основе локковской теории собственности, и требует разработки механизмов соавторства или роялти-моделей.

Параллельно нарастают дебаты о природе «владения данными» как новом измерении имущественных отношений. Интенсификация сбора персональной информации (геолокация, биометрия, поведенческие паттерны) корпорациями порождает феномен «эпистемического лишения собственности», описанный Шошаной Зубофф в работе *«Эпоха надзорного капитализма»* (2022).

Автор демонстрирует, что извлечение и анализ данных формируют скрытые механизмы контроля, трансформирующие человеческий опыт в сырьё для прогнозной аналитики. Отсутствие прозрачности в алгоритмических системах и условиях пользовательских соглашений де-факто экспроприирует право индивидов на распоряжение своей цифровой идентичностью [Зубофф Ш. 2022].

Правовая неопределённость статуса данных проявляется в двух аспектах. Во-первых, вопрос о возможности признания персональных данных объектом собственности: если европейский GDPR трактует их как защищаемую информацию, то юрисдикции США ориентируются на концепцию «права на приватность». Во-вторых, проблема монетизации: должны ли пользователи получать долю прибыли от использования их данных рекламными платформами или ИИ-сервисами? Эксперименты с моделями data dividends (Калифорния, 2020-е) показывают потенциал перераспределения, но сталкиваются с техническими и регуляторными сложностями.

Период 2010–2020 годов ознаменовался трансформацией концепции собственности, обусловленной технологическими инновациями, экологическими кризисами и усилением социально-экономического неравенства. Цифровые активы (криптовалюты, NFT), признание прав природных объектов и дискуссии о статусе персональных данных поставили под сомнение классические модели владения, основанные на исключительности и материальности. Современная интерпретация собственности как динамичной системы правомочий, конституируемых социальными конвенциями и технологическими платформами, отражает её реляционный и контекстно-зависимый характер.

Вклад ключевых исследователей демонстрирует междисциплинарность проблемы. Лоуренс Лессиг (*«Ремикс...»*, 2008) и Примавера Де Филиппи с Аароном Райтом (*«Блокчейн и закон...»*, 2018) анализируют цифровые аспекты, акцентируя конфликт между инновациями и регуляцией. Элинор Остром (*«Управление общими ресурсами...»*, 1990) и Кристофер Стоун (*«Должны ли деревья иметь право?..»*, 1972) ревизовали

экологические парадигмы, обосновывая коллективное управление и права природы. Томас Пикетти («*Капитал...*», 2013) и Амартия Сен (подход к возможностям) раскрыли связь имущественных режимов с неравенством, предлагая перераспределительные механизмы. Джули Коэн («*Между правдой и властью...*», 2019) и Шосана Зубофф («*Эпоха надзорного капитализма*», 2022) исследовали цифровую эксплуатацию, вводя концепции «информационного отчуждения» и «эпистемической экспроприации» [Зубофф Ш. 2022].

Эти работы подчёркивают необходимость критического пересмотра собственности с учётом её социоэкологических последствий. Актуальность приобретают гибридные модели, сочетающие рыночную эффективность, экологическую устойчивость и цифровую инклюзию. Перспективы развития связаны с адаптацией правовых рамок к технологическим трендам (ИИ, «метавселенные») и этическим императивам (климатическая справедливость, защита данных).

Анализ трансформации концепта собственности в условиях цифровизации демонстрирует его ключевую роль в воспроизводстве и углублении социально-экономического неравенства. Исторически собственность трактовалась как право на материальные объекты, однако в цифровую эпоху её онтология радикально переопределилась. Сегодня контроль над данными, алгоритмами и цифровыми платформами становится новым источником власти, формирующим асимметрию между теми, кто владеет технологическими ресурсами, и теми, кто их предоставляет или использует. Например, корпорации (Google, Meta) аккумулируют пользовательские метаданные, извлекая из них прибыль через таргетированную рекламу и прогнозную аналитику, тогда как сами пользователи лишены прав на монетизацию или управление своей цифровой идентичностью. Это создаёт феномен «цифровой ренты», где доходы концентрируются у узкой группы акторов, углубляя разрыв между владельцами платформ и рядовыми участниками гиг-экономики.

Интеллектуальная собственность, особенно патенты на алгоритмы и ИИ-технологии, выступает институциональным барьером для доступа к инновациям.

Закрытые системы кредитного скоринга или медицинской диагностики, основанные на проприетарных алгоритмах, воспроизводят дискриминацию уязвимых групп: низкие кредитные рейтинги из-за предвзятых метрик лишают людей доступа к финансам, а недоступность медицинских ИИ-сервисов в развивающихся странах усугубляет глобальное неравенство. В этом контексте альтернативные модели управления ресурсами, такие как теория общин (Э. Остром) или регулирование данных как общественного блага (GDPR), предлагают пути снижения дисбалансов. Примеры включают открытые образовательные платформы (Coursera, Khan Academy), где знания доступны вне патентных ограничений, или проекты краудсорсинга данных, где сообщества совместно владеют информацией.

Особую остроту проблеме придаёт прекаризация труда в гиг-экономике. Работники платформ (водители, курьеры, фрилансеры) формально сохраняют право на свой труд, но де-факто лишаются контроля над его продуктами: алгоритмы присваивают их поведенческие данные для оптимизации бизнес-процессов, не предоставляя компенсации. Это явление можно трактовать как новую форму экспроприации, где цифровые права становятся объектом отчуждения. Выходом могло бы стать расширение юридических норм — например, признание прав на «цифровой след» или введение моделей соучастия в прибыли (data dividends), как это тестируется в Калифорнии.

Таким образом, современные режимы собственности, сконцентрированные вокруг цифровых активов, напрямую влияют на структуру социального неравенства. Контроль над технологиями и данными формирует новые иерархии, где экономическое и эпистемическое доминирование корпораций и государств противостоит растущей маргинализации индивидов. Преодоление цифрового разрыва требует не только регуляторных мер (алгоритмическая прозрачность, прогрессивное налогообложение цифровых гигантов), но и пересмотра самих оснований собственности — перехода от эксклюзивного владения к коллективным и этически ответственным моделям управления. Только через демократизацию доступа к цифровым ресурсам и

защиту прав «цифрового пролетариата» можно обеспечить справедливость в условиях технологической трансформации.

1.3. Цифровизация: концепт и тренды развития

Прежде чем перейти к анализу трендов цифровизации, важно отметить, что современные научные дискурсы демонстрируют отсутствие консенсуса в её методологическом осмыслении. Это связано как с междисциплинарной природой феномена, так и с динамикой его технологической эволюции. В отечественных и зарубежных исследованиях преобладает поливариативность подходов, обусловленная как междисциплинарной природой явления, так и динамикой его технологической эволюции. Трудности концептуализации связаны с фрагментацией дефиниций, предлагаемых в рамках узких научных парадигм: экономисты акцентируют трансформацию рынков труда, социологи — изменение коммуникативных практик, технические науки фокусируются на алгоритмизации процессов. Подобная специализация приводит к поляризации трактовок — от редуccionистских моделей, ограничивающих цифровизацию внедрением ИКТ, до экстенсивных интерпретаций, отождествляющих её с глобальной социотехнической революцией.

Тренд к междисциплинарному синтезу, наблюдаемый с начала 2010-х годов, отражает попытки преодолеть методологическую разрозненность. Работы Т.В. Фомичевой и её коллег выделяют два ключевых вектора:

1. Технологический, связывающий генезис термина с экспансией интернет-технологий в 1990-х годах, включая стандартизацию протоколов TCP/IP и развитие мобильной связи.
2. Социально-экономический, рассматривающий цифровизацию как драйвер трансформации институтов — от государственного управления до рыночных взаимодействий.

Историографические исследования, включая анализ Фомичевой, указывают на первичную адаптацию термина в зарубежном академическом поле

к середине 1990-х годов, синхронно с коммерциализацией Всемирной паутины. Этот период ознаменовался переходом от локальных компьютерных сетей к глобальной цифровой инфраструктуре, что радикально изменило паттерны производства, распространения и потребления информации.

Современный тренд характеризуется смещением фокуса с технологического детерминизма на изучение цифровизации как комплексного процесса, включающего:

- *Культурные сдвиги* (формирование цифровых идентичностей, гибридизация онлайн-офлайн практик);
- *Экономические трансформации* (платформизация, data-driven бизнес-модели);
- *Политические вызовы* (киберсуверенитет, цифровое неравенство).

«Весьма распространённое в российской науке мнение, что термин цифровизации введен в оборот американским информатиком Н. Негропonte в 1995 г. также подлежит корректировке: следует уточнить, что Негропonte в своей работе говорил не о цифровизации, а лишь о новом для того времени понятии «цифровая экономика». Р. Вэчел ещё в 1971 г. в одной из статей рассматривал проблему «цифровизации общества» в контексте расширения компьютерных технологий и её последствия. Данный факт и положение о стадиях цифровизации позволяют заключить, что её зарождение приходится именно на 70-е годы прошлого века» [Данилова Л.Н., Ледовская Т.В., Солянин Н.Э., Ходырев А.М. 2020, с. 7].

По мнению западных ученых, специализирующихся на изучении цифровизации, начало этого трансформационного процесса относится к эпохе, совпадающей с появлением компьютеров, что позволяет отнести современное человечество к пятой эпохе цифровизации.

«На концептуальном уровне можно говорить о возникновении множества концептов, различным образом вписывающих цифровые технологии в уже имеющиеся концепты» [Груздев А.А., Самарин А.С., Илларионов Г.А. 2023, с. 1168].

Эволюция цифровизации как социотехнического феномена прослеживается через последовательность этапов, каждый из которых связан с трансформацией технологических инфраструктур и их интеграцией в общественные практики. Первый этап (до 1970-х годов) характеризуется зарождением цифровых технологий в военно-промышленном контексте, где разработка ранних вычислительных систем (ENIAC, SAGE) была направлена на решение задач криптографии, баллистики и управления системами ПВО. Работа Р. Уочела «*The Computerization of Society*» (1971) фиксирует начальный этап рефлексии над цифровизацией, прогнозируя её влияние на социальные структуры. В этот период доминировали аналого-цифровые гибридные системы, а основным трендом стала стандартизация компьютерных протоколов.

Второй этап (1980-е – середина 1990-х) связан с коммерциализацией персональных компьютеров (IBM PC, Apple Macintosh) и переходом к децентрализованным моделям доступа к вычислениям. Распространение GUI-интерфейсов и офисного ПО (Microsoft Office) трансформировало трудовые практики, создав предпосылки для автоматизации управления и документооборота. Данный период ознаменовался формированием цифрового разрыва (digital divide) между корпоративными пользователями и населением, что стимулировало исследования в области цифровой инклюзии.

Третий этап (середина 1990-х – начало 2000-х) определяется экспансией интернета, переходом от ARPANET к коммерческим сетям (World Wide Web) и становлением инфраструктуры глобальной коммуникации. Внедрение протоколов TCP/IP и браузеров (Netscape) радикально изменило ландшафт распространения информации, обеспечив основу для электронной коммерции (Amazon, eBay) и цифровых СМИ. Этот период связан с трендом на демократизацию доступа к знаниям, однако сопровождался рисками цифрового пиратства и киберпреступности.

Четвёртый этап (середина 2000-х – настоящее время), соотносимый с концептом К. Шваба о «Четвёртой промышленной революции» (2016), характеризуется переходом к платформенной экономике (Web 2.0) и data-driven

бизнес-моделям. Социальные сети (Facebook, YouTube), краудсорсинг и IoT-устройства трансформировали производство контента, сместив акцент с пассивного потребления на пользовательский генеративный труд. Тренды этого этапа включают алгоритмизацию социальных процессов, рост влияния Big Data и формирование экосистем искусственного интеллекта [Шваб К. 2016].

Исследования М.И. Макеевко, Е.Л. Вартановой и Т.Х. Керимова подчёркивают, что цифровизация вышла за рамки инструментальной информатизации, став фактором структурных изменений в экономике, политике и культуре. Их работы акцентируют переход от анализа технологий как таковых к изучению их embeddedness в социальные практики — от цифрового управления (e-government) до киберфизических систем в промышленности (Индустрия 4.0).

Исходный этап цифровизации ознаменовался системной трансформацией методологических оснований работы с информацией, где доминирующим трендом стало замещение аналоговых носителей дискретными структурами данных. Данный процесс сопровождался не инструментальной модернизацией, но сменой онтологического статуса информации — её атомизацией, сегментацией и алгоритмизацией, что предопределило формирование новых эпистемологических моделей. Глобальная экспансия цифровых технологий в XXI веке представляет собой не линейное развитие технических средств, а сингулярный феномен, обусловленный их имманентной способностью к рекурсивной оптимизации гетерогенных процессов.

Ключевым вектором этого тренда выступает деконструкция традиционных пространственно-временных координат социальных практик через внедрение асинхронных коммуникационных протоколов и распределённых систем управления. Экономические, политические и культурные институты подвергаются тотальной реконфигурации, приобретая свойства адаптивных сетевых структур, где детерминация заменяется вероятностным моделированием.

Особого внимания заслуживает парадоксальная природа цифрового рационализма: претендуя на универсализацию процедур, он одновременно

генерирует гиперлокальные ниши специализации, фрагментируя единое информационное поле на множественность несоизмеримых семантических вселенных. Этот диалектический конфликт между глобальной стандартизацией и партикулярной дифференциацией становится катализатором формирования новых антропологических моделей, где человеческая деятельность всё чаще реализуется через интерфейсы машинного обучения и нейросетевые симулякры.

«Прикладные приложения ИИ, имея своей главной задачей максимизацию общественной пользы, охватывают разнообразные сферы жизненного мира» [Лешкевич Т.Г. 2023, с. 37].

Феномен цифровой трансформации представляет собой качественный скачок в эволюции технологического развития, характеризующийся системной перестройкой операционных моделей в ключевых сферах антропологической активности. Катализируемая прогрессом в области алгоритмизации и вычислительных мощностей, данная трансформация реконфигурирует базовые принципы организации производственных, коммуникативных и когнитивных процессов. Ее имманентная особенность заключается в переходе от дискретных инструментальных функций к тотальной интеграции цифровых платформ, формирующих инфраструктурный каркас современного социума.

Сектор трудовой деятельности демонстрирует наиболее репрезентативные примеры структурных изменений. Декомпозиция сложных операций на атомарные компоненты, сопряженная с их последующей алгоритмизацией, привела к возникновению гибридных систем "человек–машина". Искусственный интеллект и машинное обучение, первоначально функционировавшие как вспомогательные инструменты, эволюционировали в автономные акторы, способные к решению задач, требующих распознавания паттернов и прогностического моделирования. Это породило парадоксальный симбиоз: сокращение доли рутинного человеческого участия сопровождается экспансией новых компетенций, связанных с управлением и интерпретацией машинных выводов.

Экспансия цифровых технологий приобретает кросс-доменный характер, затрагивая медицину (телемедицинские системы, предиктивная аналитика), финансовый сектор (криптовалюты, смарт-контракты), образование (адаптивные LMS-платформы) и государственное управление (цифровые идентификаторы, системы электронного голосования). Каждый из этих сегментов демонстрирует уникальные траектории адаптации, обусловленные спецификой нормативных рамок и уровнем технологической зрелости. При этом конвергенция технологий — искусственного интеллекта, интернета вещей и распределенных реестров — формирует синергетические эффекты, масштаб которых превышает простую аддитивность отдельных компонентов.

Эпистемологический анализ данного феномена выявляет существенный парадокс: при объективности технологических детерминант, его концептуализация остается субъективно-дискурсивной. Интерпретационные модели варьируются от утопических нарративов о посттрудовом обществе до критических теорий цифрового детерминизма. Этот эпистемологический плюрализм отражает не только когнитивную сложность самого явления, но и его роль в качестве проективного экрана для социокультурных тревог и ожиданий эпохи позднего модерна. Таким образом, цифровая трансформация выступает не только как технологический процесс, но и как семиотический конструкт, реконфигурирующий базовые категории современного мышления.

Интересную грань между цифровизацией и сетевизацией проводит В.Г. Марача:

«"Цифровизация" пересекается и взаимодействует с трендом «сетевизации», значительно упрощая распространение сетевых связей и отношений. Однако сама по себе «цифровизация» без преобразования мира на основе сетевой организации общественных отношений и институтов ни к какой «цифровой трансформации» не приводит – напротив, происходит лишь «оцифровка» существующих институтов, в результате которой передовая технологическая форма лишь прикрывает морально устаревшее содержание» [Марача В.Г. 2020, с. 126].

Современная эпоха характеризуется тотальным распространением цифровых технологий, инициирующих трансформативное влияние на социокультурные, когнитивные и антропологические параметры человеческой жизнедеятельности.

«Цифровизация – один из важнейших трендов современности, без преувеличения конфигурирующий облик будущего. Цифровизация определяется нами как процесс распространения информационных технологий во всех сферах общества, существенным образом воздействующий на их трансформацию» [Ефремов О.А. 2023, с. 26].

Феномен цифровизации, получивший интенсивное развитие в XXI веке, трансформирует социальную динамику современных обществ, затрагивая экономические, политические, правовые и культурные системы. В трудах П. Херрманна, О. Гримова, Е. Каменского, И.В. Бочарникова, И.Л. Бачило, С.В. Володенкова, Р.И. Дремлюги, О.А. Дремлюги, П.М. Кручининой, Е.И. Татарниковой, С.С. Хомяковой, А.Ю. Мамычева, Ю.С. Матюка, В.С. Старикова, Н.А. Чемезова, М.А. Шмакова и других исследователей данный процесс рассматривается как комплексный тренд, порождающий структурные сдвиги в организации публичных и частных пространств. Разнообразие исследовательских направлений, охватывающих последствия цифровой трансформации, подчеркивает ее системообразующую роль в формировании новых моделей социального взаимодействия.

При этом, как отмечается в работах Е.Н. Роготневой, О.Н. Миркиной и Н.Н. Мещеряковой, [] отсутствие консенсуса относительно терминологического аппарата сохраняет дискуссионность концептуальных границ явления. Данная неопределенность интерпретаций отражает не только методологические расхождения, но и эмерджентный характер цифровизации, динамика которой опережает формирование универсальных дефиниций. Такой диссонанс актуализирует необходимость критического переосмысления теоретических подходов к изучению феномена.

Для систематизации исследовательских перспектив требуется анализ концептуальных позиций, представленных в работах В.Г. Гадецкого, Я.Г. Гадецкого, Ю.В. Гайворонской, Т.А. Герасимовой, М.О. Эдзаевой, В.В. Загребина, А.Е. Конькова, А.А. Корякиной, О.И. Мирошниченко, Н.В. Москвитина, Е.А. Серова, А.П. Чижик и других авторов. Компаративное изучение их подходов позволяет выявить эпистемологические разрывы и точки соприкосновения, формируя основу для синтеза междисциплинарной исследовательской парадигмы. Подобная методологическая рамка способствует преодолению редукционизма при оценке многоаспектности цифровизации, включая ее влияние на трансформацию правовых норм, перераспределение власти и реконфигурацию социальных иерархий. Таким образом, феномен сохраняет статус ключевого объекта научной рефлексии, требующего дальнейшей концептуализации в контексте глобальных технологических сдвигов.

И как утверждают Тихонов А.В. и Богданов В.С.:

«Цифровизация сегодня – это не выверенная концепция социально ориентированных преобразований, выстроенная на научно-исследовательских программах, а инструмент сбора и фиксации больших данных, с которыми до сих пор не вполне понятно, что делать и как их использовать. В таком же состоянии находятся и цифровые государственные услуги» [Тихонов А.В., Богданов В.С. 2020, с. 76].

Исследование концептуальных границ цифровизации как социально-технологического феномена осуществляется в рамках многомерного континуума, структурированного четырьмя взаимосвязанными аналитическими векторами.

Первичный аспект раскрывается через нормативно-правовое измерение, где процесс институционализации цифровых практик приобретает формально-регуляторное выражение, обозначенное в распоряжении Правительства Москвы № 2215-РП, обнародованном 11 октября 2010 года. Данное распоряжение, озаглавленное «О Концепции обеспечения жителей города Москвы услугами

связи для получения социально значимой информации путем создания условий для равного доступа к ресурсам кабельного телевидения и сети Интернет». При этом нормативная фиксация равнодоступности коммуникационных каналов не сводится к технической задаче, но приобретает характер антропологического проекта, переопределяющего параметры гражданской субъектности в условиях доминирования сетевых структур.

Данный кейс выбран не для глобальных обобщений, а для иллюстрации локальных механизмов институционализации цифровых практик. Москва, как мегаполис с высоким уровнем технологической адаптации, служит «лабораторией» для апробации стратегий цифрового включения, которые позже тиражируются в других регионах. Распоряжение о равном доступе к интернету и кабельному ТВ отражает попытку преодоления цифрового неравенства на муниципальном уровне, что коррелирует с глобальными трендами (например, инициатива ЕС «Цифровая повестка для Европы»).

Указывая вновь на многослойность феномена («обыденное» право фиксирует текущие практики, тогда как критическая теория вскрывает системные риски), следует отметить что:

«Законодательство, готовое к цифровизации, представляет собой гораздо более обыденный и менее впечатляющий случай цифровизации, чем те типы, которые освещаются в критической литературе по цифровизации» [Plesner U., & Justesen L. 2022, с. 150].

Отдельно стоит уточнить, что:

«Процессы цифровой трансформации в РФ контролируются регулярными мониторингами, направленными на расчеты индексов цифровизации на уровне субъектов РФ. Для этого разработаны и продолжают разрабатываться различные показатели, индексы и субиндексы» [Архипова Е.Б., Бородкина О.И. 2021, с. 123].

Феномен цифровизации подвергается вторичному концептуальному анализу в рамках исследований экономических и управленческих систем, где синтез подходов, предложенных В.Г. Гадецким, А.А. Корякиной, М.О. Едзаевой,

А.П. Чижиком, А.Е. Коньковым, В.Г. Халиным и Г.В. Черновой, демонстрирует биполярность его интерпретаций. В макроконтексте феномен репрезентируется как стратегическая траектория глобального развития, предполагающая синхронизацию технологической эволюции с социокультурными и экономическими изменениями под воздействием всепроникающей цифровизации. В микромасштабе он сводится к операциональному процессу конвертации аналоговых данных в цифровые форматы, что формирует базис для последующих трансформаций.

Концептуальные основания данного явления, заложенные в работах Т.А. Герасимовой и Н.В. Москвитиной, определяют его как нелинейный процесс адаптации передовых технологических решений и принципов цифровой экономики в структуру социально-экономических отношений. Их анализ акцентирует системный характер изменений, объединяющих автоматизацию, роботизацию и алгоритмизацию процессов, что приводит к формированию качественно новых моделей взаимодействия в общественном пространстве. Данная трансформация интерпретируется как эпистемологический разрыв, переопределяющий традиционные парадигмы управления и производства через внедрение интеллектуальных систем и оптимизацию сервисных механизмов.

Исследования Т.Ф. Кузнецовой расширяют понимание феномена, фокусируясь на его институциональном измерении. Парадигмальный сдвиг, по ее утверждению, проявляется в метаморфозе организационных структур и экономических отраслей, где интеграция информационных технологий становится катализатором перехода к процессно-ориентированным моделям функционирования. Этот подход подчеркивает необратимый характер изменений, затрагивающих как микроуровень отдельных предприятий, так и макроуровень национальных экономик.

В работах С.С. Хомяковой феномен получает междисциплинарную трактовку как мультивекторный процесс, синтезирующий технологические инновации с трансформацией общественных институтов. Ее анализ выявляет взаимозависимость между внедрением цифровых платформ и реконфигурацией

экономических, медицинских и социальных практик, где технологическая интеграция выступает условием повышения эффективности управления и качества услуг. Данная перспектива подчеркивает диалектическую природу процесса, сочетающего инструментальную рациональность технологий с необходимостью адаптации социокультурных норм.

«Техническая деятельность человека оценивается как логичное продолжение преобразовательной активности живых существ, вызванной борьбой за существование, с одной стороны, и как выражение личной активности отдельного человека, отличающееся от общесоциальной в меру его индивидуализации, с другой стороны» [Попкова Н.В. 2023, с. 84].

Научный дискурс о цифровизации в изложении Л.Н. Даниловой, Т.В. Ледовской, Н.Е. Солынина и А.М. Ходырева разворачивается в многогранное исследование, выходящее за традиционные границы технологической интеграции. Их работы раскрывают, как цифровизация образования воспроизводит структурное неравенство:

- В сельских школах с низкой скоростью интернета учащиеся лишены доступа к MOOC-платформам (Coursera, Stepik), что ограничивает их академические возможности;
- Алгоритмы адаптивного обучения, разработанные без учёта культурного разнообразия, систематически занижают оценки детям из мигрантских семей;
- Цифровая компетентность учителей становится новым критерием стратификации — педагоги с низкой ИКТ-грамотностью не могут эффективно использовать интерактивные инструменты, усугубляя разрыв между "элитными" и обычными школами.

Эти выводы демонстрируют, что цифровое неравенство в образовании — не только вопрос инфраструктуры, но и следствие системных педагогических, культурных и алгоритмических барьеров.

«Наибольшая разработанность проблематики наблюдается в сфере телепсихологии и киберпсихологии: исследованиям цифровизации

психологической помощи посвящены работы Р. Коттона, Дж. Ирвина, А. Уилкинса, С. Янга и др» [Плутов Л. Е., Русакова М. М., Гузева Д. В. 2023, с. 60].

Представленное исследование выявляет трансформацию когнитивных процессов и образовательных практик под воздействием цифровых технологий, что указывает на системное изменение базовых структур, определяющих организацию человеческой деятельности. Анализ семантических оснований данного феномена, осуществленный Т.В. Никулиным и Е.Б. Стариченко, демонстрирует его роль как фактора, переопределяющего онтологические параметры познания и обучения. Данный подход формирует теоретическую основу для междисциплинарного исследования механизмов, посредством которых цифровые среды реконфигурируют эпистемологические и дидактические модели.

Эмпирические и концептуальные последствия указанных трансформаций требуют от научных, образовательных и политических институтов разработки методологии, способной интегрировать анализ деструктивных эффектов цифровизации (включая фрагментацию внимания и алгоритмизацию мышления) с изучением возникающих гибридных форм когнитивного взаимодействия. Как отмечают Ю.В. Гайворонская, О.И. Мирошниченко и А.Ю. Мамычев, дифференциация исследовательских подходов к данному феномену предполагает выделение трёх ключевых перспектив:

1) речь идет о преобразовании информации из аналоговых форматов в цифровые, что облегчает ее хранение, распространение и использование;

«Подрастающее поколение все чаще и чаще сталкивается с проблемами социальной коммуникации, социализации. При этом процесс происходит на фоне развития и все более глубокого внедрения цифровых сервисов и инструментов» [Асеева И.А., Буданов В.Г., Маякова А.В. 2021, с. 54].

2) «оцифровка» информации, заключающаяся в преобразовании различных форм знаний, данных и ресурсов в цифровой формат.

«Оцифровка существующих систем осложняется плохой документацией статуса строительства, отклонениями от статуса планирования и отсутствием

технического решения для автоматической связи технологической схемы R&ID с пространственной информацией о текущем статусе строительства системы» [Geuer L. 2023, с. 844].

Осуществлённая трансформация обеспечивает возможность архивации, дистрибуции и эксплуатации релевантных сведений в рамках разнородных цифровых экосистем. Данный процесс обуславливает функциональную адаптацию информации к мультиплатформенным контекстам, минимизируя структурно-семантические ограничения её операционализации;

«А создание цифровых суррогатов – это, конечно, прежде всего, оцифровка» [Антопольский А.Б. 2022, с. 5].

3) широкий спектр экономических, управленческих и социальных процессов, которые неразрывно связаны с повсеместным внедрением и использованием цифровых технологий. Эти технологии охватывают различные аспекты, такие как вычислительная техника, информация, электроника, телекоммуникации и системы искусственного интеллекта.

«Технологическая сингулярность представляет собой естественный (относительно Машины) этап эволюции. То, что последует за ней, в настоящее время можно лишь весьма отдалённо спрогнозировать посредством экстраполяции уже выявленных закономерностей» [Суханова Е.В., Бурков А.Д. 2023, с. 105].

Технологическая экспансия в рамках современных социотехнических систем индуцирует системные метаморфозы, затрагивающие структурные измерения экономических институтов, административных парадигм и механизмов интересубъектной коммуникации, что детерминирует трансформацию базовых принципов организации коллективного бытия. Данный процесс реконфигурирует онтологические основания антропосоциальных практик, генерируя новые эпистемологические вызовы для философской рефлексии.

«Сосредоточение внимания на эвдемоническом цифровом мире может помочь задуматься о том, как использовать цифровые технологии для

достижения значимой жизни и процветания как человека» [Steinert S., Dennis M.J. 2022, с. 36].

В рамках междисциплинарного анализа трансформационных процессов современности феномен цифровизации привлекает внимание исследователей как комплексный объект философской рефлексии. Изучение данного явления раскрывает его системообразующую роль в формировании новой социальной онтологии, где традиционные аналоговые структуры постепенно замещаются цифровыми эквивалентами. В работах В.В. Загребина и Е.А. Серовой подчеркивается всепроникающий характер этого феномена, пронизывающего экономические институты, культурные практики и повседневные взаимодействия, что формирует предпосылки для переосмысления базовых антропологических констант.

Философская интерпретация феномена, представленная в исследованиях А.Е. Конькова, опирается на концептуальный каркас, разработанный Н. Негропonte в труде «Being Digital». В данном контексте цифровизация трактуется как метапроцесс трансмутации материальных объектов и социальных практик в информационные паттерны, организованные по бинарному принципу. Такой подход акцентирует эпистемологический разрыв между физической реальностью и её цифровыми репрезентациями, порождающий новые формы бытия-в-мире.

Отсутствие консенсуса в концептуальном оформлении феномена отмечается в работах Н.Н. Мещеряковой и Е.Н. Роготневой, которые анализируют его сквозь призму управленческих теорий и системного подхода. Исследователи идентифицируют ключевой парадокс: при кажущейся спонтанности цифровизации её реализация предполагает целенаправленное конструирование инфраструктур, обеспечивающих переход от постиндустриальных моделей к цифровой цивилизации. Этот дуализм стихийности и проективности становится предметом дискуссий в рамках философии техники.

Систематизация структурных характеристик феномена, предпринятая В.Г. Гадецким, А.А. Корякиной, В.В. Загребиним и Е.А. Серовой, выявляет три взаимосвязанных императива. Первый предполагает тотальность распространения, охватывающего производственные системы, научные коммуникации и приватные пространства индивидов. Второй акцентирует необходимость оптимизации трансформационных процессов для достижения качественных изменений, а не количественного роста цифровых показателей. Третий императив связан с демократизацией доступа к цифровым ресурсам, требующей одновременного развития медийной грамотности населения как условия осмысленного участия в новых формах социальности.

Операциональное измерение феномена раскрывается в исследованиях Е.А. Лариной, где цифровизация предстает как цикл информационных преобразований — от генерации данных до их дистрибуции. Автор выделяет три вектора воздействия: временную компрессию операций через алгоритмизацию, синергию человеческих и машинных агентов в гибридных системах, преодоление пространственно-временных барьеров в координации деятельности. Эти процессы формируют предпосылки для возникновения «дигитального этоса» — системы ценностей, где эффективность и связность становятся новыми категориями социальной нормативности.

«Большинство участников отметили, что пандемия новой коронавирусной инфекции определила масштаб и скорость изменений, однако императивом перехода на дистанционный формат работы явилось обеспечение безопасности обучающихся и сотрудников вузов» [Решетников А.В., Присяжная Н.В. 2022, с. 150].

В философских исследованиях феномен цифровизации рассматривается как системный процесс, ориентированный на оптимизацию антропологических условий в специфических социокультурных областях — образовательной и медицинской сферах. Акцент смещается на конструирование инфраструктур, обеспечивающих минимизацию рисков, эргономичность взаимодействий и инклюзивность доступа к технологическим сервисам, что формирует

предпосылки для качественной модификации повседневных практик. Параллельно в работе Катрин Е.В. осуществляется попытка интеграции гетерогенных исследовательских позиций с целью генерализации дефинитивных критериев феномена:

«Цифровизация - это процесс, включающий создание, внедрение и применение цифровых систем и технологий и (или) трансформацию инструментов (объектов, систем и технологий) взаимодействия государства, общества и человека» [Катрин Е.В. 2022, с. 52].

Приведённая дефиниция рассматривается в рамках предварительного концептуального контекста, однако её аналитический потенциал ограничен недостаточной репрезентацией целеполагания, связанного с глобализацией и эволюцией технологических практик. Альтернативная интерпретация данного феномена, предложенная О.А. Соленой и А.А. Яковлевой, акцентирует системные цели цифровизации, выявляя её функциональные механизмы в контексте перестройки социотехнических отношений:

«Цифровизация - это совокупность последовательных актов в различных сферах жизнедеятельности, применяемых с целью улучшения качества и повышения эффективности определенных процессов при помощи цифровых технологий» [Соленая О.А., Яковлева А.А. 2023, с. 290].

Также интересен и взгляд Останиной О.А. на это явление.

«Цифровизация, на наш взгляд, может быть рассмотрена как логико-культурная доминанта, она вполне соответствует требованиям применимости содержания данного понятия и может быть исследована в его контексте. В философии науки проблематика, связанная с цифровизацией, разнообразна – получение, обработка и обобщение фактологического материала, трансформация познавательных процедур, способов коммуникации и критериев объективности научного знания» [Останина О.А. 2023, с. 54].

Тем не менее, стоит отметить, что вышеупомянутое определение не учитывает важнейший аспект цифровизации, а именно адаптацию к цифровым

технологиям. Признание значимости этого неотъемлемого аспекта и его ключевой роли в более широкой сфере цифровизации является крайне важным.

«В.С. Богданов перевел дискуссию в плоскость управленческих проблем, обратив внимание на особенности функционирования управленческих систем в цифровом обществе, предложил рассматривать и изучать цифровизацию как процесс, механизм, а также средство для перехода постиндустриального общества в свою завершающую стадию – цифрового общества» [Шилова В.А., Богданов В.С. 2022, с. 159].

Следовательно, возникает необходимость в разработке более всеобъемлющего определения, которое адекватно охватывало бы все ключевые аспекты. А именно:

- Технологической трансформации (алгоритмизация, Big Data, IoT);
- Социально-экономических эффектах (прекаризация труда, перераспределение власти);
- Антропологических изменениях (гибридные формы познания, цифровая идентичность);
- Этико-правовых вызовах (защита данных, регуляция ИИ).

На наш взгляд, цифровизация — это системный процесс интеграции цифровых технологий в социальные, экономические, политические и культурные институты, направленный на трансформацию их операционных моделей, но одновременно порождающий новые формы стратификации и конфликтов.

Предложенное определение цифровизации как системного процесса институциональной трансформации обусловлено тремя взаимосвязанными задачами, которые не только формируют её сущность, но и объясняют необходимость её существования в качестве ответа на вызовы современности:

1. Трансформация операционных моделей — перевод аналоговых систем (административных, экономических, образовательных) в цифровые форматы для повышения эффективности, прозрачности и масштабируемости. Например, внедрение блокчейна в госуслуги

сокращает бюрократические издержки, но одновременно требует пересмотра правовых норм.

2. Оптимизация человеко-машинных взаимодействий — интеграция алгоритмов и ИИ в процессы принятия решений для минимизации рутины и когнитивной нагрузки. Пример: автоматизированные системы диагностики в медицине, которые, однако, воспроизводят предвзятость при недостатке репрезентативных данных.
3. Формирование цифровой субъектности — развитие компетенций (цифровая грамотность, медиакритичность) и инфраструктуры, обеспечивающей равный доступ к технологиям. Подростки без доступа к онлайн-образованию теряют конкурентоспособность.

Эти задачи отражают диалектику цифровизации: стремление к оптимизации систем порождает противоречия, такие как цифровое неравенство. Последнее возникает не как побочный эффект, а как системное следствие концентрации технологических ресурсов у ограниченного круга акторов (корпорации, «цифровые элиты»), что требует переосмысления самих целей цифровой трансформации.

Цифровизация, выступая системообразующим фактором социальных изменений, представляет собой сложный многомерный процесс, трансформирующий как технологические инфраструктуры, так и антропологические основы человеческой деятельности. Её эволюция, от ранней информатизации (1960–1990-е) до эпохи платформенного капитализма и алгоритмизации общественных процессов (2000-е — настоящее время), демонстрирует переход от локальных технических решений к глобальным социотехническим системам. В этих системах данные и алгоритмы становятся ключевыми ресурсами власти, переопределяя экономические, политические и культурные взаимодействия. Однако прогрессивная риторика цифровизации маскирует её имманентное противоречие — воспроизводство цифрового неравенства, которое проявляется на нескольких уровнях.

На уровне доступа к технологиям сохраняется разрыв между регионами с развитой цифровой инфраструктурой (мегаполисы, технологические кластеры) и периферией (сельские территории, депрессивные зоны). Этот дисбаланс усиливает социально-экономическую стратификацию, лишая уязвимые группы возможности полноценно участвовать в цифровой экономике. Эпистемическая асимметрия, выражающаяся в концентрации данных и алгоритмов у корпораций (Google, Meta, Amazon), порождает феномен «цифровой ренты»: пользователи, чьи данные становятся сырьём для извлечения прибыли, исключены из процессов их монетизации. Культурно-когнитивное отчуждение проявляется в алгоритмизации образования и медиа, где адаптивные платформы и персонализированная реклама формируют «информационные пузыри», ограничивающие доступ к плюралистическим знаниям. Для маргинализированных групп, таких как мигранты или жители удалённых регионов, это создаёт барьеры для социальной мобильности.

Исследования в области цифровизации образования (Л.Н. Данилова, Т.В. Ледовская) демонстрируют, что внедрение технологий без учёта инфраструктурных и культурных особенностей усугубляет неравенство. Например, массовые открытые онлайн-курсы (МООС), декларирующие демократизацию знаний, на практике усиливают разрыв между учениками «элитных» школ, имеющими доступ к персонализированным ресурсам, и детьми из регионов с низкой цифровой грамотностью педагогов. Это подтверждает, что цифровизация не является нейтральным инструментом, а воспроизводит существующие иерархии через призму технологий.

Перспективы преодоления цифрового неравенства связаны с переосмыслением цифровизации как этического и инклюзивного проекта. Это требует регуляторных мер, ограничивающих монополизацию данных, таких как введение «цифровых дивидендов» для пользователей или обязательная прозрачность алгоритмов. Развитие инфраструктуры цифровой инклюзии, включая программы бесплатного интернета и образовательные курсы для уязвимых групп, должно стать приоритетом государственной политики. Кроме

того, интеграция альтернативных эпистемических моделей — знаний коренных народов, локальных практик, критических дискурсов — в цифровые платформы позволит преодолеть доминирование западной техноцентричной парадигмы.

Таким образом, цифровизация, оставаясь объективным трендом, не сводится к технократической оптимизации. Её вектор определяется балансом между экономической эффективностью и гуманитарными императивами. Преодоление цифрового неравенства, как системного следствия концентрации ресурсов и власти, становится условием устойчивого развития, где технологии служат не инструментом исключения, а механизмом расширения возможностей для всех групп общества

Выводы из главы I:

(1) Современные трансформации института собственности обусловлены динамикой технологического прогресса и глобальными экологическими вызовами. Традиционные модели владения, базирующиеся на принципах исключительности и материальной фиксации, утрачивают адекватность в условиях распространения цифровых активов (криптовалюты, NFT), требующих переосмысления правовых и экономических парадигм. Данный процесс сопровождается формированием гибридных форм собственности, сочетающих элементы децентрализации и сетевого взаимодействия.

(2) Анализ современных концепций справедливости выявил тенденцию к интеграции распределительных, «восстановительных» и эпистемических принципов справедливости. Ключевым трендом становится минимизация цифровой дискриминации через внедрение механизмов цифровой справедливости, включающих гарантии равного доступа к технологиям, прозрачность обработки данных и коррекцию структурного неравенства в цифровой среде. Эти подходы актуализируют необходимость разработки

нормативных рамок, обеспечивающих баланс между индивидуальными правами и коллективными интересами.

(3) Изменения структуры рынка труда, связанные с экспансией гиг-экономики и автоматизацией, приводят к системной прекаризации занятости. Сокращение правовых гарантий для работников, рост нестандартных форм труда и зависимость от цифровых платформ требуют модификации традиционных моделей собственности. Речь идёт о легитимации прав на создаваемые в цифровой среде продукты и защите трудовых интересов в условиях отсутствия жёстких институциональных связей.

(4) Интеллектуальная собственность, пользовательские данные и алгоритмы становятся ключевыми объектами регулирования в контексте цифровизации. Существующие правовые механизмы демонстрируют недостаточную эффективность в обеспечении баланса между стимулированием инноваций и предотвращением монополизации знаний. Это создаёт предпосылки для разработки адаптивных законодательных инструментов, учитывающих специфику цифровых ресурсов, включая принципы открытого доступа и ограничения коммерциализации общественно значимой информации.

Глава II. Цифровое неравенство: социально-философский аспект

2.1. Цифровое неравенство и цифровая справедливость

Цифровое неравенство представляет собой социальный феномен, характеризующийся асимметрией распределения доступа к цифровым ресурсам и технологическим возможностям между различными категориями населения. Его структурная дифференциация проявляется в диспропорциях обладания инструментами цифровой коммуникации, технологической инфраструктурой и возможностями участия в информационных платформах.

Цифровое неравенство – это неравенство в доступе к цифровым благам, приводящее в конечном счете к нарушению принципов «цифровой справедливости» и «цифрового паритета».

Феномен цифрового неравенства уже не раз подвергается междисциплинарному анализу, акцентируя структурные асимметрии в распределении технологических ресурсов. Исследования выявляют корреляцию между доступом к цифровым инфраструктурам, социально-экономическими параметрами и институциональными условиями, детерминирующими пространственное неравенство в рамках национальных систем:

«В результате сопоставления цифрового и социально-экономического развития было выявлено, что цифровое неравенство оказывает влияние на социально-экономическое развитие регионов» [Меликян А.А. 2023, с. 61].

При исследовании структурных детерминант регионального экономического развития ключевое значение приобретает анализ цифрового неравенства как системного ограничителя, требующего интеграции в нормативные модели стратегического планирования. Данный дискурс актуализируется в междисциплинарных контекстах, включая цифровую биоэтику. Работа Е.В. Брызгалиной [Брызгалина Е.В., Алексеева Д.А., Дряева Э.Д. 2021] посвящена исследованию этико-управленческих аспектов цифровых

технологий, где подчеркивается роль биоэтики в регулировании социотехнических систем. В развитие этой мысли мы с нашим соавтором А.М.Ореховым отмечали:

«Цифровая биоэтика может предложить эмпирические знания как своего рода поддержку *нормативных соображений или управленческих решений*» [Орехов А.М., Чубаров Н.А. 2024, с. 264].

Таким образом, речь идет о синтезе биоэтического подхода Брызгалиной с нормативными моделями, предложенными в рамках междисциплинарного анализа цифрового неравенства.

Предлагаемая методология, основанная на компаративном анализе кейсов и качественных интервью с экспертами, позволяет систематизировать процессы имплементации биоэтических регулятивов в структуре дискретных социотехнических систем. Акцент делается на операционализации управленческих аспектов, включая разработку критериев оценки этической адекватности цифровых решений. Критический вопрос заключается в генезисе и легитимации данных регулятивов в контексте структурной цифровой асимметрии, порождающей риски каскадной маргинализации субъектов, лишенных доступа к инструментам цифрового суверенитета. Это актуализирует проблему корреляции между технологическим детерминизмом и воспроизводством дисбалансов в распределении цифровых ресурсов, требующую пересмотра аксиологических оснований цифрового общественного договора:

«К значимым универсальным критериям уровня антропологической адекватности относится чувство *цифрового благополучия*» [Асеева И.А. 2022, с. 158].

В контексте современных социотехнических систем ключевым детерминантом социальной инклюзии выступает цифровая компетентность — вариативный параметр, операционализирующий способность индивида к реализации базовых потребностей через интернет-коммуникации. Данный критерий имманентно сопряжён с доступностью технологической

инфраструктуры, обеспечивающей минимально необходимую базу для функционирования субъекта в цифровом пространстве. Отсутствие взаимодействия указанных факторов порождает структурные лакуны в процессе интеграции личности в актуальные информационно-сетевые форматы коллективного взаимодействия. Как отмечает Имран:

«Влияние цифрового неравенства неотделимо от растущего социального неравенства, поскольку подавляющее большинство населения, поденщики и путники, по большей части бессильны перед широко распространенным всплеском цифровой трансформации. У этих людей нет другого выбора, кроме как принять свой неблагоприятный статус в гонке имущих и неимущих, в то время как первые становятся более богатыми в результате расширения прав и возможностей, ставшего возможным благодаря технологическим триумфам» [Imran A. 2023, с. 2].

Современный этап социальной эволюции постиндустриальных обществ характеризуется нарастающей дифференциацией в распределении материальных и символических ресурсов между поляризованными социальными группами. Наблюдаемая с начала XXI века прогрессирующая редукция численности и влияния медианных страт сопровождается усилением стратификационных процессов в ключевых институциональных сферах — от образовательных и медицинских систем до культурных практик. Параллельно с антропогенной дестабилизацией биосферных процессов фиксируется формирование асимметричной модели экологического участия, где дифференциация доступа к природным благам приобретает характер системообразующего фактора социальной сегрегации.

«Можно предположить, что в случае виртуального выражения экологических конфликтов проявляется цифровое неравенство регионов» [Гольбрайх В.Б. 2019, с. 76].

Современное общество характеризуется формированием структурного антагонизма между обособленными привилегированными группами и основной массой населения. Данная дифференциация пролонгирует социально-

экономическую асимметрию, актуализируя необходимость комплексного анализа экологического кризиса как катализатора экзистенциальных рисков.

«Более того, хотя многие исследования были сосредоточены на так называемом цифровом разрыве (неравенстве в доступе к технологиям, необходимым для образовательного и профессионального успеха между сообществами с низкими и высокими доходами, существует другой вид цифрового разрыва – назовем его *разрывом в использовании цифровых технологий* – когда подростки в сообществах с низкими доходами проводят за экранами почти на два часа больше в день, чем подростки в более богатых сообществах. Хотя важно обеспечить, чтобы дети из сообществ с низкими доходами имели доступ к ресурсам, необходимым для образовательного и профессионального успеха, понимание разницы в использовании цифровых технологий приобретает дополнительную важность, учитывая потенциальную возможность развития зависимости» [Bhargava V.R., Velasquez M., с. 23].

В философской рефлексии диалектическая взаимосвязь равенства и справедливости проявляется в том, что последняя не сводится к универсальному принципу равенства или неравенства, равно как и само равенство не является однозначным критерием справедливости. Авторы, анализирующие цифровое неравенство, подчеркивают, что данный феномен имплицитно актуализирует проблему цифровой справедливости, трактуемой как оптимальное соотношение нормативного (должного) и эмпирического (сущего) в распределении цифровых благ. В рамках социально-философского дискурса, опирающегося на идеи Платона и Дж. Ролза, можно постулировать, что цифровая справедливость предполагает предоставление индивиду цифровых ресурсов, пропорциональных его социально-экономическим потребностям, при гарантии компенсационных механизмов в случаях системного нарушения прав. Однако ключевой вопрос остается онтологическим: без чёткого определения сущности цифрового блага, включая его аксиологические (ценностные) и функциональные параметры, дискуссия о неравенстве рискует остаться в плоскости эмпирико-

прагматических обобщений, не достигая уровня глубинного социально-философского анализа.

«Цифровое неравенство – это неравенство в распределении цифровых благ и доступа к ним. Цифровая справедливость – это правильное соотношение должного с сущим в сфере распределения цифровых благ и цифровой интеллектуальной собственности» [Орехов А.М., Чубаров Н.А. 2024, с. 267].

Проблематика цифрового неравенства требует по нашему мнению двухуровневого концептуального анализа:

(1) как противопоставления универсальным принципам свободы, справедливости и демократического участия;

(2) как ограничения правовых гарантий индивидов и социальных групп в рамках национально-государственных систем.

Первый аспект, получивший широкое освещение в академических работах, интерпретируется через призму критики технологического доминирования, наиболее системно представленной в теории «надзорного капитализма» Ш. Зубофф [Зубофф Ш. 2022], где цифровые дифференциации рассматриваются как структурное нарушение базовых антропологических констант современности:

«Это новая рыночная форма задействует уникальную логику накопления, в которой основополагающим механизмом превращения инвестиций в прибыль является надзор». [Зубофф Ш. 2022, с. 74—75]

Концепция надзорного капитализма, разработанная Шошаной Зубофф, выявляет системную угрозу репродукции базовых условий цифровой экзистенции, необходимых для конституирования полноценного человеческого бытия. В рамках данной парадигмы процедура удовлетворения индивидуальных потребностей инкорпорируется в механизм непрерывной генерации поведенческих данных, трансформируя акт субъектного выбора в сырьевой ресурс для сторонней экстракции ценности. Синхронность утилитарных транзакций (например, онлайн-покупок) и процессов наблюдения (сбора данных о поведении пользователей) создаёт прецедент нормализации эксплуататорской асимметрии, где антропологическое измерение сводится к функции

прогностического моделирования (предсказания действий индивида через алгоритмы).

Отсутствие институциональных ограничений на аккумуляцию метаданных провоцирует эрозию традиционных капиталистических моделей, основанных на производстве и обмене материальных благ, замещаемых тотализирующими практиками бихевиорального менеджмента — управления через манипуляцию поведенческими паттернами. Невозможность легитимации публичного протеста или установления правовых барьеров для коммодификации когнитивных процессов (превращения мышления и эмоций в товар) создаёт предпосылки для гегемонии *надзирающе-извлекающих систем*. Под этим термином подразумеваются цифровые платформы (например, социальные сети или поисковые системы), которые совмещают функции наблюдения за пользователями и извлечения прибыли через монетизацию их данных. Такие системы редуцируют социальное взаимодействие до уровня алгоритмически управляемого производственного цикла, где человеческая активность становится ресурсом для генерации капитала.

Этот процесс, как отмечает Зубофф, трансформирует саму природу социальных отношений, подчиняя их логике предсказания и контроля, что противоречит принципам автономии и свободы, лежащим в основе гуманистической традиции [Зубофф Ш. 2022].

На «размытость» принципов свободы и демократии при «цифровом капитализме» обращает внимание и Т.Л. Ровинская:

Двойственность сложившейся ситуации проявляется в следующем: технически и экономически ИТ-гиганты нарушают принципы свободной рыночной конкуренции и либерально-демократические нормы, являясь монополистами цифрового рынка и Интернета.

Также можно полностью согласиться и с другим выводом российской исследовательницы:

«В настоящее время IT-кластер стал, по сути, новым общественно-политическим институтом и самостоятельным политическим игроком» [Ровинская Т.Л. 2022, с. 33].

На первом уровне анализа феномена цифровой асимметрии выявляется фундаментальное противоречие между нормативным заявлением о свободе цифровых габитусов и их фактической инструментализацией в рамках монополистических систем. Структурные иерархии, формируемые технологическими корпорациями, детерминируют дисбаланс посредством присвоения эксклюзивных прав на эксплуатацию метаданных, что приводит к редукции автономии цифрового субъекта. Данная практика, манифестирующаяся в неконтролируемой коммодификации персональных информационных паттернов, трансформирует декларируемое равенство виртуального пространства в систему стратифицированных доступов, нивелируя этико-правовые основания цифровой справедливости:

«Если он [человек] решает перевести свои права в цифровой вид, то он должен обладать исключительным правом на знания, полученные из этих данных, а также исключительным правом решать, как эти знания будут использованы». [Зубофф Ш. 2022, с. 16].

В рамках современного технологического ландшафта ключевые права, включая приватность, доступ и распоряжение данными, оказываются монополизированными коммерческими структурами, чьи претензии базируются на эксклюзивном присвоении пользовательского опыта и производных от него когнитивных продуктов. Несмотря на дискурс о трансформации цифрового пространства, реализация демократических принципов в этой сфере остается гипотетической:

«Сообщества пользователей все же обладают меньшим влиянием по сравнению с бизнес-структурами, в силу того что у них нет возможности влияния ни на инфраструктурном, ни на функциональном уровнях; их главный ресурс – это данные, которые в результате их деятельности агрегируют цифровые платформы. Пользователи вынуждены выбирать между цифровыми

площадками, созданными бизнес-структурами». [Зиновьева Е.С. 2022, с. 17—18].

Вторичный аналитический аспект исследования цифрового неравенства и справедливости фокусируется на распределительных механизмах технологических ресурсов внутри государственных, политических образований и в контексте трансграничных взаимодействий, что детерминирует структурные диспропорции доступа к цифровым активам.

В контексте анализа структурных диспропорций доступа к цифровым ресурсам в рамках государственных систем и трансграничных взаимодействий актуализируется необходимость концептуализации термина «цифровые границы». Это понятие позволяет раскрыть механизмы, через которые формируются иерархии доступа к технологическим ресурсам, а также выявить роль политических и инфраструктурных факторов в воспроизводстве цифрового неравенства. Определение Е.С. Зиновьевой, представленное в её работе, даёт ключ к пониманию двойственной природы данного феномена:

«Цифровые границы, разделяющие глобальное информационное пространство, представляю собой социальные конструкты, в которых можно выделить дискурсивный (являющийся отражением властных отношений и дискурса на международной арене) и онтологический уровни (под онтологическим уровнем понимается инфраструктура, программное обеспечение и цифровой контент)» [Зиновьева Е.С. 2022, с. 9].

Следует констатировать наличие структурной взаимосвязи между разноуровневыми системами, не находящимися в отношении изоморфизма. В рамках дискурсивного анализа государства позиционируются как агенты конституирования, ориентированные на легитимацию суверенных прерогатив и нейтрализацию рисков, сопряжённых с цифровой средой.

Осуществляя подход со стороны так называемой «критической геополитики», Е.С. Зиновьева далее указывает:

«Границы и территории – это продукты властных отношений, формируемых дискурсивно. Границы и территории – не просто материальные

объекты, они обретают форму и смысл только в результате социальной активности групп или отдельных индивидов». [Зиновьева Е.С. 2022, с. 12].

Можно также привести определение А. Пасси:

«Территории – это манифестация властных отношений, они нуждаются в публичных действиях для их создания и поддержки» [Passi A. 2003, с. 111].

В отличие от статичных географических границ, структуры киберпространства характеризуются динамичностью и пластичностью, обусловленными постоянной трансформацией под воздействием государственных и негосударственных субъектов. Формирование новых виртуальных пространств и их многомерных конфигураций происходит через активное взаимодействие политических, технологических и социальных факторов. Данный контекст требует концептуализации категории «цифрового суверенитета», обозначающего совокупность эксклюзивных прерогатив государства в регулировании виртуальных зон, находящихся под его юрисдикцией. Ключевыми проявлениями такого суверенитета выступают: сегментация глобальной сети посредством ограничения доступа, имплементация геолокационных алгоритмов в программные продукты, законодательное регламентирование трансграничных потоков данных через технические протоколы, а также территориальная привязка инфраструктуры хранения персональной информации.

Е.С. Зиновьева подчеркивает:

«Эти технологические решения дают возможность государствам контролировать цифровые границы даже в условиях сохранения монополии [IT-корпораций], существенно укрепляя цифровой суверенитет. При этом преследуется цель обеспечения безопасности и государственного суверенитета, поэтому, как правило, это не препятствует трансграничным потокам информации» [Зиновьева Е.С. 2022, с. 16].

Феномен цифрового суверенитета государства как инструмента регулирования цифрового неравенства и обеспечения справедливости требует многоуровневого анализа в контексте национальных и транснациональных

систем. Центральным вопросом остается оценка его эффективности в минимизации структурных дисбалансов, порождаемых асимметрией доступа к технологическим ресурсам. В рамках данного дискурса можно выделить два противоположных сценария реализации суверенитета: конструктивный и рестриктивный. Первый предполагает внедрение регуляторных механизмов, направленных на сокращение цифрового разрыва через субсидирование инфраструктуры, образовательные программы и поддержку маргинализированных групп, что теоретически способствует формированию инклюзивной цифровой экосистемы. Вторым сценарий актуализирует риски гиперконтроля, включая цензуру, ограничение доступа к глобальным информационным потокам и монополизацию данных государственными структурами, что усугубляет иерархизацию цифрового пространства и институционализирует новые формы неравенства.

Параллельно наблюдается трансформация структуры цифровых габитусов, чьи практики все чаще связаны с производством, накоплением и утилизацией цифровой интеллектуальной собственности. Данный ресурс приобретает статус ключевого актива в условиях цифровой экономики, определяя не только индивидуальные траектории пользователей, но и макроэкономические процессы. Технологическая эволюция, реконфигурируя паттерны взаимодействия с информацией, превращает владение цифровыми активами в критический элемент социального капитала.

Особый интерес представляют акторы, генерирующие оригинальный контент, — например, блогеры. Их деятельность, основанная на синтезе креативности и экспертного знания, формирует альтернативные каналы дистрибуции информации, конкурирующие с традиционными медиа. Специализация в узких нишах позволяет данным субъектам утверждать *epistemic authority* в своих областях, что обусловлено как алгоритмизацией цифровых платформ, так и растущим спросом на персонализированный контент. Данный феномен демонстрирует, как цифровые габитусы реконструируют

механизмы легитимации знания в условиях децентрализованных коммуникационных сетей.

«Независимо от причин, цифровые технологии теперь постоянно находятся в наших руках, касаются наших пальцев и действуют вокруг нас 24 часа в сутки, 7 дней в неделю, не является исключением и действие социальной политики» [Henman PWF 2022, с. 536].

Феномен цифровых медиаплатформ анализируется в контексте формирования масштабных аудиторных групп, чье взаимодействие основано на систематическом потреблении генерируемого контента [van Dijck et al., 2018]. Как отмечают исследователи цифровой культуры [Burgess & Green, 2018; Abidin, 2018], ключевым элементом этой динамики выступает деятельность контент-мейкеров, которые структурируют тематические материалы в видеоформате, актуализируя персональный экспертный статус. Регулярная публикация информационно насыщенных материалов, сочетающих эмпирический опыт и когнитивные ресурсы создателя, способствует консолидации аудитории в устойчивые сообщества — процесс, описанный в рамках теории «платформенного креатива» [Burgess, 2021]. Рост аудитории, как показывают исследования [Marwick, 2013; Duffy, 2017], коррелирует с трансформацией роли автора: из поставщика информации он эволюционирует в фигуру, обладающую эпистемическим авторитетом [Abidin, 2018]. Эта трансформация связывается в литературе [Gillespie, 2018; Bratton, 2015] со способностью продуцировать релевантные для целевой аудитории информационные паттерны, что формирует асимметричные отношения влияния, характерные для цифровых экосистем. В результате, как подчеркивает теория медиаграмотности [Jenkins et al., 2016], контент-мейкеры начинают выполнять функции аксиологических референций, опосредованно влияя на ценностные ориентации пользователей — механизм, объясняемый через призму накопления символического капитала [Bourdieu, 1986] в условиях алгоритмически опосредованных коммуникаций.

«Цифровые технологии создают свое особое пространство, непринадлежность к которому может вызывать вопросы и неподдельное

удивление: у большинства есть аккаунты в социальных сетях и мессенджерах, а каждый шаг, даже дома, сопровождается наличием какого-либо мобильного устройства» [Хусяинов Т.М. 2021, с. 48].

Феномен монетизации цифрового контента возникает как следствие формирования устойчивой коммуникативной связи между создателем и реципиентами в медийном пространстве. Ключевым фактором выступает способность актора аккумулировать внимание критической массы пользователей, что трансформируется в экономический капитал через ряд институционализированных механизмов. Наиболее распространённая модель предполагает заключение партнёрских соглашений с коммерческими структурами, заинтересованными в доступе к сегментированной аудитории. Параллельно развивается практика краудсорсингового финансирования, где источником ресурсов становятся как корпоративные спонсоры, так и непосредственно потребители контента.

Эффективность данных стратегий коррелирует со способностью продуцента генерировать уникальные символические продукты или сервисы, повышающие степень вовлечённости аудитории. При достижении определённого уровня социального капитала создатель контента эволюционирует в автономный медиабренд, что позволяет инициировать прямую коммерциализацию через эксклюзивные товары и услуги. К таковым относятся: образовательные программы (онлайн-курсы, вебинары), публикации в цифровых и традиционных форматах, а также мерчендайзинговая продукция. Этот процесс репрезентирует синтез монетизации материальных и нематериальных активов, где последние основываются на эксплуатации объектов интеллектуальной собственности.

Особый интерес представляет феномен передачи прав на цифровые активы через договорные отношения. Речь идёт о временной или постоянной уступке контроля над медиаканалом третьим лицам при сохранении первоначального брендинга – практика, предполагающая сложные правовые и экономические коллизии.

Анализ процессов монетизации цифрового контента, распределения прав на интеллектуальную собственность и формирования асимметрий в доступе к технологическим ресурсам требует применения концептуального аппарата цифровой экономики, в частности триады базовых категорий: инфраструктуры, цифрового поля и цифрового блага. Инфраструктура охватывает технико-технологические основания производства и дистрибуции контента, включая аппаратное обеспечение, сетевые протоколы и платформы, которые формируют материальную основу цифровых взаимодействий. Цифровое поле описывает социально-семиотическое пространство коммуникации акторов, где структурируются отношения власти, обмена символическими ресурсами и конкуренции за влияние. Цифровое благо как экономическая категория дифференцируется на два уровня:

Первичный уровень определяется количественной мерой обладания цифровыми объектами интеллектуальной собственности (ИС). К данной категории относятся авторские права, патенты, товарные знаки и иные юридически закреплённые формы креативного или инновационного продукта. Неравномерность распределения этих ресурсов формирует базовый дисбаланс, где ключевым параметром выступает бинарная оппозиция «наличие/отсутствие» актуальных нематериальных активов у субъекта.

Вторичный уровень имплицитно операциональный аспект — способность трансформировать обладание ИС в экономическую ренту. Данный уровень характеризуется параметром доходности, детерминированным совокупностью факторов коммерциализации. К ним относятся: корреляция предложения цифрового продукта с рыночным спросом, качественные характеристики контента, эффективность маркетинговых стратегий и конкурентная динамика среды. При этом монетизация не ограничивается прямой эксплуатацией активов, но включает правовые механизмы извлечения прибыли — лицензионные соглашения, судебные иски о компенсации за неправомерное использование, патентные отчисления.

«Стоит отметить, что своеобразным итогом противоречивых воззрений от разных экономических, социальных и политических интересов является грядущее деятельности по созданию цифровых благ» [Sison AJG. 2024, с. 163-191].

Эти противоречия, обусловленные конкуренцией за ресурсы и влияние, приводят к фрагментации усилий и замедлению процессов цифровизации, что в итоге усугубляет структурные дисбалансы

Любой человек, взаимодействующий с цифровыми технологиями, не может игнорировать необходимость адаптации к стремительным изменениям цифровой среды. Речь идет не только о технических навыках, но и о преодолении системных барьеров — от ограниченного доступа к инфраструктуре до алгоритмической дискриминации, — которые формируют новые формы социальной эксклюзии.

«... динамичная карьера становится еще более сложной, поскольку фрилансерам приходится самим планировать свое карьерное развитие из-за отсутствия организаций и фиксированных сообществ, и им приходится делать свою карьеру самостоятельно в условиях большой неопределенности в чисто цифровой среде» [Gussek L., & Wiesche M. 2024, с. 7].

Эта ситуация отражает ключевую проблему цифрового неравенства: отсутствие институциональных опор превращает индивидуальную адаптацию в единственный способ выживания, усиливая разрыв между теми, кто обладает ресурсами для самостоятельного развития, и теми, кто лишен такой возможности.

Установление критериев оценки цифрового неравенства актуализирует проблему стратификации его структурных уровней — вопрос, сохраняющий дискуссионный статус ввиду методологических лакун и полисемии базовых понятий. Разрешение данной эпистемологической сложности требует системного анализа концептов, формирующих онтологию цифрового пространства: цифровых благ, интеллектуальной собственности в виртуальной среде и параметров включённости субъектов в технологические экосистемы. Эти

категории выступают базисом для исследования интенсивности и качества антропотехнических взаимодействий, определяющих трансформацию социальных практик в условиях доминирования цифровых медиаторов.

Эмпирический анализ вовлечённости индивидов в цифровые системы раскрывает диалектику между агентностью пользователя и детерминирующим воздействием технологических инфраструктур. Виртуальная среда, характеризуемая нелинейной топологией и перманентной процессуальностью, трансформирует традиционные модели коммуникации, создавая гибридное пространство, где физические и цифровые измерения коэволюционируют. Взаимодействие с этим пространством предполагает не пассивную рецепцию информации, но непрерывное конструирование цифровых нарративов через алгоритмически опосредованные практики. Данный процесс реконфигурирует социальные иерархии, порождая новые формы стратификации, основанные на дифференциации доступа к технологическим ресурсам, компетенциям их использования и возможностям смыслопорождения. В этом контексте заслуживает внимание определение Г.Б. Прончева, согласно которому:

«Цифровая среда - интегрированная коммуникационная среда, в которой цифровые устройства взаимодействуют и управляют контентом и действиями в ней, другими словами – это коммуникационная среда цифровых устройств» [Прончев Г.Б. 2022, с. 52].

Современная философская рефлексия, сосредоточенная на анализе технологически детерминированных обществ, акцентирует необходимость методологического уточнения категории «цифровая среда». Речь идет о критическом переосмыслении ее роли как не просто совокупности технических инструментов, но как сложной системы, формирующей социальные взаимодействия, идентичности и властные отношения. Традиционные определения, сводящие цифровую среду к материальным артефактам (устройствам, платформам), демонстрируют эпистемологическую ограниченность, игнорируя ее онтологическую многомерность. Каузальная редукция к физическим объектам не позволяет раскрыть сущностные

характеристики среды, которая конституируется не столько артефактами, сколько динамикой их взаимодействий, алгоритмическими процессами и социальными практиками. Цифровая среда, таким образом, представляет собой полицентрическую коммуникационную систему, интегрирующую технологические агенты (устройства, алгоритмы, интерфейсы) в единое семиотическое пространство, где транзакции данных трансформируются в социально-смысловые акты, формирующие новые паттерны коллективного поведения.

Авторская позиция, выраженная в данном исследовании, заключается в следующем: структурный анализ цифровой среды выявляет ее иерархическую организацию, включающую три взаимосвязанные страты — активность, доступ и собственность. Первичная страта, активность, определяется как совокупность интерактивных процессов, опосредованных цифровыми платформами. Ее функциональное ядро заключается в генерации, трансляции и рецепции информационных потоков через каналы виртуальной коммуникации (социальные сети, мессенджеры, электронная переписка). Интенсивность активности измеряется метриками частоты, продолжительности и разнообразия коммуникативных актов, отражающих степень интеграции субъекта в цифровую экосистему. Качественные параметры — сложность контента, мультимодальность взаимодействий, сетевой охват — коррелируют с уровнем погружения в среду, формируя топографию цифрового присутствия индивида. Эта модель, разработанная в рамках настоящего исследования, позволяет преодолеть редукционизм традиционных подходов, акцентируя системный характер цифрового неравенства.

При этом существуют методы анализа этого явления:

«Бизнес-модели агрегаторов данных – это еще один метод цифровой идентификации, при котором цифровые взаимодействия человека между платформами и сервисами объединяются для создания 360-градусного снимка этого человека» [Anand N., Brass I., с. 3].

Второй уровень — польза. Концентрируется на утилитарной составляющей межличностных контактов в цифровом пространстве. Систематическому рассмотрению подвергаются корреляции между параметрами виртуальной коммуникации и их влиянием на когнитивно-поведенческие паттерны индивида. Акцент делается на выявлении причинно-следственных связей, определяющих степень позитивного либо деструктивного воздействия социальных обменов в сетевой среде на конфигурацию персонального цифрового опыта. Особое внимание уделяется диалектике инструментальных преимуществ и латентных рисков, имманентных современным формам опосредованного взаимодействия.

«Современные исследования характеризуют две значимые формы цифрового эскапизма, направленные на самоподавление (Self-Suppression) и саморазвитие (Self-Expansion)» [Лисенкова А.А., Труфанова Е.О. 2023, с. 22].

Исследование предполагает анализ многоуровневых коммуникативных практик в цифровой среде, включая процессы обмена когнитивными ресурсами, включённость субъектов в дискурсивные формации, рекреационные модусы взаимодействия, а также механизмы конструирования персональной идентичности посредством технологических интерфейсов. Акцент делается на структурных особенностях медиатизированного пространства как среды актуализации социально-экзистенциальных паттернов.

«Понятие «цифровая платформа» определяется как система взаимовыгодных алгоритмизированных взаимоотношений необходимого количества независимых участников отдельной сферы деятельности, реализуемых в единой информационной системе» [Рожков Е.В. 2022, с. 238].

На рассматриваемом уровне виртуальная среда обеспечивает функциональность, позволяющую не только рецепции, но и коллективному продуцированию контента, что способствует формированию коллективной идентичности и конституированию цифровых субъективностей посредством применения инновационных инструментариев и интеллектуальных ресурсов цифровой среды.

«... Коммуникационные предпочтения могут влиять на то, как люди используют онлайн-платформы для сотрудничества с другими» [Greeley G., Peña T., & Rajaram S. 2022, с. 6].

Мы подчеркиваем: анализ феномена цифрового неравенства демонстрирует необходимость его концептуализации как системного явления, превосходящего редуционистское понимание, ограниченное вопросами технической доступности. Эмпирические данные указывают на три взаимодействующих структурных элемента, формирующих его онтологическое ядро: *распределение цифровых ресурсов (accessibility)*, *правовые режимы цифровой интеллектуальной собственности (proprietorship)* и *параметры цифровой среды (environmental affordances)*. Их синергетическая взаимозависимость создаёт неаддитивную систему отношений, где модификация одного компонента индуцирует трансформации в остальных, генерируя нелинейные эффекты социальной стратификации.

Многоуровневый анализ данных элементов требует применения холистического подхода, интегрирующего технологические, юридические и социокультурные перспективы. Такой методологический синтез позволяет идентифицировать латентные механизмы воспроизводства неравенства — от асимметрии в патентных системах до алгоритмических фильтров, структурирующих цифровые экосистемы. Каузальная связь между этими факторами формирует петли обратной связи, усиливающие дисбалансы в распределении цифрового капитала.

2.2. Влияние цифрового неравенства на современное общество.

Цифровое неравенство как структурный феномен современности обнаруживает свою актуальность через дифференциацию доступа к технологическим ресурсам, вариативность освоения цифровых компетенций и асимметрию возможностей их практического применения. Его воздействие на социальные системы коррелирует со степенью технологизации общественных

процессов: чем глубже интеграция цифровых платформ в базовые институты, тем значительнее дисбаланс в распределении цифрового капитала. Данная закономерность формирует диалектическую взаимозависимость — технологический прогресс одновременно порождает и обнажает структурные неравенства.

Ключевой манифестацией этого феномена выступает трансформация информационного пространства, где ограниченный доступ к академическим ресурсам — научным базам данных (например, Scopus, Web of Science), электронным библиотекам (таким как Journal STORage (JSTOR)) и платным образовательным материалам — создает иерархизированную систему знания. Этот доступ ограничен тремя ключевыми барьерами: финансовыми (высокая стоимость подписок), техническими (необходимость институциональной цифровой идентификации) и когнитивными (дефицит навыков поиска и критической оценки информации). В результате субъекты с ограниченным доступом — студенты из регионов с низким уровнем цифровизации, независимые исследователи без институциональной поддержки, представители социально уязвимых групп — вынуждены оперировать редуцированными информационными массивами. Они обращаются к открытым, но менее релевантным источникам: preprint-статьям, материалам из социальных сетей, пиратским базам или локальным архивам. Это формирует альтернативные паттерны познавательной деятельности, такие как фрагментарный анализ данных, поверхностная верификация источников, зависимость от непроверенных гипотез или народных научных нарративов. Подобная селективность воспроизводит эпистемологические асимметрии, порождая параллельные эпистемические реальности. Например, академическое сообщество опирается на рецензируемые исследования, тогда как маргинализованные группы — на информацию из Telegram-каналов или региональных СМИ. Конкуренция или несовместимость этих реальностей становится источником социальной фрагментации, углубляя разрыв между

«цифровыми элитами» и теми, кто исключен из официальных каналов генерации и распределения знания.

Экономическая сфера демонстрирует аналогичные процессы. Цифровизация рынка труда трансформирует требования к профессиональным компетенциям, выводя на первый план навыки работы с алгоритмизированными системами. Лица, лишенные возможности приобретения соответствующих квалификаций, сталкиваются с прогрессирующей маргинализацией, образуя новый тип «цифрового прекариата». Образовательные институты, призванные нивелировать эти диспропорции, сами становятся зоной воспроизводства неравенства вследствие дифференциации качества цифровой инфраструктуры в различных регионах и социальных стратах.

Политическое измерение проблемы проявляется в формировании «электронного гражданства», где участие в цифровых платформах принятия решений становится прерогативой технологически обеспеченных групп. Это создает двойную систему легитимности — между субъектами, включенными в алгоритмизированные механизмы управления, и теми, чей голос остается за пределами цифрового ландшафта.

Философская рефлексия данных процессов актуализируется в рамках цифровой гуманитаристики:

«Область, известная сейчас как цифровые гуманитарные науки, возникла из более ранней области гуманитарных вычислений и включает в себя как применение вычислительных и цифровых методов в гуманитарных исследованиях, так и применение гуманитарных методов, теорий и структур при изучении цифровых медиа и цифровых технологий» [Walsh J.A., Cobb P.J., de Fremery W., Golub K., Keah H., Kim J., Kiplang'at J., Liu Y.-H., Mahony S., Oh S.G., Sula C.A., Underwood T., & Wang X. 2021, с. 191].

В настоящее время данная дисциплина демонстрирует динамичные темпы институционализации, однако эпистемологическая проработанность её концептуального аппарата и методологических оснований сохраняет

ограниченный характер, что коррелирует с рецентным генезисом указанной области научного знания.

«За последние десятилетия ДН обросли репрезентирующими их достижения публикациями, академическими курсами, собственными журналами (например, Digital Humanities Quarterly (DHQ), а также манифестами, декларирующими цели и требования, провозглашающими ожидания» [Чеботарева Е.Э. 2023, с. 226].

Современные исследования цифрового гуманизма, несмотря на широту охвата технологических трансформаций, демонстрируют недостаточную глубину анализа социально-стратификационных эффектов цифрового неравенства. Данный концептуальный разрыв становится очевидным при сопоставлении с методологическим аппаратом социальной философии, оперирующей многомерными моделями интерпретации структурных дисбалансов.

В частности, проблематика гендерной асимметрии в цифровой среде, формализованная в виде *индекса гендерного разрыва*, требует системного изучения детерминант — от распределения ресурсного доступа до паттернов социокультурной социализации.

«Цифровой гендерный разрыв (DGD), определенный Организацией экономического сотрудничества и развития, как разрыв между полами в отношении как их возможностей доступа к информационным и коммуникационным технологиям (ИКТ), так и использования ими Интернета для разнообразия видов деятельности является подходящим примером гендерной проблемы, которая может замедлить прогресс на пути к гендерному равенству в ходе цифрового развития» [Ferritto R. 2024, с. 5].

Приведённое направление не обнаруживает выраженной эффективности в контексте современных социокультурных трансформаций, что ставит под вопрос целесообразность его системного философского осмысления. В качестве контрапункта целесообразно рассмотреть альтернативные области

исследования, демонстрирующие эмпирически верифицируемый потенциал воздействия на структурные элементы общественной организации:

«Прогноз «революции», основанной на искусственном интеллекте, уже был на слуху, прежде чем выпуск ChatGPT в ноябре 2022 года вызвал цунами шумихи вокруг больших языковых моделей (LLM), типа технологии машинного обучения, управляемой данными» [Lauren M.E. 2023, с. 2].

Современные системы обработки естественного языка, такие как ChatGPT, представляют собой алгоритмические модели, предназначенные для генерации и трансформации текстовых данных на основе входных запросов. Несмотря на демонстрацию значительного потенциала в продуцировании семантически связного контента, их функциональность сохраняет необходимость дальнейшей оптимизации. Актуальные версии подобных инструментов обеспечивают субъектам цифровой среды операционализацию когнитивных операций, связанных с текстовой деятельностью, что выражается в повышении эффективности соответствующих процессов. Вместе с тем, анализ технологического ландшафта выявляет множество функциональных аналогов, способных выступать в качестве конкурентных альтернатив. Их параметры варьируются в аспекте производительности, специализации и экономической доступности, формируя спектр решений для дифференцированных пользовательских задач.

«Тем не менее, ChatGPT и подобные технологии лишь недавно появились в общественном сознании, а уровень образовательной грамотности с использованием ИИ все еще находится на стадии изучения» [May C. 2001, с. 4].

Ограничение доступа к цифровым инструментам, таким как генеративная языковая модель ChatGPT, разработка которой контролируется корпорацией OpenAI, демонстрирует формирование структурных барьеров в распределении технологических ресурсов. В частности, блокировка доступа для пользователей из России, инициированная компанией в рамках санкционной политики *после* 2022 г., создала условия для возникновения ресурсной асимметрии. Хотя часть отечественных пользователей преодолела технические ограничения

посредством VPN-сервисов и альтернативных методов аутентификации, на начальном этапе внедрения технологии подобные решения оставались недоступными для большинства, что актуализировало проблему неравенства возможностей в цифровой среде.

Данный кейс, на наш взгляд, иллюстрирует базовый механизм цифрового неравенства в обществе 21 в. — дифференциацию доступа к технологиям, обусловленную комплексом факторов: техническими ограничениями (геоблокировка, отсутствие инфраструктуры), корпоративными решениями (санкции частных компаний), государственной регуляцией (законодательные запреты) и социокультурными предубеждениями (языковые или когнитивные барьеры). Результатом становится формирование иерархии пользователей, где обладание технологическим доступом трансформируется в конкурентное преимущество, а его отсутствие — в фактор маргинализации.

Экономическое измерение цифрового неравенства проявляется в монетизации технологических ресурсов. Генеративные модели, включая ChatGPT, становятся инструментом создания коммерческого контента, позволяя пользователям генерировать тексты для продажи, рекламы или автоматизации бизнес-процессов. Индивидуумы, обладающие доступом к подобным инструментам, получают возможность формирования дополнительных источников дохода, тогда как исключенные из этой системы сталкиваются с сокращением экономических перспектив. Это усиливает существующее неравенство, переводя его из технологической плоскости в финансовую.

Более репрезентативным примером экономического измерения цифрового неравенства служит ситуация с видеохостингом YouTube, где до введения ограничений для российских пользователей создание монетизируемого контента являлось значимым источником дохода. Деактивация функций монетизации для данной юрисдикции не только сократила экономические возможности блогеров, но и редуцировала престиж профессии, усилив диспропорции между группами, сохранившими доступ к альтернативным платформам, и теми, кто лишился ключевого канала заработка. При этом важно отметить, что экономическая

асимметрия между создателями цифрового контента и представителями "традиционных" профессий (например, рабочими в строительном секторе) существовала и ранее, однако технологические ограничения институционализировали данное неравенство, легитимируя его через внешние политические решения.

Рассматриваемый кейс ограничения монетизации цифровых сервисов для пользователей российской юрисдикции репрезентирует методологическую проблему оценки адаптивности технологических систем в условиях внешних регуляторных ограничений. Речь идет о сложности верификации функциональности инструментов в среде, где доступ к глобальным платформам блокируется, а локальные альтернативы не обеспечивают сопоставимых возможностей. Как отмечает Н.Кокманн, ключевым вопросом становится дефицит релевантных решений:

«... Есть ли у нас соответствующие цифровые инструменты» [Kockmann N. 2020, с. 1880].

Он акцентирует противоречие между декларируемым потенциалом цифровизации и реальными ограничениями, накладываемыми геополитическими барьерами. Например, блокировка YouTube-монетизации для российских создателей контента не только сократила их доходы, но и поставила под сомнение устойчивость цифровых бизнес-моделей в условиях фрагментации глобального интернет-пространства. Таким образом, проблема заключается не только в технической адаптации, но и в методологической неразработанности критериев оценки эффективности цифровых инструментов в контексте вынужденной автономизации.

Целью авторского анализа выступает разработка механизмов управления структурными дисбалансами, порождаемыми дифференциацией доступа к цифровым ресурсам, а также минимизация их социально-экономических и эпистемических последствий. На примере корпоративных регуляторных практик, исследователи (например, Зубофф) демонстрируют, что негосударственные акторы — технологические корпорации, платформы,

венчурные фонды — обладают инструментарием для воздействия как на распределение возможностей (например, через алгоритмическое ранжирование контента), так и на производные эффекты технологической асимметрии, включая санкционные ограничения (блокировку сервисов для отдельных юрисдикций).

Редукция указанного дисбаланса требует системного внедрения алгоритмических и инфраструктурных решений, реализуемых через синергию политических институтов и рыночных субъектов. Ключевым условием выступает формализация многоуровневых стратегий, объединяющих нормативное регулирование (например, законы о цифровых правах) с технологическими инновациями (децентрализованные сети, open-source платформы). Такой подход позволяет обеспечить равномерное распределение цифрового капитала, минимизируя риски монополизации.

«Под «цифровыми» я подразумеваю любые методы, основанные на компьютерной обработке информации» [Yen J. 2024, с. 3].

Одним из структурных методов минимизации цифрового неравенства выступает системная институционализация цифровой грамотности как базовой социальной компетенции. Эмпирические исследования подтверждают корреляцию между уровнем технологической адаптивности субъектов и степенью их включенности в цифровую среду. Формирование соответствующих когнитивных и операционных компетенций, таких как базовые навыки работы с цифровыми платформами, критическая оценка информации, кибербезопасность и управление персональными данными, позволяет нивелировать асимметрию в доступе к технологическим ресурсам и их функциональной эксплуатации. Реализация данной задачи предполагает кооперацию государственных и негосударственных субъектов — образовательных учреждений, IT-корпораций, общественных организаций — в рамках мультиакторной модели социотехнического развития. Интеграция образовательных модулей, включающих основы алгоритмической грамотности, цифровую этику, навыки работы с облачными сервисами и инструментами искусственного интеллекта, в формальные учебные программы (например, школьные курсы информатики,

программы повышения квалификации для взрослых) иллюстрирует механизм трансляции необходимых компетенций на доктринальном уровне.

«Светодиоды характеризовались точными описаниями, показывающими различные практические примеры цифровой практики студентов. Анализ светодиодов выявил то, что студент назвал «цифровым инстинктом». Этот термин описывает опыт естественного и интуитивного использования технологий в школьной работе, особенно при выполнении заданий. Мы решили использовать термин *«цифровой инстинкт»*, потому что он происходит от студентов и их опыта цифровой практики» [Boie M.A.K., Dalsgaard C., & Caviglia F. 2024, с. 671].

Расширение образовательных инициатив за пределы локальных учебных пространств в сферу общественных институтов предполагает структурные преобразования, направленные на минимизацию цифрового неравенства. Данный процесс требует разработки многоуровневых стратегий, включающих не только педагогические, но и социально-экономические аспекты. Корпоративный сектор, обладая ресурсным потенциалом, способен актуализировать принципы социальной ответственности через инвестирование в проекты, сочетающие коммерческие интересы с задачами формирования технологически инклюзивной среды. Подобная синергия создает предпосылки для трансформации цифрового ландшафта в направлении большей справедливости.

Ключевым элементом данной парадигмы выступает институционализация образовательной политики, ориентированной на системное развитие цифровых компетенций. Ее реализация должна обеспечить не только инструментальное освоение технологий, но и формирование критического мышления, необходимого для их продуктивного применения в профессиональной и академической сферах. Ответственность за внедрение подобных программ возлагается преимущественно на государственные институты, обладающие административными и законодательными рычагами влияния на образовательные системы. Однако эффективность данных мер напрямую коррелирует с

вовлеченностью негосударственных субъектов, чьи технологические и инновационные ресурсы позволяют оптимизировать процессы адаптации цифровых решений.

Таким образом, преодоление цифрового разрыва требует комбинированного подхода, где публичные и частные институты функционируют как взаимодополняющие элементы единого механизма. Такая модель взаимодействия предполагает перераспределение функций: от централизованного нормотворчества до децентрализованной реализации конкретных инициатив, что в совокупности формирует устойчивую экосистему цифровой интеграции.

«Благодаря обилию цифрового учебного материала цифровые экспериментальные ситуации можно сохранить при обучении в будущем. Цифровые эксперименты в различных формах становятся полезным дополнением к текущей лабораторной практике. Однако с увеличением количества цифровых экспериментальных сред возникает вопрос о сопоставимости цифровых и реальных экспериментов с точки зрения развития желаемых навыков» [L. Groos, D. Kranz, L.S. Lieber, K. Maaß, N. Graulich, 2022, с. 255].

Взаимодействие между государственными институтами и корпоративными субъектами в контексте развития цифровой грамотности сопряжено с фундаментальными противоречиями, обусловленными структурной дивергенцией их телеологических ориентаций. Государственные структуры, действуя в рамках макростратегических задач, акцентируют создание универсальных образовательных систем, интегрированных в национальные программы долгосрочного развития, с акцентом на социокультурные и этико-политические импликации цифровой компетентности. В противовес этому корпоративный сектор фокусируется на инструментальной оптимизации специфических навыков, релевантных операционным целям и технологической конкурентоспособности, что выражается в прагматическом подходе к образовательным траекториям. Данная дихотомия порождает стратегический

диссонанс, затрудняющий синхронизацию ресурсов и методологий, несмотря на формальное совпадение интересов в повышении уровня цифровой адаптации населения.

Параллельно обозначается проблема цифрового неравенства, коренящегося в нормативной неопределённости цифрового права. Отсутствие унифицированных юридических рамок, регулирующих цифровые взаимодействия, создаёт условия для систематической уязвимости пользователей, лишённых механизмов правовой защиты. Цифровой габитус, формируемый в условиях этой нормативной лакуны, характеризуется асимметрией власти между субъектами цифрового пространства: индивиды, чьи права подвергаются нарушениям, сталкиваются с институциональной неспособностью добиться реституции или превенции злоупотреблений. Данный дефицит легитимных процедур не только сохраняет статус-кво уязвимости, но и генерирует феномен символического насилия, при котором отсутствие чётких границ дозволенного легитимизирует произвол доминирующих акторов.

«Цифровое самоопределение определяется как принцип уважения, внедрения и обеспечения соблюдения прав, интересов, предпочтений и ожиданий людей и народов на протяжении всего жизненного цикла цифровых данных взаимовыгодным образом для всех сторон задействовано» [Verhulst SG. 2023, с. 5].

В рамках анализа цифрового пространства исследователям необходимо концептуализировать институциональные структуры (государственные регуляторы, корпорации, международные организации) как акторов, обладающих комплексом стратегических целеполаганий, выходящих за рамки декларируемой нейтральности. Помимо базовой функции минимизации технологических асимметрий, эти субъекты располагают инструментарием для системного управления диспропорциями, включая их целенаправленную генерацию в контексте реализации геополитических и экономических приоритетов. Например, ограничение доступа к глобальным платформам в рамках цифрового суверенитета или санкционные блокировки сервисов

косвенно влияют на макроэкономические индикаторы (например, снижение инвестиционной привлекательности), что фиксируется в отчетах наднациональных финансовых институтов (МВФ, Всемирный банк).

Технологическая инфраструктура и алгоритмические платформы становятся средством стратегического конструирования цифровых градиентов — зон с дифференцированным доступом к ресурсам. Здесь регулирующие инстанции выступают центральными операторами, детерминирующими параметры доступности (например, геоблокировки) и траектории распределения данных. Эта динамика иллюстрирует тезис Мёллера:

«Понятие «проекты территориализации» отражает то, как государства мобилизуют ученых и инженеров, чтобы превратить глобально распределенную информационную инфраструктуру в ограниченную национальную территорию, и как они наделяют ее патриотическим смыслом, создавая тем самым «цифровую территорию». Другими словами, «цифровая территория» — это национализированная информационная инфраструктура» [Möllers N. 2021, с. 118].

Центральным предметом методологического анализа выступает имманентное противоречие между декларируемыми целями цифровой инклюзии (равный доступ к технологиям, справедливое распределение ресурсов) и реальными практиками корпоративных субъектов, функционирующих в логике капиталистической максимизации прибыли. Критический дискурс фокусируется на исследовании глубинных причин цифрового неравенства как системного феномена, раскрывая, как базовые механизмы капиталистической системы — монополизация данных, алгоритмическая эксплуатация, коммодификация пользовательского внимания — воспроизводят дисбалансы через инструментальную рациональность (оптимизацию процессов в ущерб этическим и социальным критериям).

Эмпирические данные свидетельствуют: стратегическое управление информационными асимметриями трансформируется в технологию контроля, где дозированное распределение цифровых ресурсов (например, доступ к

платформам или алгоритмическим преимуществам) не нивелирует, а пролонгирует социально-экономические диспропорции. Например, корпорации, декларирующие «демократизацию знаний», одновременно ограничивают доступ к премиум-контенту платными подписками, усиливая разрыв между группами с разным доходом. Таким образом, цифровое неравенство не является побочным эффектом, а становится инструментом сохранения властных иерархий в условиях технологической трансформации.

2.3. Цифровизация и цифровое неравенство

Процесс цифровизации, определяемый исследователями [Иванов Д.В., 2023; Орехов А.М., 2024] как глобальная трансформация социальных, экономических и культурных практик через внедрение цифровых технологий, формирует объект междисциплинарного исследования. Этот процесс требует деконструкции его структурных последствий (например, алгоритмизации труда) и нормативных противоречий, таких как конфликт между приватностью и коммерциализацией данных. Центральным парадоксом выступает диалектика между декларируемым потенциалом демократизации — равным доступом к знаниям, участием в цифровых платформах — и воспроизводством системных асимметрий, обозначаемых термином «цифровое неравенство». Как отмечает Т.Л. Ровинская, IT-корпорации, позиционирующие себя как «нейтральные посредники», фактически становятся «новыми политическими акторами», концентрирующими власть через контроль над инфраструктурой.

Настоящий анализ ставит целью выявление взаимозависимостей между эволюцией технологической инфраструктуры (например, внедрением ИИ, блокчейна) и динамикой неравенства. Эти элементы образуют рекурсивную систему: технологический прогресс, с одной стороны, детерминируется запросами рынка и государства (например, разработка систем распознавания лиц для контроля), а с другой — сам детерминирует социальные диспропорции в доступе (цифровой разрыв между мегаполисами и регионами), компетенциях

(дефицит цифровой грамотности у старших поколений) и возможностях (монополизация данных корпорациями). В рамках критической теории, вслед за Д.В. Ивановым, предполагается рассмотрение этических императивов, связанных с управлением цифровыми трансформациями. Его концепция «компьютерного капитализма» раскрывает, как цифровые технологии, маскируясь под инструменты эмансипации, воспроизводят эксплуатацию через «алгоритмическую прекаризацию» труда [Иванов Д.В., 2023].

Категоризация цифрового неравенства как многоуровневого феномена требует дифференциации его структурных компонентов. Первоначальная концептуализация, сфокусированная на дихотомии доступа к технологиям («цифровой разрыв»), была разработана П. Норрис, акцентировавшей географические и социально-экономические барьеры в распространении интернет-инфраструктуры [Norris P. 2001]. Эмпирические данные конца XX — начала XXI веков подтверждали корреляцию между уровнем экономического развития регионов и доступностью цифровых ресурсов, однако последующие исследования выявили усложнение стратификации. Как демонстрирует работа М. Кастельса «Восход сетевого общества», сетевая логика постиндустриальной эпохи трансформирует не только коммуникативные практики, но и механизмы социального исключения, интегрируя технологические иерархии в системы власти и распределения ресурсов [Castells M. 2010]. Данный тезис находит подтверждение в эволюции цифрового неравенства: если на начальных этапах цифровизации дисбалансы проявлялись преимущественно в физической недоступности устройств и сетей, то в условиях их массового распространения ключевыми становятся факторы цифровой грамотности, алгоритмической дискриминации и различий в качестве использования технологий.

Экономически уязвимые демографические группы сталкиваются с системными ограничениями в интеграции в цифровую инфраструктуру, что формирует феномен первичного цифрового разрыва. Финансовые барьеры, связанные с приобретением технологического оборудования, лицензионного программного обеспечения и стабильного интернет-доступа, в сочетании с

отсутствием институционализированных программ цифровой грамотности создают условия для исключения из цифровой экономики [Van Dijk J.A.G.M. 2020]. Данное неравенство трансформируется в системные диспропорции в доступе к образовательным, медицинским и трудовым ресурсам, учитывая прогрессирующую цифровизацию базовых социальных услуг. Эмпирические исследования подтверждают, что зависимость институтов от онлайн-платформ для трудоустройства, телемедицины и дистанционного обучения конвертирует технологическую недоступность в фактор воспроизводства бедности.

Однако редукция цифрового разрыва к материальному доступу представляет собой эпистемологически неполную модель. Концепция «вторичного цифрового разрыва» [Hargittai E. 2002] акцентирует переход от количественных метрик доступности к качественным различиям в эксплуатации технологий. Критическими переменными выступают: уровень цифровой компетентности, способность к критической оценке информации, вариативность использования цифровых инструментов для профессионального роста и формирования социального капитала. Даже при гипотетическом устранении материальных барьеров сохраняются дисбалансы в способности акторов извлекать выгоду из цифровой среды, что коррелирует с их социокультурным бэкграундом и институциональной поддержкой.

С позиции образовательных систем вторичный цифровой разрыв приобретает характер мультипликатора социального неравенства. Как отмечает David M.J.L., формальный доступ учащихся к устройствам в школах не гарантирует преодоления различий в уровне цифровой грамотности. Социоэкономический статус семьи определяет дифференциацию в навыках: от базового потребления контента до продвинутого создания цифровых продуктов, аналитической работы с данными и кибернетической коллаборации [David M.J.L. 2018]. Подобная стратификация усиливает академическое неравенство, поскольку цифровая компетентность становится предиктором успешности в гибридных образовательных моделях. Дополнительным риском выступает уязвимость к дезинформации — недостаток критического мышления при

навигации в цифровом пространстве подрывает рациональность принятия решений, угрожая демократическим процессам

Феномен цифрового неравенства выходит за пределы дискурса о доступе к технологиям и технических компетенциях, раскрывая структурные проблемы, связанные с алгоритмической дискриминацией, трансформацией приватности и концентрацией власти в условиях доминирования корпоративных акторов. Исследование алгоритмических систем демонстрирует их роль в воспроизводстве социальных асимметрий. Как отмечает Кэти О'Нил в работе «Оружие математического разрушения», алгоритмы, позиционируемые как нейтральные инструменты, на практике усиливают структурное неравенство в сферах уголовного права, образования и занятости, опираясь на исторически предвзятые массивы данных [O'Neil C., 2016]. Такие системы не только реплицируют существующие паттерны дискриминации, но и генерируют новые формы исключения, маскируя их под объективность вычислений.

Алгоритмическая предвзятость, активно обсуждаемая в научной литературе как системная проблема, подрывает базовые принципы равноправия и справедливости. Речь идёт о ситуациях, когда автоматизированные системы, применяемые в чувствительных сферах — кредитовании, трудоустройстве или прогнозировании рецидивизма, — воспроизводят дискриминационные паттерны, заложенные в их обучающих данных или логике проектирования. Например, алгоритмы оценки кредитоспособности могут необоснованно снижать рейтинги для представителей этнических меньшинств, а системы подбора кадров — исключать кандидатов по гендерному признаку. Критическим аспектом проблемы выступает непрозрачность алгоритмических процессов, которая не только затрудняет публичный аудит, но и создаёт правовой вакуум: отсутствие чётких механизмов привлечения к ответственности разработчиков или операторов таких систем. Как подчёркивает Вирджиния Эубанкс в исследовании «Автоматизация неравенства», сложность алгоритмов маскирует предвзятость, превращая её в скрытый инструмент легитимации дискриминации

через миф о «технологической нейтральности» — ложном представлении, что алгоритмы объективны по умолчанию [Eubanks V., 2018].

Концентрация ресурсов в рамках цифровой экономики усугубляет дисбалансы власти. Технологические корпорации, аккумулирующие экстраординарные объемы данных, получают возможность влиять на общественные коммуникации, формировать технологические стандарты и извлекать ренту из персональной информации. Шосана Зубофф в работе «Эпоха надзорного капитализма» определяет эту модель как новую фазу капитализма, где извлечение прибыли основано на массовой эксплуатации данных, что приводит к эрозии автономии индивида и демократических институтов [Зубофф Ш., 2022]. Корпоративный контроль над цифровой инфраструктурой создает асимметрию, при которой приватность и права пользователей становятся вторичными по отношению к коммерческим интересам.

Приватность в данном контексте трансформируется в ресурс, подверженный коммодификации. Систематический сбор данных, осуществляемый без информированного согласия, позволяет корпорациям манипулировать поведением, формировать потребительские предпочтения и воздействовать на политические установки. Отсутствие эффективного регулирования в сфере защиты данных усиливает уязвимость граждан, особенно представителей маргинализированных групп, как отмечает Сафия Нобл в исследовании алгоритмов поисковых систем [Noble S.U., 2018]. Риски неправомерного использования данных коррелируют с существующими социальными иерархиями, превращая цифровые платформы в инструменты усиления дискриминации.

Современные исследования в области технологического проектирования акцентируют необходимость систематического включения принципов инклюзивности в процесс разработки цифровых решений. Ключевым аспектом данной парадигмы становится преодоление структурных дисбалансов через активное взаимодействие с разнородными социальными группами, интеграцию их потребностей и обратной связи в архитектуру технологий. Подобный подход

подразумевает не только обеспечение базовой доступности инструментов, но и их адаптацию к культурным и лингвистическим контекстам, что требует реконфигурации методологий проектирования. Критически значимым элементом является также диверсификация кадрового состава технологической индустрии, предполагающая создание условий для участия представителей маргинализированных сообществ в процессах разработки. Такие меры способствуют минимизации риска воспроизводства неравенства в цифровых системах, обеспечивая более справедливое распределение выгод от технологического прогресса.

Эволюция искусственного интеллекта (ИИ) вводит дополнительные переменные в уравнение цифрового неравенства. Автоматизация трудовых операций, как отмечает Кроуфорд [Crawford К. 2021], провоцирует трансформацию рынка труда, углубляя диспропорции между группами, обладающими ресурсами для адаптации к экономике, основанной на ИИ, и теми, кто лишён подобных возможностей. Алгоритмические системы, интегрированные в процессы принятия решений, несут риски институционализации предвзятости, обусловленной некорректными обучающими данными или нерепрезентативными выборками. На наш взгляд, смягчение этих эффектов требует реализации превентивных стратегий, включающих:

1. Модернизацию образовательных программ для формирования компетенций, актуальных в контексте автоматизации, с акцентом на цифровую грамотность, критическое мышление и навыки работы с ИИ-инструментами.
2. Разработку этических стандартов, регулирующих проектирование и внедрение ИИ, таких как принципы прозрачности, подотчётности и минимизации дискриминационных рисков.
3. Постоянный аудит алгоритмов на предмет выявления скрытых предубеждений, например, в сферах кредитования, трудоустройства или

уголовного правосудия, с привлечением независимых экспертов и представителей уязвимых групп.

Эти меры, по нашему мнению, способны снизить воспроизводство структурных дисбалансов, однако их эффективность зависит от системной интеграции в регуляторные, образовательные и корпоративные практики.

На институциональном уровне смягчение негативного воздействия ИИ на социальное неравенство, по нашему мнению, требует формирования мультидисциплинарной политической стратегии. Её базисом, как мы полагаем, должны стать инвестиции в программы переквалификации, ориентированные на группы риска, такие как работники низкоквалифицированных секторов, с акцентом на освоение навыков взаимодействия с ИИ-системами и цифровыми платформами. Параллельно необходимо усиление социальной защиты через расширение программ поддержки доходов, страхования от технологической безработицы и создания «буферных» механизмов для смягчения переходных периодов. Третьим ключевым элементом выступает разработка регуляторных рамок, запрещающих использование алгоритмов с доказанным дискриминационным потенциалом в чувствительных сферах — трудоустройстве, здравоохранении и доступе к кредитам, что соответствует выводам Кроуфорд [Crawford K. 2021]. Эффективность этих мер, на наш взгляд, напрямую зависит от качества кооперации между государством, бизнесом и научным сообществом. Например, создание совместных рабочих групп по этике ИИ или финансирование исследований алгоритмической прозрачности могло бы стать шагом к преодолению разрыва между теорией и практикой. Подобный симбиоз не только способствует генерации инновационных решений, но и обеспечивает баланс между технологическим прогрессом и социальной справедливостью, минимизируя эксклюзивный характер цифровизации.

Цифровое неравенство, как отмечается в работах Кроуфорда, представляет собой многосторонний феномен, выходящий за пределы вопросов технического доступа. Его воспроизводство связано с ограничениями в цифровой грамотности, неспособностью критически оценивать информацию, а также

концентрацией власти в руках ограниченного числа технологических корпораций. Алгоритмическая предвзятость, нарушение конфиденциальности данных и монополизация цифровых рынков формируют петли обратной связи, усугубляющие структурные дисбалансы. На наш взгляд, противостояние этим тенденциям требует комплексного подхода, основанного на четырёх взаимосвязанных направлениях.

Во-первых, необходима систематическая интеграция этических принципов в инженерные практики — от этапа проектирования алгоритмов до их внедрения, что подразумевает обязательную оценку социальных рисков и включение этических кодексов в технические стандарты. Во-вторых, ключевым условием снижения предвзятости является стимулирование разнообразия в технологических командах, поскольку гетерогенные коллективы с разным культурным, гендерным и профессиональным бэкграундом способны минимизировать слепые зоны при разработке систем ИИ. В-третьих, развитие нормативной базы должно обеспечить прозрачность алгоритмических систем через законодательное закрепление требований к аудиту, публичной отчётности и возможности оспаривания автоматизированных решений. Наконец, создание платформ для межсекторального диалога между регуляторами, разработчиками и гражданским обществом позволит выработать общие критерии оценки цифровых рисков и механизмы их минимизации.

Мы полагаем, что только синтез этих мер способен разорвать цикл воспроизводства цифрового неравенства, трансформируя технологический прогресс в инструмент инклюзивного развития, а не усиления существующих иерархий.

Динамичность цифровой экосистемы обуславливает необходимость адаптивного управления рисками. Политические инициативы должны эволюционировать параллельно с технологиями, сохраняя фокус на принципах справедливости и инклюзивности. Как подчёркивает Кроуфорд, устойчивость социальных структур в условиях цифровой трансформации зависит от способности институтов предвосхищать дисбалансы, а не реагировать на их

последствия. Это предполагает переход от коррективных мер к превентивным, включая прогностическое моделирование эффектов внедрения ИИ и разработку гибких регуляторных механизмов.

Таким образом, цифровизация выступает одновременно катализатором прогресса и фактором социальной фрагментации. Её влияние на неравенство носит нелинейный характер, определяясь взаимодействием технологических, экономических и культурных переменных. Устранение дисбалансов требует ревизии традиционных подходов к проектированию технологий, образовательным стратегиям и регулированию. Центральным элементом данной трансформации становится переосмысление роли человека в цифровой экосистеме — не как пассивного пользователя, но как активного участника, чьи потребности и права формируют архитектуру технологического будущего

Цифровое неравенство не сводится к техническим или экономическим параметрам — это феномен, укоренённый в структурах власти, знания и идентичности. Социально-философский анализ позволяет деконструировать его через несколько ключевых концептов:

1. Технологический детерминизм vs. социальный конструктивизм.
 - Сторонники технологического детерминизма (например, Маклюэн) видят в цифровизации имманентную силу, независимую от социального контекста. Однако такой подход игнорирует роль человеческого агентства в формировании технологических траекторий.
 - Социальный конструктивизм (Фейербах, Латур) подчёркивает, что технологии — продукт конкретных исторических, культурных и властных отношений. Цифровое неравенство, таким образом, не «естественно», а конструируется через политику доступа, алгоритмическую дискриминацию и экономические барьеры.
2. Справедливость как распределительная и признающая.
 - Теория справедливости Ролза, фокусирующаяся на распределении ресурсов, актуальна для анализа доступа к цифровой

инфраструктуре. Однако цифровое неравенство требует дополнения подходом Нэнси Фрейзер о «признании» — маргинализированные группы сталкиваются не только с нехваткой устройств, но и с символическим насилием (например, алгоритмы, игнорирующие культурные коды меньшинств).

3. Биополитика цифрового общества.

- Концепция Фуко о биовласти, контролирующей жизнь индивидов через технологии, находит отражение в цифровой слежке, сборе данных и алгоритмическом управлении поведением. Как отмечает Зубофф, «надзорный капитализм превращает человеческий опыт в сырьё для извлечения прибыли» [Зубофф Ш. 2022], что создаёт новую форму угнетения — «цифровую колонизацию».

4. Этика ответственности.

- Ханс Йонас в работе «Принцип ответственности» утверждает, что технологии требуют переосмысления моральных императивов. Применительно к цифровизации это означает ответственность разработчиков за последствия алгоритмов, а государства — за обеспечение цифровых прав граждан.

Эти философские рамки демонстрируют, что цифровое неравенство — не техническая погрешность, а системный дефект, коренящийся в противоречиях между технологическим прогрессом и социальной справедливостью.

Взаимодействие цифровизации и неравенства носит рекурсивный характер, формируя петли обратной связи:

1. Цифровизация → Неравенство.

- Пример 1: Внедрение ИИ в медицину (телемедицина, диагностические алгоритмы) улучшает доступ к услугам для городского населения, но исключает сельские регионы с низким качеством интернета.
- Пример 2: Алгоритмы кредитного скоринга, обученные на исторических данных, воспроизводят расовые и гендерные

предубеждения, ограничивая доступ к финансам для уязвимых групп [O'Neil C., 2016].

2. Неравенство → Цифровизация.

- Пример 1: Низкая цифровая грамотность в развивающихся странах замедляет внедрение инноваций, консервируя их периферийный статус в глобальной экономике.
- Пример 2: Концентрация данных в руках корпораций (Google, Amazon) позволяет им доминировать в разработке ИИ, что усиливает технологическую асимметрию между странами «ядра» и «периферии».

Этот цикл воспроизводства можно проиллюстрировать кейсом пандемии COVID-19. Переход на удалённое обучение и работу стал триггером «цифрового разрыва»:

- 46% домохозяйств с низким доходом в странах Африки к югу от Сахары не имели доступа к онлайн-образованию из-за отсутствия устройств [UNESCO, 2021];
- В Индии 80% студентов из сельских районов не смогли участвовать в Zoom-лекциях из-за перебоев с электричеством и интернетом [The Hindu, 2020].

Пандемия обнажила, как цифровизация, будучи реакцией на кризис, сама становится источником новых кризисов неравенства.

Преодоление цифрового неравенства требует не только технологических решений, но и пересмотра базовых социальных договоров. Здесь уместно обратиться к следующим концепциям:

1. Цифровой минимализм (Кэл Ньюпорт).
 - Критика гиперинформационности и культивация осознанного использования технологий. Однако этот подход индивидуалистичен и игнорирует структурные барьеры.
2. Право на цифровую автономию (Шошанна Зубофф).

- о Запрет коммерческой эксплуатации персональных данных и гарантия «цифрового суверенитета» индивидов.

3. Универсальный базовый цифровой доход.

- о Предоставление гражданам равного доступа к цифровым ресурсам (интернет, устройства) как части социальных гарантий. Пилотные проекты в Финляндии и Канаде показывают, что это снижает цифровую эксклюзию [OECD, 2022].

4. Этика заботы (Джоан Тронто).

- о Перенос акцента с конкуренции на коллективную ответственность за уязвимых (пожилых, инвалидов) в цифровой среде. Например, создание инклюзивных интерфейсов и образовательных программ.

Цифровое неравенство не просто дисбаланс в распределении технологий, но кризис антропологической адекватности в эпоху «цифрового разлома». Оно ставит под вопрос саму возможность сохранения человеческого достоинства, автономии и свободы в условиях тотальной технологизации. Как подчёркивает Хабермас, «технологии, лишённые морального измерения, превращаются в инструмент отчуждения» [Habermas J., 2003].

Преодоление этого кризиса требует синтеза технологических, правовых и этических стратегий, основанных на принципах инклюзивности, прозрачности и солидарности. Только тогда цифровизация сможет стать не инструментом господства, а платформой для подлинно человеческого развития

2.4. Виды цифрового неравенства

Цифровое неравенство, будучи многомерным социальным феноменом, проявляется через разнообразные формы дисбалансов, детерминированных технологическими, экономическими и культурными факторами. Для системного анализа его структурных особенностей необходимо выделить ключевые виды, которые не только отражают специфику распределения цифровых ресурсов, но и раскрывают механизмы их воспроизводства в разных контекстах. В данном

параграфе предлагается классификация видов цифрового неравенства, основанная на синтезе инфраструктурных, правовых и компетентностных критериев. Такой подход позволяет дифференцировать проблему на уровни, каждый из которых требует уникальных стратегий преодоления.

Исторически концепция цифрового разрыва, как отмечает Норрис [Norris P. 2001], редуцировалась до бинарной оппозиции наличия/отсутствия доступа к интернету. Однако эволюция технологий и их интеграции в социум потребовала пересмотра данной парадигмы. Ван Дейк [Van Dijk J.A.G.M. 2006] расширил понимание проблемы, выделив четыре уровня дисбаланса: мотивационный, материальный, компетентностный и операционный. Такой подход акцентирует переход от редуционистской трактовки к анализу взаимосвязанных факторов, формирующих сложную сеть исключений.

Ключевым элементом цифрового неравенства выступает инфраструктурный дисбаланс, определяемый как отсутствие материально-технических условий для участия в цифровой среде. Данная категория, будучи системообразующей, коррелирует с социально-экономическими стратификациями, воспроизводя их в виртуальном пространстве. Кастельс [Кастельс М. 2000] интерпретирует интернет как инфраструктурный базис «сетевого общества», где ограниченный доступ эквивалентен исключению из публичной сферы и экономических процессов. Несмотря на глобальный рост проникновения интернета, диспропорции сохраняются на межгосударственном и внутригосударственном уровнях, приобретая особую выраженность в контексте урбанистическо-сельского контраста [Stern MJ, Predmore SA, Mortimer MJ, Seesholtz DN. 2010]. В сельских регионах дефицит инфраструктуры и высокая стоимость подключения ограничивают доступ к образовательным, медицинским и экономическим ресурсам, формируя цикл периферийного развития.

Феномен цифрового неравенства проявляется не только в базовой диспропорции доступа к информационным технологиям, но и в качественной дифференциации инфраструктурных возможностей. Исследования показывают,

что параметры подключения к глобальной сети варьируются в зависимости от географического и социально-экономического контекста: высокоскоростные каналы связи концентрируются преимущественно в урбанизированных зонах с высоким уровнем доходов населения, тогда как сельские и экономически депривированные регионы сталкиваются с технически ограниченными и нестабильными соединениями [Hargittai E. 2002]. Данный дисбаланс, обозначаемый как вторичный цифровой разрыв, формирует системные препятствия для реализации базовых прав в условиях цифровизации. В контексте дистанционного образования, телемедицины и удалённой занятости скорость и стабильность подключения становятся критическими факторами социально-экономической инклюзии, что было эмпирически подтверждено в период пандемии COVID-19: группы с ограниченным доступом демонстрировали сниженную способность к участию в онлайн-активностях [Chetty R., Friedman J. N., Hendren N., Stepner M. 2020].

Структурная асимметрия усиливается дисбалансом в распределении терминальных устройств. Как отмечает Варшауэр [Warschauer M. 2003], концепт цифровой доступности требует переосмысления за пределами бинарной оппозиции «подключение/отсутствие подключения». Наличие персональных компьютеров, смартфонов или планшетов трансформируется в необходимое условие операционализации цифровых возможностей. Однако высокая стоимость устройств создаёт экономический барьер для низкодоходных групп, исключая их из процессов цифрового взаимодействия. Полихроматичность современных цифровых сервисов (например, необходимость параллельного использования нескольких устройств в домохозяйствах) усугубляет данное неравенство, формируя многоуровневую систему исключения.

Следующее измерение проблемы раскрывается в сфере прав на цифровые активы. Диспропорция в контроле над интеллектуальной собственностью создаёт эксклюзивные режимы участия в цифровой экономике. Корпоративные субъекты, аккумулирующие патентные портфели и авторские права, получают стратегическое преимущество, ограничивая возможности малых предприятий и

индивидуальных разработчиков [Lessig L. 2004]. Данная концентрация ресурсов приводит к сужению конкурентного поля, поскольку институциональные и финансовые барьеры блокируют доступ к технологическим платформам и инструментам креации. Как следствие, инновационный потенциал цифровой среды снижается, воспроизводя иерархические структуры аналоговой экономики.

Важно отметить, что указанные формы неравенства не существуют изолированно, а образуют синергетическую систему. Технические ограничения инфраструктуры коррелируют с экономической недоступностью устройств, что в свою очередь ограничивает возможности освоения цифровых прав.

Феномен цифрового неравенства, проявляющийся в асимметрии доступа и использования интеллектуальной собственности в цифровой среде, детерминирован не только материальными, но и когнитивными барьерами. Даже при формальной доступности цифровых ресурсов отсутствие технических компетенций для их эксплуатации формирует структурное ограничение, концептуализированное Ван Дейком [Van Dijk J.A.G.M., 2006] как вторичный цифровой разрыв. Согласно его модели, навыки цифровой навигации, включая управление программными интерфейсами, создание контента и правовую защиту авторства, выступают необходимым условием полноценного включения в цифровую экономику. Отсутствие данных компетенций у отдельных акторов, как демонстрируют кейсы малого предпринимательства, провоцирует дисбаланс конкурентных возможностей: субъекты, лишённые специализированных юридических и технических знаний, систематически уступают корпоративным структурам, обладающим институционализированными ресурсами для защиты интеллектуальных активов.

Экономические последствия данного дисбаланса проявляются в усилении диспропорций распределения выгод от цифровых инноваций. Способность к монетизации цифровых активов коррелирует не только с уровнем технической грамотности, но и с доступом к капиталу, рыночным инфраструктурам и механизмам венчурного финансирования. Такая конфигурация факторов

порождает циклическое воспроизводство неравенства: акторы, обладающие стартовыми ресурсами, аккумулируют преимущества сетевых эффектов, тогда как менее обеспеченные участники сталкиваются с маргинализацией. Результирующая социальная стратификация, по сути, трансформирует цифровую экономику в поле редистрибуции благ в пользу уже привилегированных групп.

Указанные процессы актуализируют теоретический конфликт между парадигмами «доступа» и «эксклюзивности» в управлении интеллектуальной собственностью, детально проанализированный в работах Болдрина и Левина [Boldrin M. & Levine D.K., 2008] и Бойла [Boyle J., 2008]. Сторонники строгой защиты авторских прав аргументируют необходимость эксклюзивного контроля над цифровыми ресурсами как стимул для инновационной деятельности, подчёркивая роль экономических вознаграждений в мотивации создателей.

Учитывая ранее сформулированное определение цифрового неравенства как асимметрии в доступе, использовании и распределении цифровых благ, ключевым становится анализ его структурных измерений. На наш взгляд, многогранность явления раскрывается через две основные категории: «цифрового инфраструктурного неравенства» и «цифрового интеллектуальной собственности неравенства». Каждое из этих измерений может быть далее разделено на различные подвиды, тем самым проясняя многогранную природу этого явления. На наш взгляд, целесообразно дать такую типологию цифрового неравенства:

1. *Цифровое инфраструктурное неравенство* выступает в качестве основополагающего элемента, определяющего доступ к цифровым технологиям. Оно охватывает физические и технологические ресурсы, необходимые для подключения к Интернету и использования цифровых устройств. В рамках этой типологии можно выделить два основных подвида: доступ к Интернету и доступность устройств.

- а. *Доступ в Интернет*. Представляет собой критически важный компонент неравенства цифровой инфраструктуры. Без адекватного подключения к

Интернету полезность цифровых устройств серьезно скомпрометирована. Различия в доступе к Интернету часто бывают разительными, демонстрируя значительные различия в разных географических регионах, особенно между городскими и сельскими районами. Городские районы, как правило, имеют лучшую связь из-за более высоких инвестиций в инфраструктуру, в то время как сельские районы часто сталкиваются с проблемами, которые затрудняют доступ к высокоскоростному Интернету.

Более того, социальная стратификация играет ключевую роль в доступности Интернета. Различные социально-экономические группы демонстрируют разные уровни использования Интернета, при этом люди с низким доходом часто сталкиваются с препятствиями для доступа к надежному широкополосному Интернету. Эти препятствия существенно ограничивают возможности для участия в цифровом обучении, удаленной работе и участии в более широкой цифровой экономике.

Качество интернет-услуг также является важным фактором. Даже в регионах, где есть доступ, опыт может быть затруднен низкой скоростью соединения или нестабильным сигналом. Такие условия могут негативно повлиять на результаты онлайн-обучения, что критически важно в эпоху, когда цифровое образование становится все более распространенным. Студенты и специалисты зависят от высококачественного подключения для эффективного использования мультимедийных ресурсов, участия в видеоконференциях и совместной работы на онлайн-платформах. Таким образом, качество интернет-услуг становится решающим фактором в содействии или препятствовании осмысленному взаимодействию с цифровыми ресурсами.

б. *Наличие устройств.* Доступ к цифровым устройствам — еще один важный аспект неравенства цифровой инфраструктуры. Цифровые устройства, такие как компьютеры, планшеты и смартфоны, являются важнейшими инструментами для участия в цифровом обществе. Однако не все социальные группы имеют равный доступ к этим устройствам, что создает дополнительные барьеры для определенных слоев населения. Неравенство наиболее заметно

среди семей с низким доходом, у которых может не быть финансовых средств для покупки необходимых устройств. Это финансовое ограничение ограничивает их доступ к жизненно важным образовательным и профессиональным ресурсам, фактически изолируя их от преимуществ, предоставляемых цифровым взаимодействием.

Доступность устройств тесно связана с индивидуальными и общественными возможностями. Отсутствие современных технологий может препятствовать получению образования и профессиональному развитию, увековечивая существующее социально-экономическое неравенство. Более того, поскольку технологии развиваются ускоренными темпами, люди, не имеющие доступа к современным устройствам, могут оказаться еще более маргинализированными в цифровом мире.

2. *Цифровое неравенство интеллектуальной собственности* — второе основное измерение цифрового неравенства — касается неравенства цифровой интеллектуальной собственности, которое имеет отношение к правам, связанным с использованием и распространением цифровых ресурсов, таких как программное обеспечение, контент и данные. Этот тип неравенства также подразделяется на три подвида: неравенство в использовании интеллектуальной собственности, неравенство в возможностях применения интеллектуальной собственности и неравенство в экономических выгодах, получаемых от интеллектуальной собственности.

а. *Неравенство в объемах использования интеллектуальной собственности.* Относится к объему цифровой интеллектуальной собственности, принадлежащей отдельным лицам или организациям. Доступ к правам интеллектуальной собственности может значительно различаться в разных демографических группах. Например, крупные корпорации часто обладают обширными портфелями интеллектуальной собственности, которые они используют для поддержания конкурентных преимуществ. И наоборот, более мелкие предприятия или независимые создатели часто не имеют финансовых и технологических ресурсов, необходимых для разработки

собственных фирменных технологий. Это неравенство препятствует их способности эффективно конкурировать на цифровом рынке.

Более того, концентрация интеллектуальной собственности среди ограниченного числа субъектов усугубляет цифровое неравенство. Без равноправного доступа к цифровым ресурсам малые и средние предприятия (МСП) могут испытывать трудности с инновациями или масштабированием своей деятельности. В среде, где интеллектуальная собственность является жизненно важным активом, этот дисбаланс может сдерживать экономический рост и подавлять предпринимательский дух.

б. Неравенство в возможностях применения интеллектуальной собственности. Даже когда отдельные лица и организации владеют цифровой интеллектуальной собственностью, само по себе владение не гарантирует эффективного использования. Использование цифровой интеллектуальной собственности подразумевает определенные навыки и знания, которые могут быть неравномерно распределены среди различных социальных групп. Например, лицам, не имеющим технических знаний, может быть сложно управлять программными приложениями, создавать цифровой контент или ориентироваться в правовом ландшафте, касающемся прав интеллектуальной собственности.

Это неравенство, основанное на навыках, приводит к дифференцированному доступу к возможностям в цифровой экономике. Те, кто владеют технологиями, находятся в лучшем положении для извлечения выгоды из своих цифровых активов, в то время как другие могут оставаться на периферии, не имея возможности эффективно использовать свою интеллектуальную собственность. Следовательно, создание среды, благоприятствующей развитию навыков, является неотъемлемой частью решения этой формы цифрового неравенства.

в. Неравенство в экономических выгодах, которые можно извлекать из интеллектуальной собственности. Экономические выгоды, получаемые от цифровой интеллектуальной собственности, демонстрируют значительные

различия среди различных групп населения. Лица, обладающие высоким уровнем знаний и доступом к ресурсам, могут получить значительную экономическую выгоду от своих цифровых активов. Они могут получать доход за счет коммерциализации программного обеспечения, создания контента или предоставления консультационных услуг, связанных с их интеллектуальной собственностью.

И наоборот, люди с ограниченными навыками и доступом могут оказаться неспособными монетизировать свои знания или эффективно извлекать выгоду из своей интеллектуальной собственности. Такая динамика способствует дополнительному неравенству доходов и усиливает существующие социально-экономические различия. Таким образом, потенциал экономического прогресса неразрывно связан как с доступом к интеллектуальной собственности, так и со знаниями, необходимыми для ее использования.

Сложности цифрового неравенства подчеркивают взаимодействие между инфраструктурными и интеллектуальными измерениями собственности. Доступ к цифровым технологиям и способность эффективно их использовать зависят от множества факторов, включая географическое положение, социально-экономический статус и образовательный уровень. Следовательно, цифровое неравенство не существует изолированно; оно систематически взаимодействует с более широким социальным неравенством. При решении этих устойчивых различий крайне важно осознавать взаимосвязи между различными формами цифрового неравенства.

Для эффективной борьбы с цифровым неравенством необходимо, на наш взгляд, разработать комплексные стратегии, которые будут охватывать как инфраструктурные, так и интеллектуальные аспекты. Такие стратегии должны быть направлены не только на расширение доступа к цифровым технологиям, но и на содействие развитию навыков среди маргинализированных групп. Инициативы могут включать инвестиции в широкополосную инфраструктуру в недостаточно обслуживаемых районах, образовательные программы, направленные на повышение цифровой грамотности, и системы поддержки,

которые обеспечивают справедливое развитие и распределение цифровой интеллектуальной собственности.

Более того, политики, педагоги и поставщики технологий должны на наш взгляд сотрудничать для разработки инклюзивных цифровых экосистем, которые способствуют равным возможностям для всех людей. Это подразумевает создание платформ для совместного использования ресурсов, предоставление возможностей для наставничества и содействие созданию сред, которые поощряют инновации и творчество.

Выводы из главы II:

(1) Наблюдаемая диспропорция в распределении цифровых ресурсов преимущественно затрагивает уязвимые социальные группы, усиливая их исключение из ключевых экономических и общественных процессов. Данный дисбаланс воспроизводит циклы социальной стратификации, снижая доступ к трудовой мобильности, образовательным инструментам и механизмам гражданской вовлеченности.

(2) Способность эффективно использовать цифровые платформы определяет возможности участия в современных экономических системах, включая доступ к цифровым рынкам, государственным сервисам и информационным ресурсам. В этой связи приоритетной задачей становится разработка образовательных программ, направленных на формирование базовых и специализированных цифровых навыков среди групп с ограниченным доступом к технологиям.

(3) Правовое регулирование интеллектуальной собственности в цифровой сфере идентифицировано как критический фактор обеспечения справедливости. Существующие правовые режимы, ориентированные на защиту корпоративных интересов, создают барьеры для малых предприятий и частных пользователей, ограничивая их участие в инновационных процессах. Реформирование

законодательства требует баланса между стимулированием креативной деятельности и обеспечением равного доступа к цифровым активам.

(4) Цифровизация демонстрирует амбивалентность воздействия: с одной стороны, она способствует демократизации знаний и оптимизации социальных институтов, с другой — реплицирует системные предубеждения через алгоритмические инструменты. Например, автоматизированные системы принятия решений могут усиливать дискриминационные практики в трудоустройстве или кредитовании. Устранение данных рисков предполагает внедрение механизмов аудита алгоритмов, повышение прозрачности разработки ИИ-решений и формирование нормативной базы, регулирующей этические аспекты их применения.

Глава III. На пути к теории цифрового блага

3.1. Интеллектуальное благо, интеллектуальная собственность, интеллектуальный капитал

Первый вопрос, на который необходимо ответить, заключается в определении категории цифровых благ — относятся ли они к интеллектуальным или материальным (вещественным) ресурсам. Ключевым аргументом в пользу их принадлежности к интеллектуальным благам служит их нематериальная природа. Цифровые блага, в отличие от физических объектов, не обладают осязаемой формой и не могут быть непосредственно восприняты органами чувств. Например, цифровая книга или программное обеспечение существуют как информационные структуры, доступные через экран или аудиовоспроизведение, однако их сущность — данные, алгоритмы, идеи — остаются абстрактными.

Термин «интеллектуальное» в данном контексте следует трактовать через призму гносеологии и философии, где он обозначает продукты умственной деятельности, существующие независимо от материального носителя. Это включает знания, информацию, творческие концепции, которые, будучи выражены в цифровой форме, сохраняют свою идеальную природу. Уточним: «интеллектуальное» здесь не тождественно спиритуалистическому или религиозному — речь идёт о ментальных конструкциях, порождённых человеческим разумом и фиксируемых в символической форме (тексты, коды, изображения). Таким образом, цифровые блага, будучи производными интеллектуального труда, относятся к категории интеллектуальных ресурсов, так как их ценность обусловлена не физическими свойствами, а содержанием, смыслом и возможностью применения в познавательной или практической деятельности.

Важно разграничить материальный носитель (жесткий диск, сервер) и саму цифровую сущность: первый принадлежит вещественному миру, вторая — сфере интеллектуального. Даже если цифровые данные визуализируются или озвучиваются, их фундаментальная основа — информация — остаётся продуктом мыслительной деятельности, что подтверждает их принадлежность к интеллектуальным благам.

Следовательно, речь может идти только о чем-то *интеллектуальном*: собственности, ресурсе, благе и т.п. «Интеллектуальный капитал», «интеллектуальная собственность», «интеллектуальное благо», «интеллектуальный ресурс» и далее, и тому подобное. Можно поставить в корреляцию следующие понятия: «интеллектуальное благо и цифровое благо», «интеллектуальный ресурс и цифровой ресурс», «интеллектуальная собственность и цифровая собственность», «интеллектуальный капитал и цифровой капитал».

Но о как же в случае «цифрового двойника», «цифровой копии»? Мы утверждаем, что такая копия или двойник может существовать у любого предмета, включая материальный, вещественный объект. Любой объект можно оцифровать и сделать цифровым, *и это делает его лишь цифровым двойником и одновременно цифровым благом. Цифровой двойник – это виртуальный прототип вещественного объекта, в котором собирается и используется цифровая информация.*

Однако данная трансформация никак не ведет к превращению самого вещественного объекта в интеллектуальный объект. Физический, вещественный объект продолжает существовать сам по себе, независимо от его цифровой копии, превращенной в цифровое благо. Вулкан где-нибудь на Камчатке или река в Сибири существуют сами по себе, независимо от их цифровых копий, превращенных в цифровые блага. Реально, даже, к примеру, пустить цифровые копии вулканов или рек в коммерческий оборот как цифровые блага, и торговать ими где-нибудь на экологическом рынке, но это вовсе не будет означать, что

торгуете вы действительными вулканами или реками. Одно никак не следует из другого.

Итак, *всякое цифровое благо есть интеллектуальное благо*. Это первый важный тезис этой главы. Теперь следует проанализировать основные теоретические и социально-философские подходы, обосновывающие и концептуально описывающие понятия «интеллектуальное благо», «интеллектуальный ресурс», «интеллектуальный капитал» и «интеллектуальная собственность».

а) Интеллектуальное благо.

Концепт «благо» в философии означает определенную положительную ценность, предмет или явление, удовлетворяющее определенную человеческую потребность, отвечающую интересам и целям людей. Аналогичное значение, к примеру, имеет и английский концепт «good (goodness)». Согласно «Оксфордскому путеводителю по философии»:

«Благо есть специфическое качество тех вещей, что соответствуют человеческим интересам» [Т. Henderson 1995, с. 322].

Но помимо число философского значения, понятие «благо» в русском языке имеет и другие значения: *то, что дает достаток, благополучие, удовлетворяет потребности (к примеру: материальные блага, земные блага)* [Ожегов С.И. 1991, с. 54]. Это, если так можно выразиться, повседневное, обыденное значение слова «благо» и именно его мы используем здесь.

Благо – определенная единица полезных вещей, товаров, которые можно накапливать.

И соответственно:

Интеллектуальное благо – определенная единица полезных вещей ментального, интеллектуального происхождения, которые можно накапливать.

Можно также переписать это определение с использованием термина «знания и информация» [Орехов А.М. 2009, с. 57]:

Интеллектуальное благо – определенная единица полезных человеку знаний и информации, которые он может накапливать.

Можно также соотнести термин «благо» с экономическим термином «ресурс (экономический ресурс)».

б) Интеллектуальный ресурс

Экономическая наука выделяет четыре основных вида ресурсов: а) земля (естественные ресурсы – пашни, воды, леса, недра и т.п.); б) капитал (инвестиционные ресурсы); в) труд (рабочая сила, по марксистской терминологии); г) предпринимательская способность. Что же касается самого понятия «экономический ресурс», то Макконнелл и Брю дают следующее определение:

«Что мы подразумеваем под понятием «экономические ресурсы»? В общем, мы имеем в виду все природные, людские и произведенные человеком ресурсы, что используются для производства товаров. Все это включает большой круг объектов: фабричные и сельскохозяйственные строения, всякого рода оборудование, инструменты, машины, используемые в производстве промышленных товаров и продуктов сельского хозяйства; разнообразные средства транспорта и связи; бесчисленные виды труда; и, наконец, последнее, но не менее важное – землю и всевозможные полезные ископаемые» [Макконнелл К., Брю С., 1992 с. 37].

Если все эти четыре вида ресурсов попытаться классифицировать по типу «материальное – интеллектуальное», то в разряд интеллектуальных ресурсов можно зачислить *интеллектуальный труд, интеллектуальный капитал, интеллектуальную часть предпринимательской способности*. Взятые в совокупности, это все и образует «интеллектуальный (экономический) ресурс».

В дальнейшем, исходя из принципа простоты, мы будем употреблять концепты «интеллектуальное благо» и «интеллектуальный ресурс» в качестве тождественных между собой понятий, синонимов. Здесь есть только различие в акцентах: интеллектуальное благо более философское понятие, а

интеллектуальный ресурс – более экономическое. В целом же, понятия «ресурс» и «благо» для нас полностью одинаковы по смыслу.

в) Интеллектуальный капитал

Здесь внимания заслуживают работы французского социолога Пьера Бурдьё, – и в частности, его теория капиталов. Бурдьё выделяет множество видов капиталов: культурный, экономический, бюрократический, социальный и т.п.

Самому же «капиталу» Бурдьё дает следующее определение:

«Капитал – это *накопленный труд*, идет ли речь о его материализованной или «инкорпорированной», телесной форме» [Бурдьё П. 2002, с. 517].

Аналогом понятия «интеллектуальный капитал» у Бурдьё служит понятие «культурного капитала». Французский исследователь проводит подробный, кропотливый анализ этого типа капитала. В частности, он отмечает, что культурный капитал имеет три состояния: (1) инкорпорированное, в форме длительных диспозиций ума и тела; (2) объективированное – в форме культурных товаров; (3) институализированное – т.е. в форме академических квалификаций [Бурдьё П. 2002, с. 521-527]. Бурдьё также детально обсуждает вопрос о стратегиях конвертации культурного капитала в другие типы капитала, и, в частности, конвертации в символический капитал. Символический капитал для него – это, так сказать, всеобщая форма обмена для всех капиталов:

«Символический капитал – форма, которую принимают различные виды капитала, воспринимаемые и признаваемые как легитимные» [Бурдьё П. 1994, с. 188].

Но на пути комбинирования терминов «интеллектуальный (культурный) капитал» и «цифровой капитал» нас могут ожидать трудности. Необходимо вводить понятия «цифровой культурный капитал», «цифровой экономический капитал», «цифровой бюрократический капитал» (и т.п.), которые могут показаться излишне громоздкими и запутанными. Неясным также остается вопрос о единице измерения такого капитала: «*большой* капитал» следует дробить на более *мелкие* капиталы или еще на что-то другое? «Капиталы»

образуются из *капиталов* или еще чего-то иного? Например, чуть выше французский социолог высказывает мысль, что всякий капитал – это *накопленный труд*; следовательно, базовая единица для капитала – это труд? Капиталы следует сводить к «трудам» или иначе? По нашему мнению, вопрос здесь остается непроясненным и открытым для дальнейшего обсуждения.

г) Интеллектуальная собственность

Среди философов и теоретиков, разрабатывавших теорию интеллектуальной собственности, следует указать на английского экономиста К. Мэя, автора монографии «Глобальная политическая экономия интеллектуальных прав собственности: новое огораживание?» [May С.А. 2001], Е.В.Халипову [Халипова Е.В. 1995], И.А.Латыпова [Латыпов И.А. 2008], и наконец, социально-философскую концепцию А.М.Орехова, изложенную им в монографии «Интеллектуальная собственность: опыт социально-философского и социально-теоретического исследования», – на это подход мы и будем в дальнейшем опираться.

В частности, А.М. Орехов дает следующее нетривиальное определение интеллектуальной собственности:

«Интеллектуальная собственность – это собственность на любое знание и информацию, на любую идею, на любое идеальное (интеллектуальное, духовное) имущество. Это владение, распоряжение и пользование всяким идеальным (интеллектуальным) объектом, оказавшимся в социальном поле тяготения человека» [Орехов А.М. 2009, с. 57].

Такое определение резко противоречит юридическому подходу к интеллектуальной собственности как совокупности авторского и патентного права, – на это А.М.Орехов также указывает. С его точки зрения, юридический подход выхватывает лишь некоторые *объективированные новооткрытые интеллектуальные объекты*, но никак не может быть распространен на общеизвестную интеллектуальную собственность, – хотя, по мнению А.М. Орехова, это также интеллектуальная собственность.

Подход, основанный на парадигме интеллектуальной собственности, разработанной А.М.Ореховым, и дополненный парадигмой интеллектуального (культурного) капитала П.Бурдые, представляется нам самым перспективным и концептуально обоснованным в теории цифрового блага, – но в случае, когда концепты «собственность» и «капитал» не так значимы для социально-философского и теоретического дискурса, мы будем употреблять более свободные в своей интерпретации концепты «интеллектуальное благо» и «интеллектуальный ресурс». Абсолютно похожий подход мы распространим и на теорию цифровых благ: понятия «цифровое благо» и «цифровой ресурс» интерпретируются нами в ней достаточно вольно, – в тех случаях, когда не имеет значения о чем идет речь, – о собственности или капитале, но концепты «цифровая (интеллектуальная) собственность» и «цифровой (интеллектуальный) капитал» имеют строгое и точное определение, и употребляются лишь в тех значениях, что заданы нами изначально.

3.2. Цифровая и не-цифровая интеллектуальная собственность

Вероятно, следует предложить следующее разделение: всю интеллектуальную собственность можно классифицировать на цифровую и не-цифровую, исходя из формы её существования. Цифровая интеллектуальная собственность представляет собой объекты, изначально созданные или выраженные в цифровом формате (например, программный код, цифровые произведения искусства, криптографические алгоритмы), которые содержат структурированные данные, пригодные для машинной обработки. Не-цифровая интеллектуальная собственность включает объекты, существующие в аналоговой форме (рукописи, патенты на физические устройства, нотные записи), которые актуально не содержат цифровых данных, но могут быть оцифрованы через создание «цифрового двойника» — виртуальной репрезентации, сохраняющей ключевые свойства оригинала.

При этом важно различать два типа оцифровки:

1. Преобразование материальных объектов (например, 3D-модель промышленного оборудования) — здесь цифровой двойник остаётся вторичным по отношению к физическому прототипу.
2. Оцифровку изначально интеллектуальных объектов (например, оцифровка рукописи в электронный текст), которая создаёт новый цифровой объект, сохраняющий смысловое ядро оригинала, но приобретающий дополнительные свойства (редактируемость, гипертекстуальность).

Цифровизация интеллектуальных объектов, в отличие от материальных, носит рекурсивный характер («цифровизация в квадрате»), так как даже исходный не-цифровой интеллектуальный объект (например, идея) часто сопровождается цифровыми метаданными (временные метки создания, цифровые подписи автора), что формирует гибридный статус.

Цифровая интеллектуальная собственность – это собственность на любое знание и информацию, на любую идею, на любое идеальное (интеллектуальное, духовное) имущество, содержащее в себе цифровые данные.

Не-цифровая интеллектуальная собственность – это собственность на любое знание и информацию, на любую идею, на любое идеальное (интеллектуальное, духовное) имущество, которое не содержит в себе цифровых данных.

Аналогично можно определить понятие «цифровое интеллектуальное благо» («цифровой интеллектуальный ресурс»).

Цифровое интеллектуальное благо (цифровой интеллектуальный ресурс) – определенная единица полезных человеку цифровых знаний и информации, которые он может накапливать.

Не-цифровое интеллектуальное благо (цифровой интеллектуальный ресурс) – определенная единица полезных человеку знаний и информации, которые он может накапливать, но которые (пока) не конвертированы в цифровую форму.

И, наконец, еще одна типология: «цифровой интеллектуальный капитал» и «не-цифровой интеллектуальный капитал». Но здесь мы откажемся от определения такого капитала посредством «накопленного труда» и будем его определять классически – как *самовозрастающую стоимость*.

Цифровой интеллектуальный капитал – это цифровое интеллектуальное благо (цифровая интеллектуальная собственность), способное быть самовозрастающей стоимостью.

Не-цифровой интеллектуальный капитал – это интеллектуальное благо (цифровая интеллектуальная собственность), способное быть самовозрастающей стоимостью. Но такой вид капитала не содержит в себе цифровых данных.

В дальнейшем основным рабочим инструментом для автора работы станут четыре концепта: «цифровая интеллектуальная собственность», «цифровой интеллектуальный капитал», «цифровое интеллектуальное благо» и «цифровой интеллектуальный ресурс», а ради сокращения терминологии мы будем слово «интеллектуальный» элиминировать из определений и употреблять понятия: «цифровая собственность», «цифровое благо», «цифровой ресурс» и «цифровой капитал», – определение «интеллектуальный» здесь присутствует в неявном виде. Именно использование этих понятий, на наш взгляд, и поможет подобрать ключи к социально-философскому анализу проблемы цифровой справедливости и цифрового неравенства. А пока наше общее замечание сводится к тому, что цифровизация интеллектуальных объектов уже создало немалые проблемы в области авторского права [Перзановски А., Шульц Дж. 2019,] и при этом не слишком облегчило доступ одних пользователей к публикациям других пользователей (особенно это касается электронных и печатных книг, защищенных от свободного доступа правами издательств). Монополия в сфере юридической интеллектуальной собственности, ограничение прав отдельных категорий пользователей, замена бесплатного доступа коммерческим использованием, – все это характерные признаки цифрового общества. И опять же

это требует обращения к проблеме цифрового неравенства (см. далее) – как неравенства в сфере распределения цифровых благ как специфических типов интеллектуальных благ.

Также следует указать на то, что всякий тип цифрового блага – цифровой ресурс, цифровая собственность, цифровой капитал являются основой функционирования цифровой экономики и цифровой цивилизации. В отношении этих понятий можно привести определения Л.С. Киселевой и А.А. Семеновой:

«Цифровая цивилизация – современный этап развития информационного общества, культуры, экономики, экономики, права и образования; цивилизация Интернета, базирующаяся на новейших цифровых технологиях Цифровая экономика – система экономических, социальных и культурных отношений, основанных на использовании цифровых информационно-коммуникативных технологий» [Киселева Л.С., Семенова А.А. 2023, с.27, 48].

3.3. Основные типы цифровых благ

Типология цифровых (интеллектуальных) благ может быть выстроена по различным критериям.

Первый критерий – это природа объекта, который послужил основой для создания цифрового блага. В таком случае цифровое благо может быть либо «вещественным» (если оцифровке подвергнут материальный объект), либо «интеллектуальным» (если оцифровке подвергнут интеллектуальный объект).

Цифровое «вещественное» благо – цифровые знание и информация, снятые с материального объекта.

Цифровое «интеллектуальное» благо – цифровые знание и информация, снятые с интеллектуального объекта.

Второй критерий относится к иному способу существования цифрового блага: существует оно в голове субъекта или в объективированном виде – цифровой информации на любом материальном носителе.

Субъективированное цифровое благо – цифровое благо, существующее в голове субъекта.

Объективированное цифровое благо – цифровое благо, существующее совместно с материальным носителем.

Данный критерий имеет обоснование в двух фундаментальных процессах знания – субъективации и объективации:

«Объективация знания – это процесс превращения знания, изначально находящегося в голове человека и представляющее собой «субъективную реальность», принадлежащую исключительно субъекту, индивиду, в реальность «объективную», сливающуюся с определенным материальным носителем (звук, бумага и т.п.). Субъективация – это переход знания из «свободного» («объективированного»), не связанного с субъектом, состояния в состояние, тесно с ним связанное («субъектное»)» [Орехов А.М. 2009, с. 60-61].

Третий критерий – новизна цифрового блага, или то, что А.М. Орехов называет «новооткрытостью».

Общеизвестное цифровое благо – цифровые знания, известные всем людям, или, хотя бы, их большинству.

Новооткрытое цифровое благо – цифровые знания, известные на данный момент времени только одному субъекту, – тому самому, кто их сгенерировал, открыл.

Четвертый критерий – специфичность цифрового блага: здесь его можно поделить на общее и специфическое цифровое благо.

Общее цифровое благо – цифровые знания, применимые везде и всюду; обычно они приобретаются людьми в процессе начального и среднего образования.

Специфическое цифровое благо – цифровые знания, применимые в какой-то конкретной области профессиональной деятельности; обычно они приобретаются людьми в процессе высшего образования, и образования, связанного с получением ученых степеней.

Понятие «специфического цифрового блага» может в дальнейшем вывести нас на понятие «профессионального цифрового блага». Профессиональное цифровое благо – цифровые знания, применимые в какой-то конкретной области профессиональной деятельности. Здесь можно ставить проблему «научного цифрового блага», «цифрового блага преподавателя», «цифрового блага юриста» и т.п.

3.4. Проблема соизмеримости цифровых благ

Обращение к классической работе К. Маркса «Капитал» здесь не случайно. Марксов анализ товарной стоимости, противопоставляющий видимые рыночные цены («поверхностный уровень») и скрытую трудовую стоимость («сущностный уровень»), демонстрирует методологическую ценность двухуровневой модели. Подобно тому, как Маркс вскрывал противоречия между меновой и потребительной стоимостью, современная теория цифрового блага сталкивается с необходимостью преодоления разрыва между эмпирическими индикаторами (например, количеством гигабайт трафика) и сущностными характеристиками благ (их социальной полезностью, способностью генерировать капитал). Критика М. Блаугом марксистской политэкономии («жонглирование этажами реальности») актуализирует риск подмены сущностного анализа феноменологическими упрощениями — предостережение, особенно значимое при конструировании единиц измерения цифровых благ (ЕЦБ).

Процитируем для начала Марка Блауга:

«Уловка, которая делает марксистскую политическую экономию столь привлекательной, если воспринимать ее некритически, заключается в применении двухэтажного доказательства: сейчас вы это видите, а сейчас – нет.

Есть первый этаж здания, а именно видимый мир цен, ставок заработной платы и нормы прибыли, и есть подвальный этаж этого здания – ненаблюдаемый мир трудовой ценности и прибавочной ценности. Дело не только в том, что первый этаж наблюдаем, а подвальный этаж ненаблюдаем; экономические агенты, которые находятся на первом этаже, ничего не знают о том мире, который расположен под ними в подвале. Прием, которым пользуется Маркс, направлен на то, чтобы переместить подвальный этаж на первый, а первый этаж – на второй, искусно намекая на то, что в определенном смысле первый этаж более реален, чем второй, и что подлинный критерий науки – это под покровом видимой мотивации рабочих и капиталистов на втором этаже пробиться к «сущности» дела на первом этаже. Это не что иное, как искусное жонглирование, посредством которого оказалось одураченным не одно поколение читателей» [Блауг М. 1994, с. 265].

В этом примере представлены два уровня решения проблемы «стоимость – цена»: теоретический (эссенциалистский) – «стоимость» у Маркса и эмпирический (феноменологический) – «цена», – подход современной экономической науки.

Эмпирический уровень и теоретический уровень – это два принципиально разных уровня решения проблемы соизмеримости цифровых благ. На эмпирическом уровне проблема может решаться в большей степени интуитивно, чем научно, и, тем не менее, измерять здесь также можно. К примеру, достаточно взять три простых кейса:

- (1) Объем трафика;
- (2) Количество компьютеров в пользовании;
- (3) Наличие или отсутствие wi-fi.

Например, возьмем двух пользователей – пользователя X и пользователя Y. У пользователя X объем трафика 4 Гб в сутки, у пользователя Y 2 Гб в сутки. Очевидно, что пользователь X получает больше цифровых благ, чем пользователь Y.

У пользователя X в наличии два компьютера, а у пользователя Y – только один. Очевидно, что пользователь X получает больше цифровых благ, чем пользователь Y .

У пользователя X в его офисе есть wi-fi, а у пользователя Y он отсутствует. Очевидно, что пользователь X получает больше цифровых благ, чем пользователь Y .

Но это совсем элементарные ситуации. А что, если у пользователя X трафик больше и один компьютер, а у пользователя Y трафик меньше, зато два компьютера, а не один? Как приравнять объем трафика к числу компьютеров? Такие ситуации на эмпирическом уровне с трудом поддаются всякой соизмеримости.

Потому кардинальное решение можно найти лишь на теоретическом, социально-философском уровне. Мы предлагаем здесь ввести очень важную единицу – ЕЦБ – единицу измерения цифровых благ.

ЕЦБ – это единица измерения цифровых благ, которая позволяет соотносить между собой различные цифровые блага, координировать между собой количество и качество цифровых благ, гетерогенные цифровые блага переводить в гомогенные и, в конечном счете, соизмерять их между собой.

ЕЦБ – это чисто условная теоретическая единица, и принцип здесь следующий: две такие единицы всегда больше, чем одна, и три всегда больше, чем одна или две.

Можно предложить различные схемы исчисления ЕЦБ.

Например, $1 \text{ ЕЦБ} = 1 \text{ компьютер} = 2 \text{ Гб трафика в сутки}$. В таком случае, $2 \text{ компьютера} = 4 \text{ Гб}$; $3 \text{ компьютера} = 6 \text{ Гб}$ и т.д. Если мы имеем две страны – страна А и страна Б, и если знаем (примерное) число компьютеров в этих странах и примерный объем трафика в каждой.

Страна А – 1000000 компьютеров и 2000000 Гб трафика в сутки. В итоге 2000000 ЕЦБ.

Страна Б – 500000 компьютеров и 4000000 Гб трафика в сутки. В итоге 2500000 ЕЦБ.

Следовательно, в наших условных единицах (ЕЦБ) страна Б имеет больше цифровых благ, чем страна А. Естественно, можно и изменить значение ЕЦБ, но важно подчеркнуть, что для разработки показателей ЕЦБ нужно привлекать не только экономистов или чисто технических специалистов, но и представителей социально-гуманитарных наук – социологов, философов, юристов. Только тогда индикатор ЕЦБ станет тем действительным показателем, что будет отражать реальную жизнь цифрового общества.

Для измерения внутренних параметров цифрового неравенства возможно и даже желательно использовать косвенные индикаторы, к примеру, уже упоминавшуюся нами в главе I *кривую Лоренца*.

Для построения этой кривой прокладываются две координаты – по оси абсцисс – доля семей или доля индивидов, по оси ординат – доля дохода. Полное равенство – биссектриса между двумя осями. В случае неравенства кривая становится выпуклой вниз, к оси абсцисс, и чем больше такая выпуклость, тем больше неравенство:

«Область между линией, обозначающей абсолютное равенство, и кривой Лоренца указывает на степень неравенства доходов. Чем больше эта область, или разрыв, тем больше степень неравенства доходов. Если бы фактическое распределение доходов было абсолютно равным, то кривая Лоренца и биссектриса совпали и разрыв исчез. ... Кривую Лоренца можно использовать, чтобы сравнивать распределение доходов в различные периоды времени, или в различных странах, или между различными [социальными] группами, принимая во внимание доходы до и после вычета налогов и трансферные платежи» [Макконнелл К., Брю С. 1992, с. 278].

Мы полагаем, что кривая Лоренца также может быть использована и для решения проблемы соизмеримости цифровых благ, но, опять же, важно иметь реально действующий индикатор ЕЦБ. Возможно, также можно идти и по пути

наименьшего сопротивления, – например, все показатели (цена компьютера, объем трафика и т.п.) исчислять в имеющихся ценах, но при этом, мы теряем значительную долю некоммерческого сектора цифровых благ, а это будет искажать реальные показатели цифрового неравенства.

3.5. Присвоение, обмен, распределение и потребление цифровых благ

Для решения всех этих проблем мы будем использовать труды А.М.Орехова и П.Бурдьё. Начнем с теории капитала французского социолога, поскольку она позволяет ввести ряд важных понятий – «цифровой габитус», «*цифровое поле* как поле обращения цифрового капитала», «цифровая социальная практика», «цифровое пространство», «цифровое общество».

У П.Бурдьё можно найти следующее определение габитуса:

«Габитус – это социализированная объективность, историческое трансцендентальное, чьи категории восприятия и оценки (система предпочтений) суть продукт коллективной и индивидуальной истории» [Бурдьё П. 2005, с. 159].

Но это определение можно слегка упростить:

Габитус – это социализированный субъект, конструирующий собственный социальный мир и вступающий во взаимодействие с этим миром; д является продуктом коллективной и индивидуальной истории.

Аналогично – «цифровой габитус»:

Цифровой габитус – это социализированный субъект, конструирующий собственный цифровой мир и вступающий во взаимодействие с этим миром, и который является продуктом коллективной и индивидуальной цифровой истории.

Понятие «цифровая история» означает здесь историю цифрового общества и цифровой цивилизации, – от начала ее возникновения (первые ЭВМ 40-50х гг.

XX вв.) вплоть со современного ее этапа. Как видно, история цифрового общества насчитывает уже более 80 лет.

Продолжая дальше переформатировать теорию Бурдьё, введем понятие «цифрового капитала». Впрочем, мы уже его ввели ранее, и остается лишь увязать это понятие с понятием «цифровой габитус».

Цифровой габитус – это габитус с определенным запасом цифровых благ, которые можно представить либо как цифровой капитал, либо как цифровую собственность. Иначе: цифровой габитус – актор, обладающий определенным запасом цифровой собственности. Или: цифровой габитус – актор, обладающий определенным запасом цифрового капитала.

Наличие запаса цифрового капитала или цифровой собственности позволяет цифровому габитусу занимать в обществе определенную социальную позицию, иметь определенный ранг или статус. Также, – мы не будем детально останавливаться на этом пункте, – существует возможность *конвертации цифрового капитала в другие виды капитала*: экономический капитал, бюрократический капитал, социальный капитал и т.п. Например, бесплатную раздачу wi-fi своим друзьям и знакомым можно интерпретировать как превращение цифрового капитала в социальный капитал. Другой случай: криптовалюта – игру на крипто-бирже можно трактовать как конвертацию цифрового капитала в экономический (финансовый) капитал.

Также не следует забывать о возможной конвертации *цифрового капитала в другую форму интеллектуального капитала – капитала не-цифрового характера*. Например, это может быть покупка на криптовалюту любых нецифровых интеллектуальных благ – книг, картин, иных произведений искусства. В итоге вы тратите цифровые блага и взамен приобретаете нецифровые блага.

Следующий элемент социальной концепции П.Бурдьё – «поле» – структурирует деятельность габитуса и превращает саму эту деятельность в вид социальной «практики».

Приведем два определения полей из работ французского ученого:

Первое определение – определение «научного поля»:

«Поле науки как система объективных отношений между достигнутыми (в предшествующей борьбе) позициями является местом (т.е. игровым пространством) конкурентной борьбы, специфической ставкой в которой является монополия *на научный авторитет*, определяемый как техническая способность и, – одновременно, – как социальная власть или, если угодно, монополия *на научную компетенцию*, понимаемая как социально признанная за определенным индивидом способно легитимно (т.е. полномочно и авторитетно) говорить и действовать от имени науки» [Бурдьё П. 2005, с. 16].

Второе определение – это определение «юридического поля»:

«Юридическое поле представляет собой место конкуренции за монополию на право устанавливать право, иначе говоря – нормальное распределение или порядок, в котором сталкиваются агенты, обладающие одновременно социальной и технической компетенцией, заключающейся, главным образом, в социально признанной способности *интерпретировать* (более-менее вольным или установленным образом) свод текстов, закрепляющих легитимное, т.е. правильное видение мира» [Бурдьё П. 2005, с. 78].

И снова по аналогии можно выстроить определение «цифрового поля»:

Цифровое поле – это система взаимодействий между цифровыми габитусами, где главной целью является увеличение своего цифрового капитала (или даже установлении монополии на него), которое также включает в себя всякую возможность присвоения, обмена и потребления цифровых благ.

Цифровое поле имеет двойной статус: с одной стороны, это поле интеллектуального (культурного) капитала, где происходит обмен и борьба за присвоение цифровых благ, где каждый габитус стремится нарастить объем своего цифрового интеллектуального капитала. Но есть и другая сторона медали: цифровое поле – это поле, в которое могут конвертироваться другие поля: поле социальных капиталов, поле бюрократических капиталов, поле научных

капиталов. В этом аспекте цифровое поле – один из вариантов символического поля, – поле, где обращается символический капитал.

Цифровая социальная практика и цифровое пространство.

Согласно Бурдье, социальная практика является объективным результатом взаимодействия различных типов полей в обществе. Следовательно, цифровая социальная практика – это результат взаимодействия цифрового поля с другими типами полей. Когда же практики пересекаются между собой, они образуют «цифровое пространство» – совокупность множества человеческих практик, включая цифровые практики. А вот уже совокупность цифровых пространств конструирует «цифровое общество».

Цифровое общество — это динамическая система стратифицированных взаимодействий, где социальные практики опосредованы цифровыми технологиями, а позиции акторов определяются объёмом и структурой их цифрового капитала.

Цифровое общество не следует трактовать как некое беспроблемное пространство, где доминирует идиллия цифровых капиталов и цифровых габитусов. Это заблуждение игнорирует системные противоречия, унаследованные от традиционного капитализма и трансформированные в условиях цифровизации. Современное цифровое общество представляет собой форму когнитивного капитализма, где доминирование технологических платформ, концентрация данных в руках корпораций и алгоритмическое управление воспроизводят социальное неравенство в новых формах. Как отмечают исследователи, цифровая среда не нейтральна — она усиливает структурные дисбалансы через монополизацию цифровых благ, эксплуатацию пользовательских данных и создание «цифровых компактантов» — отчуждённых субъектов, чьи когнитивные и эмоциональные ресурсы становятся сырьём для извлечения прибыли. Проблемы цифрового отчуждения, утраты приватности, алгоритмической дискриминации и цифрового колониализма демонстрируют, что технологии не преодолевают, а переформируют социальные конфликты. Более того, цифровое общество порождает новые

формы исключения — от ограничения доступа к образовательным ресурсам до маргинализации тех, кто не вписывается в стандарты «цифровой нормативности»:

«Человек из актора становится компактантом (compactant) – отчужденным субъектом компьютерного капитализма. Перспектива критического анализа такого капитализма и сопротивления ему связана с тем, что цифровое внутренне противоречиво. В нем есть поверхностные слои символического, абстрактного. На них сфокусировано внимание. Но есть и фундаментальные слои аналогового, материального – кремниевый субстрат, физическая реальность цифровых устройств и их производства, телесная и ментальная реальность разработчиков, пользователей. Чувственная сторона цифрового должна стать основой постцифровой эстетики как теории и практики выхода за пределы одномерного поверхностного слоя цифрового» [Иванов Д.В., Асочаков Ю.В. 2023, с. 16-29].

Теперь обратимся к социально-философской теории интеллектуальной собственности А.М. Орехова – она, в частности, нам поможет детально рассмотреть проблему присвоения и обмена цифровых благ.

Обращение к социально-философской теории интеллектуальной собственности А.М. Орехова в данном контексте обусловлено необходимостью концептуального перехода от анализа структур цифрового общества к механизмам взаимодействия с цифровыми благами. Предыдущий раздел, посвящённый теории П. Бурдьё, заложил основы понимания цифрового поля как пространства борьбы за капитал, однако не дал инструментов для изучения конкретных практик оперирования цифровыми объектами. Теория Орехова восполняет этот пробел, предлагая онтологию интеллектуальной собственности, принципиально отличную от вещественного присвоения. Это особенно значимо для цифровых благ, где традиционные критерии исключительности владения теряют смысл из-за возможности бесконечного копирования.

Акцент на работах Орехова позволяет раскрыть парадоксальную природу цифровых благ: будучи объектами присвоения, они сохраняют способность к одновременному использованию множеством субъектов. Его концепция

«передачи с оставлением» объясняет уникальный характер циркуляции цифровых активов в отличие от материальных ресурсов. Кроме того, введение категории временной метки как критерия установления приоритета создаёт методологический мост между философским пониманием интеллектуальной собственности и техническими аспектами блокчейн-технологий, что критически важно для анализа современных форм цифрового владения.

Обращение к данной теории именно в разделе о присвоении и обмене обусловлено её эвристическим потенциалом для деконструкции устоявшихся экономических моделей. В отличие от юридического подхода, фиксирующего статичные права, социально-философская концепция Орехова позволяет рассматривать цифровые блага как динамичные объекты, чей статус постоянно переопределяется в процессе социальных взаимодействий. Это создаёт основу для анализа *emerging*-практик вроде NFT или децентрализованных автономных организаций, где традиционные представления о собственности подвергаются радикальной трансформации.

С точки зрения российского ученого, присвоение знания кардинально отличается от присвоения вещественных объектов. Во-первых, если вещественным объектом индивид *овладевает*, то знание он *познает*; во-вторых, если вещественный объект передается «без оставления», то в случае передачи знания или интеллектуальной собственности действует принцип «передача с оставлением», в-третьих, всегда легко подменить владение знанием от его создателя обычным «владением» или «присвоением», и наконец, в-четвертых, в случае передачи знания невозможна его «реверсия», т.е. возврат, а в отношении вещественного объекта это как раз возможно.

В отношении проблемы приоритета А.М.Орехов указывает:

«В случае если объективация знания проведена аморфно, размыто, тогда возникает вероятность подмены реальной (истинной) временной метки эйдоса на фиктивную, вымышленную. Кроме того, как уже неоднократно отмечалось, *пользователь знания* (например, индивид Петров, которому индивид Иванов раскрыл свою идею) может объявить себя *владельцем знания* и при этом еще

«приклеить» к данному знанию фиктивную временную метку. Способ разоблачения мошенничества здесь один: используя любые артефакты и свидетельства, показать, что знание у индивида Иванова появилось *раньше*, чем у индивида Петрова – только тогда Иванов будет признан *истинным собственником* этого знания. Можно сказать проще: приоритет в присвоении интеллектуальной собственности – это всегда *время*, и чем точнее и определеннее это время устанавливается, тем лучше как для каждого конкретного индивида, так и для всего института интеллектуальной собственности» [Орехов А.М. 2009, с. 71-72].

Абсолютно все те принципы присвоения и обмена интеллектуальных благ, сформулированные А.М. Ореховым, могут быть распространены на теорию цифровых благ с учетом их специфики:

- (1) *Индивид овладевает цифровым благом через его познание, это овладение посредством познания, узнавания;*
- (2) *Цифровое благо передается другому индивиду «с оставлением своей копии»;*
- (3) *Отличить автора-генератора цифрового блага от его пользователя можно лишь путем установления временной метки; если такую временную метку нельзя обозначить, то отличить автора-создателя цифрового блага от пользователя никоим образом нельзя.*
- (4) *В случае цифрового блага процесс «реверсии», т.е. возвращения цифрового блага его создателю-владельцу невозможен [Орехов А.М. 2009, с. 68-73.].*

Исходя из позиции российского автора, также важно научиться распознавать три основных способа передачи цифровых благ, адресованных различным субъектам цифрового пространства: а) посредством традиции, ориентированной на культурные и социальные сообщества, где передача знаний и ресурсов осуществляется через исторически сложившиеся практики и коллективные паттерны поведения; б) посредством морали, регулирующей взаимодействие индивидов и групп в рамках общественных норм, что

предполагает этическую ответственность за распределение цифровых ресурсов;

в) посредством правовых норм, устанавливаемых государственными институтами и международными организациями для формализации правил владения, использования и обмена цифровыми активами.

Например, *некоммерческая (бесплатная) раздача цифровых благ в большинстве случаев осуществляется через институты традиции и морали. Например, «я раздаю бесплатно кому-то разработанную мной программу, потому что полагаю, что творю тем самым добро людям» (мораль) или потому что так принято, так делают другие мои коллеги (традиция)*

А вот коммерческий оборот цифровых благ в основном связан с регулированием их движения посредством права – в первую очередь, авторского и патентного права. Например, первое из них:

«Права авторских прав – это четко сформулированная совокупность отдельных прав: право воспроизводить, право распространять, право публично показывать и исполнять, и право на разного рода адаптации произведения. И каждое из этих прав делится по времени, территории, носителю и любому другому определению, которое только может представить правообладатель» [Перзановски А., Шульц Дж. 2019, с. 44].

Также следует указать на то, что период существования цифровых благ может значительно превышать срок жизни их владельца или пользователя. Владелец или пользователь умирает, но его «следы» и «останки» в Интернете остаются, – вот почему многие исследователи обсуждают вопрос о «цифровых останках» или даже о «цифровой загробной жизни» в Интернете [Киселева Л.С., Семенова А.А. 2023].

3.6. Цифровой ресурс

Термин «цифровой ресурс» (ЦР) получил широкое распространение в академических исследованиях, нормативно-правовых документах и профессиональных стандартах. Его актуальность обусловлена интеграцией в

различные сферы человеческой деятельности, включая взаимодействие с интернет-платформами, электронными и печатными изданиями. Универсальность концепции ЦР позволяет удовлетворять потребности разнородных социальных групп, обеспечивая доступ к информации в условиях цифровой трансформации.

Технологическая революция кардинально трансформировала процессы получения, обработки и распространения данных. Автоматизация заменила ручные методы управления информацией, повлияв на экономические модели, социальные взаимодействия, политические институты и культурные практики. Эти изменения способствуют формированию новой парадигмы, в которой цифровые технологии становятся основой для переосмысления традиционных теоретических подходов.

Ключевым элементом данной трансформации выступает цифровое предпринимательство, внедряющее инновационные решения в структуру классического бизнеса. Это приводит к перераспределению значимости между материальными и нематериальными активами, где приоритет смещается в сторону цифрового капитала. Организации фокусируются на оптимизации процессов сбора, хранения и анализа данных, признавая их критическую роль в условиях цифровой экономики.

Растущая зависимость от технологий требует пересмотра критериев оценки ресурсов. Нематериальные активы, такие как алгоритмы, базы данных и цифровые платформы, приобретают стратегическое значение, вытесняя традиционные факторы производства. Данная тенденция стимулирует научное сообщество и бизнес-структуры к разработке адаптированных методов управления, направленных на максимизацию потенциала ЦР.

В контексте сетевой трансформации актуализируется необходимость интеграции цифровых ресурсов в образовательные, управленческие и производственные процессы. Это обуславливает формирование новых исследовательских направлений, ориентированных на анализ роли ЦР в глобальной экономике и их влияния на социально-культурные изменения.

Термин ЦР рассматривается в контексте субъектов разработки, управления и применения, а также сквозь призму его функционального использования. Выходя за рамки документации и коммуникаций, он интегрирует комплекс информационных процессов. ЦР формирует интегративную систему, включающую частные понятия типа «документный ресурс». Детализация общего понятия не приводит к его устранению, даже при полном совпадении с совокупностью частных дефиниций. В условиях схожих контекстов термин функционирует как аналог, поскольку узкие значения коррелируют с обобщённым смыслом, выступая его компонентами [Берестова Т.Ф. 2017].

Анализ феномена ЦР предполагает применение процессуального метода с акцентом на технологические аспекты. В основе исследования — схема информационного процесса В.З. Когана, дополненная в научной практике. В рамках предложенной модели начальная фаза информационного цикла инициируется актом первичного взаимодействия когнитивного агента со средой, предполагающим операции сенсорного сканирования и перцептивной обработки данных. Указанные механизмы выполняют функцию когнитивного интерфейса, обеспечивающего формирование репрезентации внешних стимулов [Берестова Т.Ф. 2005].

Создание информации представляет собой когнитивное преобразование объективной действительности в субъективные ментальные репрезентации. Данный процесс предполагает последовательные операции визуализации, генерации смыслов и установления взаимосвязей между ними, дополняющиеся присвоением социокультурных конвенциональных значений. Фиксация информационного продукта в индивидуальной памяти или его экстернизация посредством коммуникативных актов формирует базис социального взаимодействия. Цикл информационного производства инициируется селективной интерпретацией элементов реальности, а завершающим этапом является обмен семиотически оформленными данными, обеспечивающий функционирование коммуникативных систем [Коган В.З. 1991].

В рамках научных исследований необходимо определять множество терминов, включая ЦР. Существующие определения, охватывающие отдельные документы и информационные массивы, часто недостаточно конкретны, не отражая общих и специфических характеристик, что затрудняет понимание сущности исследуемого феномена [Антопольский А.Б. 1997].

ЦР определяются как информационные объекты, созданные или идентифицированные, зарегистрированные и подвергнутые анализу, функционирующие в соответствии с установленными правилами архивации и актуализации, что обеспечивает их соответствие требованиям к качественным и количественным параметрам. В рамках расширенной концепции данные ресурсы интерпретируются как интегративные элементы познавательных процессов, обладающие синергетическим эффектом, способствующим генерации знаний, превышающих потенциал совокупности отдельных документов [Бакут П.А., Шумилов Ю.П. 1999].

Методология не ограничивается вербальными средствами, интегрируя графические, мультимедийные и интерактивные элементы для оптимизации образовательных процессов. Разнообразие контента направлено на углубление усвоения материала через адаптацию к индивидуальным когнитивным профилям и предпочтениям [Солдаткина О.Л. 2011].

Понятие ЦР (или «информационный ресурс») в российской правовой системе было нормативно закреплено в 1995 г. Федеральным законом «Об информации, информатизации и защите информации». Согласно закону, ЦР определяется как совокупность отдельных документов или их массивов, включая хранящиеся в информационных системах (библиотеки, архивы, базы данных). Однако данная трактовка признаётся недостаточно полной и проблематичной в аспекте терминологической точности [ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации» от 20.02.1995].

В аналитических исследованиях вопросы получили развитие. Предыдущие концепции акцентировали документированную информацию, исключая интернет-ресурсы. Подход к ЦР ограничивался их функцией сбора и хранения

данных для информационных систем, не рассматривая их роль в социально-экономических процессах. Узкая трактовка игнорировала потенциал ЦР как фактора развития, что снижало полноту анализа их социально-экономического значения [Глотина И.М. 2020].

Неоднозначность и противоречивость терминологии в ГОСТах и научных источниках актуализировали задачу разработки универсального определения. В основу методологии положены принципы А.В. Соколова [Соколов А.В. 1994] и Н.А. Слядневой [Сляднева Н.А. 1993], предполагающие описание концепции через категориальную принадлежность и специфические признаки, включая функциональные и целевые характеристики, обеспечивающие дифференциацию объекта. Реализация данного подхода способствовала систематизации представлений о генезисе информационных ресурсов.

В рамках научного исследования рассматриваемого феномена сформулировано определение, акцентирующее ключевые аспекты, объединяющие специфические и универсальные характеристики: «ЦР представляет собой информационный объект, целенаправленно созданный для реализации функциональных задач в рамках специализированной деятельности, обладающий потребительской ценностью и рыночным потенциалом в сфере информационных услуг». Данная дефиниция подчеркивает двойственную природу ЦР, сочетающего утилитарное назначение с коммерческой значимостью в условиях цифровой экономики.

Информация как базовый элемент дифференцируется через атрибутивные параметры: инструментальное применение, релевантность целевой деятельности, востребованность среди пользовательских групп. Критериальная основа классификации ЦР базируется на функциональной направленности и способности удовлетворять потребности потребителей. В современном социуме наблюдается бинарное разделение информационных объектов: к первой категории относятся профессионально ориентированные ресурсы, адаптированные под отраслевые требования (например, медицинские базы данных), ко второй – элементы, исключенные из классификации ЦР вследствие

несоответствия установленным критериям (отсутствие функциональной ценности, рыночной применимости).

ЦР классифицируются на коммерческие и некоммерческие. Первые применяются в коммерческих целях, распространяются на платной основе и используются в бизнес-секторе, включая сельское хозяйство, образование и управление. Вторые, именуемые общественным достоянием, предоставляются бесплатно, ориентированы на гуманитарные аспекты (досуг, самообразование, защиту прав) и удовлетворяют нематериальные потребности пользователей [Берестова Т.Ф. 2017].

В условиях развития цифровой экономики изучение ЦР приобретает ключевое значение. Научный анализ данного феномена предполагает исследование его структурных характеристик и функционального влияния на социально-экономические процессы. В методологии выделяются два подхода. Первый определяет ЦР как автономный объект, выступающий системообразующим элементом для формирования специализированных теоретических моделей. Данная концепция акцентирует уникальность ЦР, требующую разработки отдельных исследовательских парадигм. Второй подход рассматривает ЦР в качестве компонента сложных систем, что позволяет изучать их взаимодействие с другими элементами (технологическими, организационными, социальными) через призму синергетических эффектов.

Комплексный анализ ЦР способствует созданию инструментов для оптимизации их использования в производственных, управленческих и коммуникативных процессах. Разработка методологических основ изучения ЦР представляет не только теоретическую ценность, но и практическую необходимость, поскольку определяет адаптационный потенциал субъектов в условиях цифровизации. Эффективное применение полученных результатов способствует повышению конкурентоспособности организаций и устойчивому развитию социотехнических систем в глобальном масштабе.

3.7. Социальная философия и проблема цифрового неравенства

Феномен цифрового, приобрел статус системной проблемы в условиях трансформации общества под влиянием цифровых инноваций. Данный анализ фокусируется на методологической роли социальной философии в формировании концептуальных рамок для изучения этого явления, выделяя три ключевых аспекта: (1) определение дисциплинарных границ цифрового неравенства, (2) разработку социально-философских принципов для его интерпретации и (3) интеграцию проблемы в актуальный контекст социально-гуманитарного знания.

Изучение ЦН, будучи междисциплинарным объектом исследования, опирается на теоретические модели социологии, экономики, политологии и информатики. Однако именно социальная философия, акцентирующая вопросы справедливости, власти и структурного взаимодействия в обществе, выполняет критическую функцию в дифференциации данного феномена от смежных категорий, таких как экономическое или культурное неравенство.

При этом критическая функция социальной философии в контексте анализа цифрового неравенства заключается в ее способности выявлять и деконструировать скрытые властные механизмы, нормативные установки и структурные противоречия, лежащие в основе этого феномена. В отличие от эмпирических дисциплин, фиксирующих внешние проявления неравенства, социальная философия рассматривает природу цифрового исключения как элемента системы социальной стратификации. Ее суть проявляется в трех аспектах: во-первых, в разоблачении идеологических конструктов, маскирующих цифровое неравенство под «естественный» результат технологического прогресса; во-вторых, в демонстрации взаимосвязи цифровых барьеров с исторически сложившимися формами экономической и культурной дискриминации; в-третьих, в нормативной оценке распределения цифровых ресурсов через призму концептов справедливости, свободы и человеческого достоинства. Именно социальная философия задает вопрос не «как измерить

разрыв», а «почему и для кого этот разрыв воспроизводится», переводя анализ с уровня технических показателей на уровень этико-политической рефлексии о природе власти в цифровом обществе.

Через призму социально-философского анализа цифровое неравенство реконтекстуализируется как элемент системы стратификации, детерминируемый динамикой распределения ресурсов, институциональными барьерами и нормативными установками.

В рамках социологического подхода цифровое неравенство интерпретируется как производная структурных дисбалансов, укорененных в классовых, расовых и гендерных иерархиях. Теоретический инструментарий Карла Маркса, в частности концепция отчуждения, позволяет экстраполировать критику капиталистических отношений на цифровую среду.

Экономические исследования цифрового неравенства концентрируются на дисбалансах в распределении ресурсов и их влиянии на рынок труда. Социальная философия, интегрируя экономические модели, формирует нормативную основу для оценки этих процессов. Теория справедливости Джона Ролза, постулирующая принципы равного распределения базовых благ и компенсации ущерба наименее привилегированным группам, применима к вопросу о справедливости доступа к цифровой инфраструктуре. В свою очередь, концепция «развития как свободы» Амартии Сена смещает фокус с распределения ресурсов на расширение возможностей (*capabilities*), подчеркивая необходимость устранения барьеров, препятствующих реализации потенциала цифровых технологий отдельными индивидами.

Политологический и технологический дискурсы рассматривают цифровое неравенство через призму управления, власти и этики данных. Социальная философия, опираясь на работы Юргена Хабермаса, проблематизирует трансформацию публичной сферы под влиянием цифровых платформ, где алгоритмическая селекция информации иерархизирует участие граждан в дискурсе. Концепция совещательной демократии Хабермаса актуализирует вопросы инклюзивности цифровых пространств и прозрачности механизмов

формирования консенсуса. Параллельно философский анализ этических дилемм, связанных с цифровой слежкой и правами на приватность, демонстрирует, как технологии становятся инструментом усиления власти одних групп над другими.

Методологическая функция социальной философии проявляется в её способности устанавливать дисциплинарные границы, не изолируя цифровое неравенство, но определяя его специфику в рамках междисциплинарного диалога. В отличие от социологии, фокусирующейся на эмпирических паттернах, или экономики, изучающей ресурсные потоки, социальная философия формулирует нормативные вопросы: какие структуры власти легитимируют цифровое исключение? Какие этические принципы должны регулировать распределение технологических возможностей? Этот подход препятствует растворению проблемы в общих дискуссиях о неравенстве, выделяя её технологическую, этическую и политическую уникальность.

Социальная философия выполняет критическую функцию в структурировании дисциплинарных рамок исследования цифрового неравенства, предлагая теоретико-методологические инструменты для его переосмысления. Данная проблема рассматривается не как статичный феномен, а как динамичный процесс, детерминированный социальными, политическими и культурными контекстами. Центральным аспектом этого подхода является деконструкция цифрового пространства как арены власти, что актуализирует работы Мишеля Фуко, в частности его концепции власти и сопротивления. В рамках фуконианской парадигмы цифровые технологии интерпретируются как инструменты, одновременно воспроизводящие иерархии через ограничение доступа к информации и дестабилизирующие их посредством мобилизации маргинализированных групп. Подобная диалектика подчеркивает амбивалентность технологий, которые, с одной стороны, усиливают социальную стратификацию, а с другой — создают условия для трансгрессии устоявшихся структур.

Важным измерением анализа становится роль цифровой идентичности, исследуемая через призму постмодернистской и постструктуралистской

философии. Труды Жака Дерриды и Жюльена Делёза позволяют прояснить то, как цифровые платформы формируют субъективность, опосредуя понятия расы, гендера и класса. Например, цифровая сегрегация маргинализированных групп демонстрирует, что неравенство не сводится к техническим барьерам, а укоренено в системах символического насилия. Это требует перехода от анализа «доступа» к критике нормативности, регулирующей само понимание цифровой инклюзии.

Ключевым объектом социально-философской критики выступает технологический детерминизм — установка, редуцирующая цифровое неравенство к линейным следствиям технологического прогресса. Подобный подход игнорирует агентность социальных акторов и контекстуальную обусловленность технологий. Социальная философия, напротив, акцентирует взаимозависимость технических и социокультурных факторов, подчеркивая, что цифровые инструменты не являются нейтральными, а воплощают ценности и интересы доминирующих групп. Критика детерминизма открывает возможность для разработки контекстно-ориентированных стратегий преодоления неравенства, учитывающих локальные практики и коллективное действие.

Методологическая функция социальной философии проявляется также в актуализации проблемы цифрового неравенства через её интеграцию в широкий спектр современных дискурсов. Речь идет не только о междисциплинарности, но о выявлении структурных связей с глобальными вызовами: экологическим кризисом, пандемиями, политической фрагментацией. Так, ограничение доступа к цифровым ресурсам в регионах, наиболее уязвимых к климатическим изменениям, усугубляет экологическое неравенство, лишая сообщества возможности адаптации. Аналогично, цифровизация здравоохранения, усиливая разрыв между группами с разным уровнем доступа, трансформирует медицинское неравенство в форму технологической эксклюзии. Социальная философия, выстраивая эти связи, способствует холистическому пониманию цифрового разрыва как элемента системной социальной несправедливости.

Современный этап технологической эволюции, характеризующийся распространением искусственного интеллекта, блокчейна и интернета вещей, требует пересмотра традиционных подходов к цифровой инклюзии. Социально-философский анализ позволяет оценить этические и политические последствия внедрения данных технологий. Например, алгоритмическая предвзятость в системах ИИ рискует институционализировать дискриминацию, а децентрализация блокчейна может как демократизировать доступ к ресурсам, так и создать новые формы исключения. В этом контексте социальная философия выполняет не только критическую, но и нормативную функцию, предлагая принципы ответственного проектирования технологий — прозрачность, инклюзивность, учет многообразия потребностей.

Социальная философия выполняет ключевую функцию в формировании методологических оснований для анализа цифрового неравенства, трансформируя его из узкотехнической проблемы в комплексный объект междисциплинарного исследования. Её эпистемологический потенциал проявляется в реконцептуализации базовых категорий, таких как «цифровая грамотность», которая переосмысливается в рамках расширенной парадигмы социотехнического подхода, включающей не только операциональные навыки (работа с интерфейсами, программирование), но и критико-рефлексивные компетенции — способность анализировать этические, политические и культурные последствия технологий, выявлять алгоритмические предубеждения, а также противостоять цифровому манипулированию. Данная трансформация предполагает интеграцию этико-гносеологических аспектов, что позволяет переформулировать образовательные стандарты высших учебных заведений, ориентируя их на преодоление когнитивно-нормативных дефицитов, усугубляющих структурные асимметрии в цифровом пространстве. Например, введение междисциплинарных курсов по цифровой этике, критическому анализу данных и социальным последствиям ИИ в программах магистратуры (направления «Цифровая социология», «Технофилософия») способствует

формированию специалистов, способных проектировать инклюзивные технологические решения.

Феминистская теория выступает ключевым инструментом деконструкции гомогенизирующих нарративов о цифровом участии. Социальная философия феминизма актуализирует полифоничность социально-философского дискурса, выявляя латентные механизмы эксклюзии, обусловленные пересечением гендерных, этнических, экономических и телесных маркеров. Это создаёт предпосылки для разработки инклюзивных моделей, учитывающих плюрализм субъектных позиций в контексте цифровизации.

Практическая релевантность социально-философской методологии раскрывается в её способности выступать медиатором между нормативными теориями и прикладными стратегиями преодоления цифрового дисбаланса. Кооперация с акторами политического, образовательного и гражданского секторов позволяет трансформировать абстрактные принципы справедливости в конкретные интервенции. Например, образовательные программы, направленные на развитие цифровых компетенций, подвергаются критическому аудиту с позиций социальной эпистемологии, что влечёт за собой включение модулей по медиаграмотности, этике цифровых взаимодействий и деконструкции алгоритмических предубеждений. Подобные инициативы не только минимизируют операциональные разрывы, но и формируют агентность у маргинализированных групп, способствуя их эмансипации в киберпространстве.

В сфере публичной политики социальная философия выполняет нормативно-критическую функцию, обеспечивая теоретическое обоснование регуляторных механизмов. Концепты цифровых прав и возможностей, разрабатываемые в рамках теорий социальной справедливости, становятся основой для законодательных инициатив, гарантирующих универсальный доступ к технологическим ресурсам. В итоге это позволяет переориентировать политику с формального обеспечения инфраструктуры на создание условий для реализации цифрового потенциала индивидов вне зависимости от их социокультурного статуса. Параллельно осуществляется критический анализ

существующих регуляторных режимов, выявляющий их имплицитные предубеждения и предлагающий корректирующие меры.

На уровне локальных сообществ социально-философская рефлексия способствует легитимации партисипаторных практик, основанных на принципах субсидиарности и уважения к локальным эпистемологиям. Низовые инициативы по цифровой инклюзии, разрабатываемые с учётом культурно-исторического контекста и специфических потребностей населения, демонстрируют повышенную эффективность по сравнению с универсалистскими моделями. Философская герменевтика, акцентирующая важность интерпретации и диалога, становится методологической основой для проектирования адаптивных стратегий, сочетающих глобальные технологические тренды с локальными ценностными системами.

Методологическая функция социальной философии в контексте цифрового неравенства реализуется через три взаимосвязанных вектора: демаркационный, генеративный и аксиологический. Демаркация проявляется в установлении дисциплинарных границ, отделяющих цифровое неравенство как самостоятельный феномен от смежных проблем глобализации и технологического детерминизма. Генеративный потенциал заключается в производстве инновационных аналитических схем, раскрывающих динамическую природу цифровых асимметрий через призму исторической материалистичности, постструктуралистской критики или феноменологической герменевтики. Аксиологический вектор обеспечивает нормативное обоснование интервенций, связывая их с универсальными принципами справедливости, автономии и человеческого достоинства.

Эвристическая ценность социальной философии определяется её способностью синтезировать гетерогенные дискурсы — от политической экономики до когнитивных наук — в единую объяснительную модель. Такой синтез не только обогащает теоретическое понимание цифрового неравенства, но и создаёт предпосылки для разработки мультидисциплинарных стратегий, сочетающих технологические, педагогические и социокультурные компоненты.

В условиях ускоренной цифровой трансформации данный междисциплинарный синтез становится необходимым условием для предотвращения эрозии демократических институтов и роста новых форм структурного насилия, опосредованных цифровыми платформами.

Прогрессирующая медиатизация социальных практик актуализирует потребность в постоянной ревизии методологического аппарата. Социальная философия, сохраняя критическую дистанцию по отношению к технооптимистическим нарративам, выполняет функцию эпистемологического корректора, выявляющего латентные риски алгоритмической дискриминации, цифрового колониализма и метрического фетишизма. Её роль как метадисциплинарного интегратора обеспечивает устойчивость общественного дискурса перед вызовами технологической сингулярности, сохраняя антропоцентрическую перспективу в условиях нарастающей автономии цифровых систем.

3.8. Рекомендации по преодолению цифрового неравенства: междисциплинарный подход

Наступление цифровой эпохи открыло эру беспрецедентной связи и доступа к информации. Однако этот преобразующий потенциал распределен неравномерно, что приводит к суровой реальности цифрового неравенства. Этот разрыв, часто называемый «цифровым неравенством», означает неравенство в доступе, навыках и возможностях между отдельными людьми и сообществами из-за отсутствия у них цифровой грамотности и цифровых интеллектуальных благ. Это неравенство имеет значительные последствия, влияя на экономическое участие, социальную интеграцию и общее благосостояние. Чтобы преодолеть это неравенство, на наш взгляд, необходим комплексный и многогранный подход, включающий коллективные усилия государств, частных компаний, отдельных пользователей и международных организаций.

1. Государство

Государство, как главный хранитель общественного блага и социальной справедливости, несет значительную ответственность за регулирование цифрового неравенства. Эта ответственность вытекает из слияния философских принципов, которые подчеркивают неотъемлемую ценность равенства, решающую роль государства в обеспечении доступа к основным потребностям и этический императив смягчения вреда, причиняемого технологическими достижениями.

Джон Ролз в работе [Ролз Дж. 2010, с. 536] отстаивает принцип равных возможностей, утверждая, что люди должны иметь равный доступ к средствам, необходимым для достижения своих целей, независимо от их социального или экономического происхождения. Этот принцип можно распространить на цифровую сферу, утверждая, что доступ к Интернету и цифровым технологиям является основополагающим правом, необходимым для того, чтобы люди могли полноценно участвовать в современном обществе.

Право на общение, закрепленное в статье 19 Всеобщей декларации прав человека, еще больше подкрепляет этот аргумент. Это право охватывает возможность выражать себя, получать информацию и участвовать в публичном дискурсе. В цифровую эпоху эти права неразрывно связаны с доступом к коммуникационным технологиям, что делает доступ к Интернету предпосылкой для полной реализации прав человека.

Принцип справедливости как честности, поддерживаемый Ролзом, выступает за общество, в котором все люди имеют равные возможности и права, независимо от их социального положения. Этот принцип требует от государства устранения системного неравенства, которое увековечивает цифровые разрывы, такие как дискриминационная ценовая практика, предвзятые алгоритмы и отсутствие доступного контента на разных языках.

Регулирование может смягчить пагубные последствия этого неравенства, гарантируя, что технологии приносят пользу всем членам общества, а не только тем, у кого есть экономические преимущества. Такой подход требует проактивной позиции, не просто реагирования на проблемы после их

возникновения, но и активного формирования цифрового ландшафта, который является инклюзивным и справедливым.

Тут еще можно вспомнить «общественный договор» Т. Гоббса, который все еще актуален. Согласно ему, государство несет обязательства по обеспечению справедливости и порядка. Это может касаться и цифрового доступа. Общественный договор как инструмент практики требует пересмотра концепции цифрового гражданства, предусматривая, что все граждане имеют право на доступ к цифровым ресурсам, их использование и получение выгод от них.

Государство, посредством своих регулирующих полномочий, может проводить политику, направленную на преодоление цифрового неравенства, обеспечивая равный доступ к интернет-услугам, доступным устройствам и программам цифровой грамотности. Это включает принятие законодательства, способствующего доступу к интернету в недостаточно обслуживаемых сообществах, предоставление субсидий домохозяйствам с низким доходом и инвестирование в развитие цифровой инфраструктуры.

Утилитаризм, моральная философия, подчеркивающая наибольшее счастье для наибольшего числа людей, дает убедительное обоснование для регулирования цифрового неравенства. Увеличение цифровой инклюзии способствует более информированному, вовлеченному и производительному гражданству, что приводит к экономическому росту, социальному прогрессу и улучшению качества жизни в целом.

Продвигая цифровую грамотность и доступ, учитывая ЕЦБ, любое государство может увеличить количество цифровых габитусов и дать им возможность участвовать в цифровой экономике, получать образование, подключаться к службам здравоохранения и участвовать в гражданском дискурсе. Это, в свою очередь, способствует более инклюзивному и справедливому обществу, содействуя социальной сплоченности и экономическому процветанию.

Основываясь на вышеперечисленных концептах, действия государства должны быть, на наш взгляд, сосредоточены на создании благоприятного цифрового общества, которое способствует доступу, развитию навыков и равноправному участию в цифровой экономике.

а) Универсальный доступ

- Развитие инфраструктуры: Инвестиции в надежную и доступную широкополосную инфраструктуру имеют первостепенное значение.

«Включая развертывание широкополосного интернета, улучшение сетевого покрытия и повышение скорости интернета в отдаленных и малоосвоенных районах» [Гарифуллина А.Ф., Валишина Н.Р. 2024, с. 250].

Это требует стратегического подхода к расширению оптоволоконных сетей, улучшению беспроводной связи и преодолению цифрового разрыва между городом и деревней.

«Что касается устранения цифрового неравенства, в 2020 году в 260 населенных пунктах с населением от 100 до 500 человек установили точки доступа Wi-Fi. В 2021-м на их основе начали создавать базовые станции. Также прорабатывается возможность подведения интернета к деревням и селам, где проживают менее ста человек. В Омской области около 150 таких поселений» [Свидинская С.А. 2022, с. 136].

Правительства могут стимулировать инвестиции частного сектора в инфраструктуру, особенно в недостаточно обслуживаемых районах, посредством государственно-частного партнерства, налоговых льгот и нормативно-правовой базы, которая поощряет конкуренцию и доступность.

- Доступность и доступность: Признавая, что стоимость является существенным препятствием для цифрового доступа, государства должны внедрять политику, которая сделает Интернет и цифровые устройства доступными для всех. Это может включать субсидии для домохозяйств с низким доходом, налоговые льготы на подписки на интернет-услуги и продвижение доступных интернет-планов. Кроме того,

изучение альтернативных вариантов подключения, таких как беспроводные сети, принадлежащие сообществу, и спутниковые интернет-услуги, может удовлетворить потребности регионов с ограниченной инфраструктурой.

«Невзимание налогов с покупок компьютерной техники в течение определенного времени (США); предоставление налоговых льгот компаниям, приобретающим компьютеры своим сотрудникам (Швеция), или компаниям, оборудовавшим домохозяйства компьютерами (Сингапур)» [Гребенникова А.А., Масляков В.В., Салтыкова О.П. 2022, с. 688].

- Программы цифровой грамотности: Инвестирование в образование в области цифровой грамотности имеет решающее значение для наделения людей необходимыми навыками для эффективного ориентирования в цифровом мире. Государства могут внедрять программы, обучающие базовым компьютерным навыкам, интернет-безопасности, онлайн-общению и цифровому гражданству. Для этого необходимо нацеливаться как на детей, так и на взрослых, уделяя особое внимание уязвимым группам населения, таким как пожилые люди, люди с ограниченными возможностями и меньшинства.

«Например, студенческий отряд "Автостопом по аспектам финансовой грамотности" начал свою работу в сентябре 2020 г. на базе Школы экономики и менеджмента Дальневосточного федерального университета (ШЭМ ДВФУ). Деятельность проекта направлена на повышение уровня финансовой грамотности и устранение информационно-цифрового разрыва в сфере финансовой грамотности между школьниками, проживающими в отдалённых малонаселённых, труднодоступных регионах и школьниками, проживающими в городской местности» [Саушкина Е.А. 2022, с. 734].

- Цифровая инфраструктура для государственных услуг: правительства должны отдать приоритет оцифровке государственных услуг, сделав их доступными онлайн и через мобильные приложения. Это должно включать инициативы электронного управления,

онлайн-платформы здравоохранения, программы цифрового образования и виртуальные библиотеки. Предоставляя услуги через цифровые каналы, государства могут повысить эффективность, прозрачность и доступность для всех граждан, независимо от их местонахождения или цифровых возможностей.

б) Развитие цифровых навыков

- **Образование и обучение:** Интеграция цифровой грамотности в школьные программы имеет важное значение для оснащения будущих цифровых габитусов навыками, необходимыми для успеха в цифровой экономике. Это должно включать кодирование, программирование, анализ данных и навыки критического мышления. Помимо формальной системы образования, государства могут инвестировать в программы цифровой грамотности для взрослых, адаптированные к различным уровням навыков и карьерным устремлениям.

«К примеру, в 2022 году проходил VIII Всероссийский конкурс личных достижений пенсионеров в изучении компьютерной грамотности под названием "Спасибо Интернету – 2022"» [Ключкин Ю.С. 2024, с. 70].

- **Инициативы по повышению квалификации и переподготовке кадров:** для решения проблемы несоответствия навыков в цифровой рабочей силе требуются целевые программы обучения для взрослых, стремящихся перейти на цифровые рабочие места. Государства могут сотрудничать с частными компаниями, образовательными учреждениями и некоммерческими организациями, чтобы предлагать обучение востребованным цифровым навыкам, таким как кибербезопасность, разработка программного обеспечения и искусственный интеллект.

- **Поддержка цифрового предпринимательства:** Для создания процветающей цифровой экосистемы необходимо поддерживать предпринимателей, которые используют технологии для создания бизнеса. Государства могут предоставлять финансирование, наставничество и

доступ к ресурсам для начинающих цифровых предпринимателей, особенно из недостаточно представленных сообществ.

Фомина М. В. Луценко Е.А. и Стародуб А.А. лучше раскрывают задачу государства по отношению к цифровому предпринимательству:

«В качестве рекомендаций по преодолению «цифрового неравенства» предлагается следующее: создание благоприятных условий для развития цифрового бизнеса с использованием платформенных методов его организаций, например предоставление налоговых льгот или стартовых кредитов под низкие проценты; повышение качества взаимодействия в системе «население – власть» посредством информационно-коммуникационных технологий» [Фомина М. В. Луценко Е.А., Стародуб А.А. 2024, с. 137].

- Создание цифровых хабов: Создание центров и инкубаторов цифровых инноваций в недостаточно обслуживаемых районах может способствовать развитию предпринимательства, привлечению инвестиций и созданию возможностей трудоустройства. Предоставляя общее рабочее пространство, наставничество и доступ к технологиям, эти хабы могут дать возможность местным сообществам стать активными участниками цифровой экономики.

в) Обеспечение цифровых прав.

- Доступность для людей с ограниченными возможностями: Государства должны обеспечить доступность цифровых технологий и услуг для людей с ограниченными возможностями. Это подразумевает содействие разработке и внедрению доступных веб-сайтов, мобильных приложений и вспомогательных технологий.

- Борьба с цифровой дискриминацией: Для решения проблемы цифрового неравенства необходимо устранить системные барьеры, которые мешают определенным группам полноценно участвовать в цифровом поле. Это включает борьбу с онлайн-дискриминацией по признаку пола, расы, этнической принадлежности или социально-экономического статуса. Правительства должны применять

антидискриминационные законы в цифровой сфере, поощряя инклюзивность и защищая различные голоса.

- **Конфиденциальность и безопасность данных:** Защита цифровых прав включает в себя защиту конфиденциальности и безопасности пользователей в цифровом пространстве. Государства должны внедрять надежные правила конфиденциальности данных, поощрять ответственные методы сбора данных и защищать людей от киберугроз и онлайн-мошенничества.

- **Цифровое управление и прозрачность:** обеспечение прозрачности и подотчетности в цифровом управлении имеет решающее значение для укрепления доверия к онлайн-системам и поощрения участия граждан. Государства должны разрабатывать политику открытых данных, содействовать вовлечению граждан в обсуждения цифровой политики и обеспечивать надежный надзор за цифровыми платформами.

На наш взгляд, целесообразно предвидеть выделить последствия подобной политики для государств мира:

1. **Нормативно-правовая база.** Государство несет моральное и социальное обязательство по созданию нормативно-правовой базы, обеспечивающей равный доступ к цифровым технологиям, признавая, что доступ должен выходить за рамки простого наличия и включать в себя доступность по цене и удобство использования.

2. **Государственные инвестиции.** Приоритетной задачей должны быть надежные государственные инвестиции в цифровую инфраструктуру, особенно в малообеспеченные и маргинализированные сообщества. Эти инвестиции должны обеспечить доступность преимуществ цифровых достижений для всех граждан.

3. **Образование и профессиональная подготовка.** Государство должно продвигать программы цифровой грамотности, направленные на расширение прав и возможностей граждан, особенно из маргинализированных сообществ, в плане эффективного использования цифровых инструментов.

Троян И.А., Кравченко Л.А. и Гиндес Е.Г. более грамотно предлагают варианты решения вопросов с цифровым образованием:

«Также перспективными инструментами преодоления цифрового неравенства в высшем образовании могут стать технология адаптивного обучения на базе онлайн-образовательных систем, использование искусственного интеллекта в образовательном процессе (применение чат-ботов), развитие непрерывного образования» [Троян И.А., Кравченко Л.А., Гиндес Е.Г. 2023, с. 119].

4. Механизмы подотчетности. Создание механизмов подотчетности для частных корпораций, использующих цифровые технологии. Это включает в себя обеспечение добросовестной практики использования данных, конфиденциальности и алгоритмической предвзятости.

2. Частные компании

Частные компании, как ключевые игроки в цифровой экосистеме, несут значительную ответственность за продвижение цифровой инклюзивности. Хотя их главная цель – максимизация прибыли, к их действиям необходимо применять более глубокие этические рамки, особенно в отношении их влияния на отдельных лиц и сообщества.

Концепция корпоративной социальной ответственности (КСО) подчеркивает этические обязательства предприятий, выходящие за рамки их юридической и финансовой ответственности. От компаний все чаще ожидают вклада в общественное благосостояние, учитывая их влияние на окружающую среду, права человека и социальную справедливость.

Эта ответственность распространяется и на цифровое поле, где компании обязаны содействовать инклюзивности, использовать ЕЦБ, разрабатывая продукты и услуги, доступные всем, независимо от их социально-экономического положения или технических возможностей. Это включает в себя предложение доступных интернет-пакетов, предоставление удобных для пользователя интерфейсов и разработку контента, который отвечает различным культурным и языковым потребностям.

Категорический императив Иммануила Канта, сформулированный как «Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого как к цели и никогда только как к средству» [Кант И., 1994, Соч., т. 4 с. 429], подчеркивает внутреннюю ценность каждого человека. Этот принцип, лежащий в основе деонтологической этики, утверждает, что люди обладают абсолютным достоинством и не могут быть инструментализированы для чужих интересов. В контексте цифровой среды данный императив обязывает частные компании разрабатывать продукты и услуги, которые гарантируют справедливое и уважительное отношение к клиентам, исключая эксплуатацию уязвимых групп через манипулятивные алгоритмы, скрытые условия пользования или дискриминационные практики сбора данных. Например, соблюдение этого принципа предполагает отказ от использования персональной информации для таргетированной рекламы, эксплуатирующей когнитивные слабости, и внедрение прозрачных механизмов согласия, где пользователь сохраняет контроль над своими цифровыми следами.

Компании, на наш взгляд, должны отдавать приоритет потребностям всех клиентов, а не только тех, кто может позволить себе премиум-услуги. Этот принцип распространяется на разработку продуктов с функциями доступности, предложение различных вариантов ценообразования и избежание дискриминационных практик, исключая определенные сегменты населения.

Подход, основанный на возможностях, впервые предложенный Амартией Сен [Сен А. 2016, с. 520] и Мартой Нуссбаум [Nussbaum M.C. 2011, с. 256], подчеркивает важность предоставления людям средств для реализации их возможностей и полноценной жизни. Эта концепция имеет прямые последствия для цифрового поля, поскольку доступ к цифровым ресурсам и услугам расширяет индивидуальные возможности, позволяя им заниматься осмысленной деятельностью, реализовывать свои стремления и вносить вклад в свои сообщества.

Частные компании могут играть решающую роль в расширении этих возможностей, разрабатывая продукты и услуги, которые расширяют возможности людей, способствуют цифровой грамотности и предлагают возможности для развития навыков. Этот подход выходит за рамки простого предоставления доступа к цифровым технологиям и фокусируется на расширении возможностей людей для эффективного использования этих технологий.

Принцип пропорциональности диктует, что вмешательства должны быть пропорциональны проблеме, которую они решают. В контексте цифрового неравенства частные компании должны нести ответственность за смягчение негативных внешних эффектов своей деятельности, таких как чрезмерный сбор данных, дискриминационные алгоритмы и распространение дезинформации.

Такая ответственность может быть достигнута посредством нормативно-правовой базы, которая стимулирует компании разрабатывать продукты и услуги с учетом этических соображений, уделять первостепенное внимание конфиденциальности пользователей и активно бороться с цифровыми предубеждениями.

Частные компании играют важную роль в формировании цифрового общества и могут внести значительный вклад в преодоление цифрового неравенства. Их усилия должны быть сосредоточены на использовании их технологического опыта, цифровых интеллектуальных благ, ЕЦБ и охвата для создания инклюзивных и справедливых цифровых решений.

а) Расширение доступа и доступности:

- Доступный интернет-сервис: телекоммуникационные компании должны отдавать приоритет тому, чтобы сделать интернет-сервисы доступными и недорогими для всех. Это требует принятия моделей ценообразования, которые подходят для домохозяйств с низким доходом, предложения субсидируемых интернет-планов и расширения покрытия на недостаточно обслуживаемые районы.

- Доступность устройств: Производители мобильных телефонов и компьютеров должны разрабатывать доступные устройства, специально ориентированные на людей и сообщества с низким доходом. Это может включать партнерство с НПО или правительствами для распространения устройств со скидкой через социальные программы.

- Продвижение цифровой грамотности: технологические компании могут играть значительную роль в продвижении цифровой грамотности, разрабатывая образовательные ресурсы, предлагая бесплатные онлайн-курсы и сотрудничая со школами и общественными организациями для проведения обучения основным навыкам работы на компьютере и использования Интернета.

Далее Зулкарнаева П.Л., Оздамирова Л.М. и Борисов А.Н. конкретизируют:

«Технологические компании могут внести свой вклад, предоставляя школам и нуждающимся учащимся устройства или лицензии на программное обеспечение со скидкой. Они также могут сотрудничать с учебными заведениями для разработки инновационных решений, направленных на решение конкретных проблем, с которыми сталкиваются маргинализированные сообщества» [Зулкарнаева П.Л., Оздамирова Л.М., Борисов А.Н. 2023, с. 288].

- Инклюзивный дизайн: компании должны включать функции доступности в свои продукты и услуги, гарантируя, что они могут использоваться людьми с ограниченными возможностями. Это включает разработку доступных веб-сайтов, приложений и устройств, которые соответствуют международным стандартам доступности.

б) Создание экономических возможностей:

- Развитие цифровых навыков: Частные компании могут инвестировать в программы обучения, которые снабжают людей навыками, необходимыми для цифровых рабочих мест. Это может включать предложение онлайн-курсов, ученичество и партнерство с

образовательными учреждениями для предоставления обучения навыкам, соответствующим отрасли.

- Поддержка цифрового предпринимательства: технологические компании могут создавать инкубаторы и акселераторы специально для цифровых предпринимателей из недостаточно представленных сообществ. Это может включать предоставление наставничества, финансирования, доступа к технологиям и услуг поддержки, чтобы помочь предпринимателям запустить и масштабировать свой бизнес.

- Создание рабочих мест в необеспеченных сообществах: Частные компании должны отдавать приоритет найму и обучению местных талантов в необеспеченных сообществах. Это может включать создание региональных офисов, партнерство с общественными организациями для набора и обучения местных жителей и предложение возможностей трудоустройства в цифровых областях.

К подобному направлению деятельности частных компаний также приходят Кузьменко В.С., Путята Г.А. и Путята Н.В. в своем исследовании:

«Цифровая экономика создает потребность в специалистах по ИКТ, программистах, аналитиках данных и других профессионалах. Это может способствовать созданию новых рабочих мест в регионах, где развиты компании в сфере ИКТ» [Кузьменко В.С., Путята Г.А., Путята Н.В. 2023, с. 301].

- Продвижение разнообразия и инклюзивности: создание разнообразной и инклюзивной рабочей силы имеет важное значение для содействия инновациям и продвижения прогресса в цифровой экономике. Компаниям следует внедрять инициативы по разнообразию и инклюзивности для привлечения и удержания талантов из недостаточно представленных групп, гарантируя, что их рабочая сила отражает разнообразие сообществ, которым они служат.

в) Ответственное технологическое развитие:

- **Этическая разработка ИИ:** Частные компании должны отдавать приоритет разработке и внедрению технологий искусственного интеллекта (ИИ), которые являются справедливыми, беспристрастными и инклюзивными. Это требует устранения потенциальных предубеждений в алгоритмах ИИ и обеспечения того, чтобы приложения ИИ использовались на благо всех членов общества.

- **Устойчивые технологические решения:** Технологические компании должны сосредоточиться на разработке экологически устойчивых технологий, которые минимизируют их углеродный след и способствуют более устойчивому будущему.

- **Конфиденциальность и безопасность данных:** Частные компании должны уделять первостепенное внимание конфиденциальности и безопасности данных, гарантируя, что пользовательские данные собираются, хранятся и используются ответственно. Внедрение надежных мер защиты данных, соблюдение правил конфиденциальности и прозрачность в отношении методов обработки данных имеют решающее значение для создания доверия и содействия ответственной цифровой среде.

- **Взаимодействие с сообществом:** технологические компании должны взаимодействовать с местными сообществами, чтобы понимать их потребности и приоритеты. Это подразумевает активный поиск отзывов от пользователей, сотрудничество с общественными организациями и обеспечение соответствия развития технологий местным ценностям и культурному контексту.

Данный подход позволяет выделить последствия такой политики для компаний:

1. **Корпоративная социальная ответственность (КСО).** Компаниям следует интегрировать цифровую справедливость в свои стратегии КСО. Это предполагает не только предоставление доступных продуктов и услуг, но и повышение цифровой грамотности своей клиентской базы.

2. Инклюзивный дизайн. Необходимо придерживаться принципов инклюзивного дизайна, которые гарантируют доступность продуктов и услуг для самого широкого круга пользователей, включая инвалидов, пожилых людей и экономически неблагополучные группы.

3. Прозрачность. Компании должны действовать прозрачно в отношении своих методов обработки данных и алгоритмов, которые могут увековечить неравенство. Такая прозрачность способствует укреплению доверия и подотчетности.

4. Взаимодействие с заинтересованными сторонами. Взаимодействие с различными заинтересованными сторонами, включая представителей сообщества, для информирования о разработке продукта и цифровой стратегии, обеспечивая учет и удовлетворение разнообразных потребностей.

3. Пользователи

Индивиды, как пользователи цифровых технологий, также играют важную роль в преодолении цифрового неравенства.

Коммунитаризм, философская точка зрения, которая подчеркивает важность сообщества и общих ценностей, подчеркивает коллективную ответственность людей за обеспечение равноправного доступа к цифровым ресурсам. Эта точка зрения подчеркивает взаимосвязанность общества и необходимость для людей вносить вклад в благосостояние всех его членов.

Отдельные лица могут выступать за политику, способствующую цифровой инклюзии, поддерживать организации, работающие над преодолением цифрового неравенства, и участвовать в публичном обсуждении этических последствий технологий. Активно участвуя в этих усилиях, они вносят вклад в более справедливую и равноправную цифровую среду.

Принцип солидарности подчеркивает взаимосвязанность людей и необходимость взаимной поддержки и сотрудничества. В контексте цифрового неравенства этот принцип призывает людей выступать за цифровые права всех, независимо от их социального статуса или экономического положения.

Эта пропаганда может принимать различные формы, включая участие в онлайн-кампаниях, поддержку организаций по защите цифровых прав и требование ответственности от компаний и правительств. Благодаря коллективным действиям люди могут повышать осведомленность о проблеме цифрового неравенства, оказывать давление на правительства, чтобы они принимали политику, направленную на инклюзивность, и требовать от компаний ответственности за соблюдение этических норм.

Концепция расширения прав и возможностей подчеркивает врожденную способность людей контролировать свою жизнь и формировать свою судьбу. В цифровой сфере расширение прав и возможностей людей посредством программ цифровой грамотности, доступа к соответствующей информации и возможностей для развития навыков позволяет им эффективно использовать технологии и осмысленно участвовать в цифровом мире.

Расширенные пользователи могут активно вносить вклад в создание цифрового контента, участвовать в онлайн-дискуссии и отстаивать политику, которая продвигает их интересы. Это агентство дает им возможность формировать более справедливый цифровой ландшафт, гарантируя, что технологии служат инструментом социального прогресса, а не средством дальнейшей маргинализации.

Принцип прозрачности требует открытой и доступной информации, позволяющей людям понимать системы и процессы, которые управляют их жизнью. Этот принцип жизненно важен в цифровом поле, где компании собирают огромные объемы данных о людях и их деятельности.

Требуя прозрачности, люди могут призвать компании к ответственности за этическую практику работы с данными, гарантируя, что их личная информация не будет использоваться не по назначению или эксплуатироваться.

Их действия могут способствовать повышению цифровой грамотности, поддерживать инклюзивные практики и выступать за более справедливый цифровой мир.

а) Развитие цифровой грамотности:

- **Обучение и обмен знаниями:** люди должны активно заниматься изучением новых цифровых навыков и делиться своими знаниями с другими. Это может включать участие в онлайн-курсах, волонтерство для обучения базовым цифровым навыкам или наставничество для других в своем сообществе.

- **Продвижение цифровой инклюзивности:** отдельные лица могут стать сторонниками цифровой инклюзивности, повышая осведомленность о цифровом неравенстве в своих сообществах, поддерживая местные инициативы по продвижению цифровой грамотности и выступая за политику, направленную на решение проблемы цифрового неравенства.

- **Участие в онлайн-сообществах:** присоединение к онлайн-сообществам, форумам и группам, занимающимся продвижением цифровой грамотности и инклюзивности, может стать платформой для обмена знаниями, общения с другими людьми и отстаивания необходимости перемен.

б) Поддержка цифрового равенства:

- **Борьба с дискриминацией:** люди должны активно бороться с онлайн-дискриминацией и языком ненависти, продвигая более инклюзивное и справедливое цифровое поле. Это включает в себя сообщение о дискриминационном контенте, поддержку антидискриминационных инициатив и поощрение уважительного онлайн-взаимодействия.

- **Продвижение доступа и доступности:** Отдельные лица могут выступать за политику, которая сделает доступ в Интернет и цифровые устройства более доступными для домохозяйств с низким доходом. Это может включать обращение к своим избранным должностным лицам, поддержку групп поддержки или участие в общественных кампаниях по повышению осведомленности о необходимости доступных интернет-услуг.

- Поддержка цифрового предпринимательства: частные лица могут оказывать поддержку цифровым предпринимателям из недостаточно представленных сообществ, оказывая покровительство их бизнесу, инвестируя в их стартапы или предлагая наставничество и руководство.

в) Осуществление цифровых прав и обязанностей:

- Защита личной конфиденциальности: люди должны помнить о своей онлайн-конфиденциальности, предпринимая шаги для защиты своей личной информации и защиты своей цифровой идентичности. Это включает в себя осторожность при обмене личными данными в Интернете, использование надежных паролей и понимание настроек конфиденциальности на разных платформах.

- Продвижение ответственного использования технологий: люди должны быть критическими потребителями информации, оценивать надежность онлайн-источников и продвигать ответственное использование цифровых технологий. Это включает в себя проверку фактов информации, предотвращение распространения дезинформации и использование цифровых инструментов этично и ответственно.

- Участие в цифровом управлении: отдельные лица могут участвовать в формировании цифровой политики, участвуя в публичных консультациях, предоставляя отзывы о предлагаемых нормативных актах и выступая за политику, поощряющую цифровые права и инклюзивность.

4. Международные организации

Международные организации, на наш взгляд, играют решающую роль в содействии глобальной цифровой инклюзии, предоставляя цифровую интеллектуальную собственность ресурсы, цифровые интеллектуальные блага и отстаивая интересы уязвимых слоев населения.

«Таким образом, права человека и проблемы социального неравенства в условиях глобальной цифровой трансформации постоянно находятся в фокусе

внимания Организации Объединенных Наций (ООН) и ее специализированных учреждений» [Бурьянов С.А., Бурьянов М.С. 2022, с. 3].

Международное сотрудничество имеет жизненно важное значение для решения глобальных проблем, включая цифровое неравенство. Международные организации, такие как Организация Объединенных Наций, ЮНЕСКО и Всемирный банк, могут способствовать сотрудничеству между странами, обмениваясь передовым опытом и выступая за политику, способствующую цифровой инклюзивности.

В этой структуре признается общая ответственность стран за обеспечение того, чтобы преимущества цифровых технологий были доступны всем, независимо от географического положения или социально-экономического статуса.

Всеобщая декларация прав человека, основополагающий документ, закрепляющий основные права всех людей, является основой международных усилий по решению проблемы цифрового неравенства. Признание в декларации права на общение требует предоставления доступа к коммуникационным технологиям, гарантируя, что все люди смогут в полной мере участвовать в глобальном цифровом ландшафте.

Международные организации могут выступать за применение принципов прав человека в цифровом обществе, продвигая политику, обеспечивающую равный доступ к цифровым услугам, защищающую конфиденциальность пользователей и борющуюся с дискриминацией в Интернете.

Однако, в процессе международных организаций по рассмотрению и решению проблемы цифрового неравенства есть достаточно пунктов, которые требуют доработки.

Так, принцип субсидиарности признает важность принятия решений на местном уровне и необходимость наделения местных сообществ полномочиями решать их конкретные проблемы. Хотя международные организации могут предоставлять руководство и поддержку, они должны уважать автономию

национальных государств в разработке политики, которая наилучшим образом соответствует их уникальным обстоятельствам и потребностям.

Этот подход признает, что цифровой ландшафт разнообразен, и разные страны сталкиваются с различными проблемами в преодолении цифрового неравенства. Хотя международные стандарты важны, они должны быть достаточно гибкими, чтобы учитывать особые потребности и контексты каждой страны.

Концепция глобальных общественных благ признает важность общих ресурсов и услуг, которые приносят пользу всем членам мирового сообщества. Цифровая инфраструктура, обмен знаниями и программы цифровой грамотности могут считаться глобальными общественными благами, способствующими экономическому росту, социальному прогрессу и глобальному сотрудничеству.

Международные организации могут играть значительную роль в продвижении этих глобальных общественных благ, облегчая доступ к цифровым ресурсам, способствуя обмену знаниями и содействуя развитию цифровых навыков во всем мире. Такой подход гарантирует, что преимущества цифровых технологий распределяются справедливо по всему миру, способствуя более справедливому и инклюзивному мировому сообществу.

Их усилия должны быть, на наш взгляд, сосредоточены на содействии международному сотрудничеству, поддержке национальных инициатив и устранении системных барьеров для цифрового доступа. Такой подход находит выражение в ряде мер:

а) Содействие глобальному сотрудничеству:

- Обмен передовым опытом: Международные организации могут способствовать обмену знаниями между странами, организуя программы обмена, конференции и семинары, демонстрирующие успешные модели цифрового включения. Такая трансграничная передача знаний может ускорить прогресс в преодолении цифрового неравенства.
- Совместные инициативы: Международные организации могут координировать совместные проекты и партнерства между

правительствами, частными компаниями и организациями гражданского общества для решения проблемы глобального цифрового неравенства. Это включает в себя использование коллективных ресурсов и опыта для разработки и внедрения инновационных решений.

- Выступая за всеобщий доступ: международные организации могут выступать за политику и правила, которые отдают приоритет всеобщему доступу к недорогим интернет-услугам, содействуют повышению цифровой грамотности и поддерживают развитие цифровой инфраструктуры в регионах с недостаточным уровнем обслуживания.

- Устранение цифрового неравенства внутри стран: Сосредоточение внимания на цифровом неравенстве внутри отдельных стран имеет решающее значение. Международные организации могут работать с правительствами для устранения неравенства между городскими и сельскими районами, различными социально-экономическими группами и различными этническими и языковыми меньшинствами.

б) Предоставление технической поддержки и финансирования:

- Развитие инфраструктуры: Международные организации могут оказывать финансовую и техническую помощь странам, инвестирующим в инфраструктуру широкополосной связи, особенно в районах с ограниченной связью. Это включает финансирование инфраструктурных проектов, предоставление технической экспертизы и предложение программ по наращиванию потенциала для местных сообществ.

- Развитие цифровых навыков: Международные организации могут поддерживать национальные усилия по разработке программ цифровой грамотности, учебных инициатив и образовательных ресурсов для повышения цифровых навыков у различных групп населения. Это может включать финансирование учебных программ, предоставление

поддержки в разработке учебных программ и содействие развитию цифровых навыков посредством международных партнерств.

- **Цифровые инновации и предпринимательство:** Международные организации могут поддерживать развитие экосистем цифровых инноваций, поощряя предпринимательство и продвигая использование технологий для общественного блага. Это включает в себя предоставление финансирования стартапам, продвижение программ цифрового предпринимательства и соединение местных новаторов с мировыми рынками.

в) **Защита цифровых прав:**

- **Продвижение свободы и доступа в Интернете:** Международные организации могут выступать за политику, которая защищает свободу в Интернете, способствует доступу к информации и защищает права пользователей в Интернете. Это включает в себя мониторинг нарушений цифровых прав, повышение осведомленности об онлайн-цензуре и поддержку усилий по продвижению свободного и открытого Интернета.

- **Борьба с онлайн-дискриминацией:** Международные организации могут выступать за политику и правила, которые борются с онлайн-дискриминацией, продвигая равенство и инклюзивность в цифровом пространстве. Это включает поддержку антидискриминационных законов, продвижение разнообразия и инклюзивности в Интернете и поощрение ответственного поведения в цифровых сообществах.

- **Защита конфиденциальности и безопасности данных:** Международные организации могут выступать за глобальные стандарты конфиденциальности данных, продвигая ответственные методы сбора данных и защищая информацию пользователей в Интернете. Это включает поддержку международных правил защиты данных, повышение

осведомленности о проблемах конфиденциальности данных и поощрение культуры безопасности данных.

Преодоление цифрового неравенства не является задачей для какого-либо одного субъекта; это требует совместных усилий с участием государств, частных компаний, отдельных лиц и международных организаций. Работая вместе, эти субъекты могут создать более инклюзивный и справедливый цифровой мир, который позволит каждому в полной мере участвовать в преимуществах цифровой эпохи. Реализация данного подхода, на наш взгляд, требует приверженности:

А. Инвестиции в инфраструктуру: обеспечение всеобщего доступа к недорогим и надежным интернет-услугам является основой цифровой интеграции.

Б. Развитие цифровых навыков: предоставление людям необходимых навыков для навигации в цифровом мире является ключом к раскрытию его потенциала.

В. Продвижение инклюзивных практик: создание цифрового пространства, доступного и гостеприимного для всех людей, независимо от их происхождения или способностей, имеет решающее значение.

Г. Защита цифровых прав: защита конфиденциальности пользователей, защита свободы выражения мнений и борьба с дискриминацией в Интернете имеют решающее значение для создания справедливого и равноправного цифрового общества.

Приняв коллективную приверженность этим принципам, мы сможем построить цифровой мир, который будет служить всем, не оставляя никого позади в цифровой революции.

Выводы из главы III:

(1) Проблему соизмеримости цифровых благ можно решать посредством введения индикатор ЕЦБ. ЕЦБ – это единица измерения цифровых благ, которая

позволяет соотносить между собой различные цифровые блага, координировать между собой количество и качество цифровых благ, гетерогенные цифровые блага переводить в гомогенные и, в конечном счете, соизмерять их между собой.

(2) Возможны различные классификации цифровых благ, – например, их можно делить на цифровое «вещественное» благо и цифровое «интеллектуальное» благо, субъективированное и объективированное цифровое благо, общеизвестное и новооткрытое интеллектуальное благо и т.п.

(3) Ключевые определения: (а) цифровая интеллектуальная собственность – это собственность на любое знание и информацию, на любую идею, на любое идеальное (интеллектуальное, духовное) имущество, содержащее в себе цифровые данные; (б) цифровое интеллектуальное благо (цифровой интеллектуальный ресурс) - определенная единица полезных человеку цифровых знаний и информации, которые он может накапливать; (в) цифровой интеллектуальный капитал – это цифровое интеллектуальное благо (цифровая интеллектуальная собственность), способное быть самовозрастающей стоимостью.

(4) Цифровое благо не осязаемо материально, не доступно нашим органам чувств, включая слух и зрение, то очевидно, оно попадает в разряд интеллектуальных благ (или, иначе, интеллектуальных ресурсов)

(5) Исходя из теории П.Бурдьё, можно ввести понятия «цифрового габитуса», «цифрового поля» и «цифрового общества».

Цифровой габитус – это социализированный субъект, конструирующий собственный цифровой мир и вступающий во взаимодействие с этим миром, и который является продуктом коллективной и индивидуальной цифровой истории. Цифровое поле – это система взаимодействий между цифровыми габитусами, где главной целью является увеличение своего цифрового капитала (или даже установлении монополии на него), которое также включает в себя всякую возможность присвоения, обмена и потребления цифровых благ. Цифровое общество – это совокупность цифровых пространств социума,

насыщенных цифровыми практиками, которые, в свою очередь, являются пересечением различных цифровых полей, где между собой взаимодействуют габитусы с их цифровыми капиталами.

Исходя из социально-философской теории интеллектуальной собственности А.М. Орехова, можно утверждать: (а) индивид овладевает цифровым благом через его познание, это овладение посредством познания, узнавания; (б) цифровое благо передается другому индивиду «с оставлением своей копии»; (в) отличить автора-генератора цифрового блага от его пользователя можно лишь путем установления временной метки; если такую временную метку нельзя обозначить, то отличить автора-создателя цифрового блага от пользователя никоим образом нельзя; (г) в случае цифрового блага процесс «реверсии», т.е. возвращения цифрового блага его создателю-владельцу.

(б) Анализ рекомендаций по преодолению цифрового разрыва выявил комплекс стратегических направлений. Критическим условием выступает модернизация инфраструктуры, обеспечивающая повсеместный доступ к стабильному интернет-соединению. Не менее значимым является формирование цифровой компетентности через адаптивные образовательные программы, учитывающие дифференциацию целевых групп. Правовое регулирование кибербезопасности и защиты данных укрепляет цифровой суверенитет, выступая основой устойчивого развития. Локальные инициативы, основанные на децентрализации управленческих решений, позволяют коррелировать меры с региональной спецификой. Системный эффект достигается за счет координации усилий государственных, коммерческих и общественных структур, объединяющих технологические, образовательные и социокультурные аспекты в рамках междисциплинарной модели.

Заключение

Проведённое исследование позволило выявить комплекс трансформаций, затрагивающих институт собственности в условиях цифровой эпохи, а также сформулировать теоретико-методологические и практические подходы к обеспечению справедливости в контексте стремительной цифровизации общественных отношений. Анализ эволюции собственности, структуры рынка труда, правовых режимов и социально-экономических дисбалансов продемонстрировал необходимость пересмотра традиционных парадигм в пользу адаптивных моделей, учитывающих специфику цифровых активов и вызовы глобализации.

Современные изменения института собственности обусловлены конвергенцией технологических, экологических и социальных факторов. Ключевым трендом выступает переход от жёстких моделей владения к гибридным формам, сочетающим децентрализацию, сетевые взаимодействия и коллективное управление ресурсами. Цифровые активы (криптовалюты, NFT, пользовательские данные) требуют переосмысления правовых категорий, поскольку их природа противоречит принципам исключительности и материальной фиксации. Это актуализирует разработку новых регуляторных механизмов, способных обеспечить баланс между стимулированием инноваций, защитой прав субъектов и предотвращением монополизации цифровых ресурсов. Теоретический вклад исследования заключается в адаптации концепций П. Бурдье («цифровой габитус», «цифровое поле») и теории А.М. Орехова, которые позволили интерпретировать цифровую собственность как динамическую систему взаимодействий, где ключевую роль играют накопление капитала, временные метки и процессы реверсии. Данный подход подчёркивает необходимость легитимации прав на продукты цифрового труда и защиты интересов работников в условиях прекаризации занятости, вызванной экспансией гиг-экономики.

Эмпирический анализ выявил структурные дисбалансы, усугубляемые цифровизацией. Диспропорции в доступе к технологиям воспроизводят социальную стратификацию, ограничивая участие уязвимых групп в экономических и гражданских процессах. Автоматизированные системы, несмотря на потенциал демократизации, зачастую реплицируют дискриминационные практики, что требует внедрения алгоритмического аудита и этических стандартов разработки ИИ. Правовые режимы интеллектуальной собственности, ориентированные на корпоративные интересы, создают барьеры для малого бизнеса и инноваторов, что подтверждает необходимость реформ, направленных на расширение открытого доступа к знаниям при сохранении стимулов для креативной деятельности.

Предложенная классификация цифровых благ (вещественные/интеллектуальные, субъективированные/объективированные) и введение индикатора ЕЦБ для их соизмерения формируют методологическую основу для стандартизации цифровых ресурсов. Это создаёт предпосылки для разработки междисциплинарных моделей управления, сочетающих экономические, правовые и этические аспекты. Особое значение имеют рекомендации по преодолению цифрового разрыва, включая модернизацию инфраструктуры, адаптивные образовательные программы и децентрализованные управленческие решения, которые способны снизить риски маргинализации отдельных групп.

Исследование обозначило ряд направлений для будущей научной работы. Во-первых, требуется углублённый анализ «цифрового габитуса» как фактора, определяющего стратегии накопления капитала в виртуальных средах. Во-вторых, остаётся открытым вопрос о правовом статусе алгоритмов и данных, генерируемых искусственным интеллектом, что требует разработки критериев атрибуции прав в условиях отсутствия чёткой субъектности. В-третьих, необходимо тестирование индикатора ЕЦБ в реальных экономических системах для оценки его применимости в регулировании цифровых рынков.

Кроме того, актуальным представляется изучение роли локальных инициатив в формировании цифрового суверенитета, а также анализ этических коллизий, возникающих при коммерциализации общественно значимой информации. Междисциплинарный подход, объединяющий философию, право, экономику и социологию, станет ключевым условием для создания устойчивых моделей цифровой трансформации.

Диспропорция в доступе к цифровым ресурсам воспроизводит социальную стратификацию, ограничивая участие уязвимых групп в экономических и общественных процессах. Неравенство проявляется в ограниченном доступе к образовательным инструментам, цифровым рынкам и государственным сервисам. Решение проблемы требует модернизации инфраструктуры (стабильный интернет), разработки адаптивных образовательных программ и локализации управленческих инициатив. Критическим условием выступает координация усилий государства, бизнеса и гражданского общества для преодоления структурных дисбалансов, включая интеграцию кибербезопасности и защиты данных в стратегии цифрового суверенитета.

Цифровое неравенство – это вид социального неравенства, который относится к несправедливости, существующей в доступе к цифровым благам в обществе, например, из-за разного уровня развития технологий, доступа в Интернет или цифровой грамотности. В качестве синонима «цифрового неравенства» автором используется концепт «информационное неравенство». Информационное неравенство – это неравенство в доступе к информации, в доступе к информационным благам. Цифровая справедливость – соответствие должного существующему в потреблении цифровых благ.

Все цифровые блага являются интеллектуальным продуктом. Цифровое интеллектуальное благо (цифровой интеллектуальный ресурс) – определенная единица полезных человеку цифровых знаний и информации, которые он может накапливать. Цифровая интеллектуальная собственность – это собственность на любое знание и информацию, на любую идею, на любое идеальное (интеллектуальное, духовное) имущество, содержащее в себе цифровые данные.

Цифровой интеллектуальный капитал – это цифровое интеллектуальное благо (цифровая интеллектуальная собственность), способное быть самовозрастающей стоимостью. Возможны различные классификации цифровых благ, – например, их можно делить на цифровое «вещественное» благо и цифровое «интеллектуальное» благо, субъективированное и объективированное цифровое благо, общеизвестное и новооткрытое интеллектуальное благо и т.п. Проблему соизмеримости цифровых благ можно решать посредством введения индикатор ЕЦБ. ЕЦБ – это единица измерения цифровых благ, которая позволяет соотносить между собой различные цифровые блага, координировать между собой количество и качество цифровых благ, гетерогенные цифровые блага переводить в гомогенные и, в конечном счете, соизмерять их между собой.

Исходя из теории П. Бурдьё, можно ввести понятия «цифрового габитуса», «цифрового поля» и «цифрового общества». Цифровой габитус – это социализированный субъект, конструирующий собственный цифровой мир и вступающий во взаимодействие с этим миром, и который является продуктом коллективной и индивидуальной цифровой истории. Цифровое поле – это система взаимодействий между цифровыми габитусами, где главной целью является увеличение своего цифрового капитала (или даже установлении монополии на него), которое также включает в себя всякую возможность присвоения, обмена и потребления цифровых благ. Цифровое общество – это совокупность цифровых пространств социума, насыщенных цифровыми практиками, которые, в свою очередь, являются пересечением различных цифровых полей, где между собой взаимодействуют габитусы с их цифровыми капиталами.

Цифровое неравенство представляет собой сложную проблему, затрагивающую доступ к цифровым ресурсам и технологиям, что в свою очередь нарушает принципы свободы, справедливости и демократии. Ключевые определения: (а) Цифровое неравенство – это неравенство в доступе к цифровым благам, приводящее в конечном счете к нарушению принципов «цифровой

справедливости» и «цифрового паритета»); (б) цифровая справедливость – правильное соотношение должного с сущим в сфере распределения цифровых благ и цифровой интеллектуальной собственности; (в) цифровая среда – это коммуникационная среда цифровых устройств. Цифровое неравенство можно классифицировать на несколько ключевых типов, включая инфраструктурное неравенство и неравенство в области цифровой интеллектуальной собственности. Инфраструктурное неравенство связано с доступом к необходимым технологиям и интернет-услугам, в то время как неравенство в цифровой интеллектуальной собственности касается прав на использование и распространение цифровых ресурсов. Понимание этих типов неравенства является критически важным для разработки эффективных стратегий и рекомендаций по их устранению и обеспечению равного доступа к цифровым благам.

Для решения проблемы цифрового неравенства требуется многоуровневое взаимодействие субъектов различных масштабов. На государственном уровне необходима разработка нормативно-правовых баз, обеспечивающих универсальный доступ к цифровой инфраструктуре и образовательным программам, направленным на развитие компетенций в области информационных технологий. Индивидуальная вовлеченность граждан предполагает осознанное участие в образовательных инициативах и поддержку политик, ориентированных на обеспечение цифровых прав. Корпоративный сектор обязан интегрировать в стратегии развития механизмы сокращения технологических диспропорций, включая финансирование доступных решений и инклюзивных сервисов. На глобальном уровне ключевым становится координация усилий международных институтов, предоставляющих ресурсную и методологическую базу для преодоления структурных ограничений и стимулирования межгосударственной кооперации. Системный подход к устранению цифровых разрывов подразумевает синхронизацию указанных мер при постоянном мониторинге их эффективности.

Проведённый анализ подтверждает, что цифровизация выступает не только технологическим феноменом, но и социальным процессом, переопределяющим базовые институты общества. Успешная адаптация к этим изменениям возможна лишь при условии синхронизации правовых, образовательных и инфраструктурных мер, направленных на минимизацию неравенства и обеспечение прозрачности цифровых взаимодействий. Результаты исследования могут служить основой для формирования государственных стратегий, корпоративных стандартов и международных регуляторных инициатив, ориентированных на построение инклюзивной цифровой экосистемы, где принципы справедливости и инновационный потенциал взаимно усиливают друг друга.

Список литературы

1. Августин А. Творения / Сост. и подгот. текста к печати С.И. Еремеева. - Санкт-Петербург: Алетейя; Киев: УЦИММ-пресс, 1998-. / Т. 3: О граде Божиим (Кн. 1-- 1998. - 595 с.; Т. 4: О граде Божиим (Кн. 14-22). - 584 с.
2. Алексеева Т.А. Справедливость: Морально-политическая философия Д. Роулса / Ин-т философии Рос. акад. наук. – М.: Наука, 1992. – 112 с.
3. Анохов И.В. Ловушка собственности в цифровую эпоху // Russian Journal of Economics and Law. 2020. №3.
4. Антопольский А.Б. Языки индексирования для цифровой гуманитаристики // Научно-техническая информация. Серия 2: Информационные процессы и системы. – 2022. – № 1. – С. 1-9.
5. Антопольский, А.Б. Проблемы классификации и идентификации информационных ресурсов // Там же. Сер. 1. Орг. и методика информ. работы. – 1997. – № 8. – С. 1–11.
6. Антропов В.В. Социально-экономическое неравенство в современном мире: инструментарий оценки, тенденции и стратегии преодоления // Экономика. Налоги. Право. – 2022. – Т. 15, № 3. – С. 21-37.
7. Арендт Х. Vita activa, или О деятельной жизни / Пер. с нем. и англ. В.В. Бибикина; Под ред. Д.М. Носова. — СПб.: Алетейя, 2000 г. — 437 с.
8. Аристотель. Политика // Аристотель; переводчик С. А. Жебелёв; под общей редакцией А. И. Доватура. – Москва: Издательство Юрайт, 2024. – 297 с.
9. Архипова Е.Б., Бородкина О.И. Проблемы и противоречия цифровой трансформации социальных служб в России // Социология науки и технологий. – 2021. – Т. 12, № 4. – С. 116-134.
10. Асеева И.А. Антропологическая адекватность как показатель человекомерности цифровизации // Общественные науки и современность. 2022. № 5. С. 156-164

11. Асеева И.А., Буданов В.Г., Маякова А.В. От цифровых технологий к обществу тотального контроля? // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2021. №59. С. 54.
12. Аслаханова С.А., Ханалиева А.А. Роль экономического неравенства в экономическом росте и развитии // Тенденции развития науки и образования. – 2024. – № 106-4. – С. 44-47.
13. Ашкеров А. По справедливости: эссе о партийности бытия / А. Ашкеров. - М.: Европа, 2008. - 243 с.
14. Баканов С.А. Бюджетное неравенство в СССР в 1950-1980-е гг // Уральский исторический вестник. – 2022. – № 3(76). – С. 153-160.
15. Бакут П.А., Шумилов Ю.П. Информационные ресурсы: вопросы теории и практики // Информационные ресурсы России. – 1999. – № 3. – С. 18–20.
16. Балацкий Е.В. Институт социального неравенства и экономический рост // ИИС. 2020. – Т. 12, № 1. – С. 66-83.
17. Бердяев Н.А. Философия неравенства. Письма к недругам по социальной философии. Берлин: Обелиск, — 246 с.
18. Берестова Т.Ф. Общедоступная библиотека как часть информационного пространства (Теоретико-методологические основания): специальность 05.25.03 «Библиотечковедение, библиографоведение и книговедение»: диссертация на соискание ученой степени доктора педагогических наук/ – Москва, 2005. – 51 с.
19. Берестова Т.Ф. Понятие «информационный ресурс» имеет право на существование. (Размышления, вызванные статьёй Ю.Н. Столярова «Несостоятельность понятия «информационный ресурс»») // Научные и технические библиотеки. – 2017. – № 7. – С. 75–90.
20. Бибихин В.В. Собственность. Философия своего - СПб.: Наука, 2012. - 536 с.
21. Бикеева М.В. Моисеева И.В. Монетарные и немонетарные подходы к оценке экономического неравенства и бедности // Экономика и управление в XXI веке: новые вызовы и возможности: материалы Всероссийской научно-

практической конференции, Саранск, 29–30 ноября 2019 года. – Саранск: Индивидуальный предприниматель Афанасьев Вячеслав Сергеевич, 2019. – С. 53-57.

22. Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Дело. 1994.

23. Бобровский О.В., Каира Ю.В. Сравнение современных международных систем социальной стратификации // Образование и общество. – 2011. – № 6 (71). – С. 58-62.

24. Богатов М.А. Бытие произведения искусства: феноменологический анализ: диссертация ... доктора философских наук: 09.00.01 / Богатов Михаил Александрович; [Место защиты: Сарат. нац. исслед. гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского]. — Саратов, 2018. — 322 с.

25. Брызгалина Е.В., Алексеева Д.А., Дряева Э.Д. Цифровые трансформации педагогики: опыт повышения квалификации // Высшее образование в России. – 2021. – Т. 30, № 5. – С. 161-167.

26. Бугай Д.В. Проблема справедливости в первой книге “Государства”: Фрасимах // Вопросы философии. 2016. № 5. С.137–146.

27. Бузгалин А.В. Собственность как объект теоретического исследования: политическая экономия и экономическая политика // ЭНСР. 2020. №4 (91).

28. Бурдьё П. Начала. М.: Праксис. 1994.

29. Бурдьё П. Поле науки // Социология под вопросом. М.: Праксис. 2005.

30. Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики. СПб.: Алетейя. 2005.

31. Бурдьё П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002. № 2. С.60-74.

32. Бурьянов С.А., Бурьянов М.С. Глобальные вызовы цифрового неравенства и перспективы их правового урегулирования // Мировые цивилизации. – 2022. – Т. 7, № 2 с. 1-7.

33. Буткалюк В.А. Проблема социально-экономического неравенства в глобальном и национальном измерении // Наука. Культура. Общество. 2021. Том 27. № 4. С. 66-75.

34. вгустин А. О свободе воли. Кн. II / Пер. М. Ермаковой, А. Шарниной. О христианском учении / Пер. С. Неретиной. // Антология средневековой мысли. В т. — Т. 1. — СПб.: РХГИ, 2001. — С. 19-112.

35. Водичев Е.Г. Экономическое неравенство и советский эгалитаризм: идеи и идеалы от Сталина до Хрущева // Уральский исторический вестник. — 2022. — № 1(74). — С. 63-71.

36. Воронцовская Л.Г. Глобальные и национальные тенденции бедности и экономического неравенства // Вестник Прикамского социального института. — 2022. — № 1(91). — С. 77-83.

37. Гайдук В.П. Эволюция права интеллектуальной собственности в цифровую эпоху // Журнал российского права. 2020. №2.

38. Гарифуллина А.Ф., Валишина Н.Р. Цифровое государство: актуальные проблемы и пути их решения // Муниципальная академия. — 2024. — № 2. — С. 248-253.

39. Гегель Г. В. Ф. Философия права. Пер. с нем.: Ред. и сост. Д. А. Керимов и В. С. Нерсесянц; Авт. вступ. ст. и примеч. В. С. Нерсесянц. - М.: Мысль, 1990. 524 с., 1 л. портр. - (Филос. наследие).

40. Гладкова Д.О. Экономическое неравенство: проблемы и перспективы // Материалы XXIV научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов и студентов Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва: Материалы конференции. В 3-х частях, Саранск, 19–21 мая 2021 года / Сост. А.В. Столяров, отв. за выпуск П.В. Сенин. Том Часть 3. – Саранск: Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, 2021. – С. 405-410.

41. Глотина И.М. К вопросу об экономической сущности информационных ресурсов // КЭ. 2020.

42. Голенков С.И. К экзистенциальным основаниям собственности // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология. 2010. №1.

43. Гольбрайх В.Б. Экологические конфликты в России и цифровое сетевое участие // Социологические исследования. 2019. № 6. С. 74-85.
44. Гончарова Н.А. Экономическое неравенство в современной мировой экономике // Актуальные вопросы экономики и управления: наука и практика. Кriuлинские чтения: Сборник материалов всероссийской научно-практической конференции, Курск, 15 мая 2021 года. – Курск: Курский государственный университет, 2021. – С. 107-111.
45. Горшков М.К. О социальных результатах постсоветских трансформаций // Социологические исследования. 2019. № 11. С. 3–17.
46. Горшков М.К. Российское общество в социологическом измерении // Вестник Российской академии наук. – 2020. – Т. 90, № 3. – С. 232–242.
47. Грабова О.Н., Суглобов А.Е. Цифровая собственность и новые экономические отношения // Финансы: теория и практика. 2019. №6.
48. Гребенникова А.А., Масляков В.В., Салтыкова О.П. Цифровое неравенство в России: последствия и способы преодоления // Индустриальная экономика. 2022. № 3-8. С. 684–690.
49. Груздев А.А., Самарин А.С., Илларионов Г.А. Проекты цифровой философии в контексте развития Digital Humanities // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2023. – Т. 16, № 7. – С. 1165-1176.
50. Гумплович Л. Основы социологии. Пер. с нем. под ред. В.М. Гессена. – М.: Либроком, 2010. – 368 с.
51. Гусейнов А.А. 2001. Справедливость. Этика. Энциклопедический словарь. Под ред. Р.Г. Апресяна, А.А. Гусейнова. М.: Гардарики. С. 457-460.
52. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая / Пер. с нем. А.В. Михайлова; Вступ. ст. В.А. Куренного. - М.: Академический Проект, 2009. - 489 с.
53. Данилова Л.Н., Ледовская Т.В., Солянин Н.Э., Ходырев А.М. Основные подходы к пониманию цифровизации и цифровых ценностей //

Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2020. №2. — С. 7.

54. Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы /Пер. с нем. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002. – 288 с.

55. Дорофеев М.Л. Анализ причин долгосрочных изменений экономического неравенства в мировой экономике. Финансы: теория и практика/Finance: Theory and Practice. 2020;24(6):174-186.

56. Дорофеев М.Л. Влияние монетарной политики на уровень экономического неравенства в США. Вестник МГИМО-Университета. 2020;13(5):97-114

57. Дроздов О.А. Экономическое неравенство в России и перспективы его сокращения // Научные труды Вольного экономического общества России. 2020. – Т. 224, № 4. – С. 324-341.

58. Евреева К.Р. Максимов В.А., Трофимова Г.А. Экономическое неравенство и социальная несправедливость в России // Human Progress. – 2020. – Т. 6, № 2. – С. 12.

59. Ефремов О.А. Месседжерная коммуникация и клиповое мышление в условиях цифровизации / О.А. Ефремов // Философия и общество. – 2023. – № 1(106). – С. 26.

60. Женина Л.В. Пермское земство и проблема экономического неравенства на рубеже 19-20 веков // Тенденции развития мировой торговли в XXI веке: Материалы VIII Международной научно-практической конференции, посвященной 55-летию учебного заведения, Пермь, 22–31 октября 2019 года. – Пермь: Пермский институт (филиал) РЭУ им. Г.В.Плеханова, 2019. – С. 157-162.

61. Зиновьева Е.С. Форматирование цифровых границ и информационная глобализация: Анализ с позиций критической географии // Полис. 2022. № 2. С. 8-21

62. Золотухина-Аболина Е.В. Справедливость: старые новые ракурсы проблемы // Гуманитарий Юга России. 2022. №1.

63. Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма. М.: Издательство Института Гайдара, 2022
64. Зулкарнаева П.Л., Оздамирова Л.М., Борисов А.Н. Преодоление цифрового разрыва: обеспечение равного доступа к технологиям в образовании // Научно-технический вестник Поволжья. – 2023. – № 12. – С. 287-289.
65. Иванов Д.В., Асочаков Ю.В. Цифровизация и критическая теория общества // Социс, 2023, № 6. С.16-29.
66. Канарш Г.Ю. Элитаристский дискурс справедливости: теоретические истоки // Знание. Понимание. Умение. 2019. №1.
67. Кант И. Собрание сочинений в 8 томах. — Издательство: ЧОРО, 1994 г.
68. Карчагин Е.В., Токарева С.Б., Яворский Д.Р. Понятие справедливости в истории ранневизантийской мысли (IV-VII вв.) // Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2017. №5.
69. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура: Пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. — М.: ГУ ВШЭ, 2000. — 608 с.
70. Катрин Е.В. "Цифровизация": научные подходы к определению термина // Вестник ЗабГУ. 2022. №5. — С. 52.
71. Кашников Б.Н. Либеральные теории справедливости и политическая практика России / Великий Новгород: Новгород. гос. ун-т им. Ярослава Мудрого, 2004. — 258 с.
72. Кентерберийский А. Сочинения. М., Канон, 1995. С.123-166.
73. Киселева Л.С., Семенова А.А. Цифровое общество. Словарь-справочник. М.: Проспект. 2023. 152 с.
74. Ключкин Ю.С. Возможности разрешения проблем информационной грамотности пожилого поколения // Миссия конфессий. – 2024. – Т. 13, № 4(77). – С. 68-77.
75. Коган В.З. Теория информационного воздействия: филос.-социолог. очерки / В.З. Коган. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1991. – 320 с.

76. Конт О. Дух позитивной философии: Слово о положительном мышлении. Пер. с фр. – Изд. 2-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – 80 с. – (Из наследия мировой философской мысли: история философии).

77. Конт О. Общий обзор позитивизма / Перевод с французского И. А. Шапиро. Под ред. Э. Л. Радлова. – Изд. 2-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – 296 с. – (Из наследия мировой философской мысли: история философии)

78. Коньчева Н.А. Сравнительная оценка экономического неравенства как проблемы повышения уровня жизни населения // Развитие территории в условиях современных вызовов: (X Рязанские социологические чтения) : Материалы Национальной научно-практической конференции, Рязань, 12–13 ноября 2020 года / Отв. редактор Р.Е. Маркин. – Рязань: ООО "Издательство Ипполитова", 2020. – С. 281-286.

79. Кузьменко В.С., Путята Г.А., Путята Н.В. Цифровая экономика и равенство регионального развития: анализ неравенств и пути их устранения // Актуальные проблемы современной науки: взгляд молодых учёных: Материалы Национальной научно-практической студенческой конференции, Брянск, 13–14 декабря 2023 года. – Брянск: Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, 2023. – С. 299-306.

80. Латыпов И.А. Социально-философские аспекты не вещественной собственности в информационном обществе. Ижевск: КнигоГрад, 2008. 312 с.

81. Лешкевич Т.Г. Парадокс доверия к искусственному интеллекту и его обоснование // Философия науки и техники. 2023. №1. — С. 37.

82. Лисенкова А.А., Труфанова Е.О. Цифровой эскапизм – от аддикции до аскетизма // Galactica Media: Journal of Media Studies. – 2023. – Т. 5, № 3. – С. 22-23.

83. Лукичѳв П.М. "Новое неравенство" и экономический рост после COVID-19 // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2021. – Т. 31. – № 3. – С. 380-387.

84. Луцкая Е.Е. Кризис 2008 Г.: его последствия и новые вызовы для глобальной финансовой системы // Социальные и гуманитарные науки.

Отечественная и зарубежная литература. Серия 2: Экономика. Реферативный журнал. – 2019. – № 2. – С. 51-56.

85. Макиавелли Н. Государь / Н. Макиавелли; перевод с итальянского Г. Муравьева. – Москва: Эксмо, 2024. – 160 с.

86. Макконнелл К., Брю С. Экономикс: Принципы, проблемы и политика. М.: Республика. 1992. Т.1-2.

87. Максимов Л.В. К понятию справедливости: аналитические заметки // Этическая мысль. 2017. №2.

88. Марача В.Г. Цифровизация и социокультурный мир // Гигиена культуры. Культура в цифровом обществе/ Будапешт: Каирос, 2020. — С. 126.

89. Маркс К. Капитал. Полная квинтэссенция 3-х томов / К. Маркс; пер. с нем. С. Алексеева; сост. и пре-дисл. Ю. Борхардта - Москва: Издательство АСТ. 2019. - 352 с. - (Классика истории и культуры).

90. Меликян А.А. Детерминанты цифрового неравенства на примере регионов России // Российский экономический журнал. 2023. № 1. С. 60-79.

91. Неугодников А.П. Пропетология как междисциплинарное направление в социально-гуманитарных науках // Манускрипт. 2017. №8(82).

92. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: «Русский язык». 1991.

93. Орехов А, Неугодников А.П. Пропетология как междисциплинарная область знания: в преддверии межмозинарного синтеза // Манускрипт. 2019. №2. С. 85-89.

94. Орехов А.М. Интеллектуальная собственность: опыт социально-философского и социально-теоретического исследования. М.: УРСС. 2009.

95. Орехов А.М. Социальная философия: Предмет, структурные профили и вызовы на рубеже XXI века. - М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. - 272 с.

96. Орехов А.М., Чубаров Н.А. Цифровое неравенство и цифровая справедливость: социально-философские аспекты проблемы // Вестник РУДН (сер. Философия), 2024, № 1. С.260-272.

97. Оркина Е.А. Интеллектуальная собственность в цифровой среде: проблемы и решения // Философия права. 2020. №2 (93).

98. Останина О.А. Цифровизация и образ науки // Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, социуме: Труды IV Международной научной конференции / Под общей ред. И.Т. Касавина, Е.В. Сухановой. [Электронный ресурс]. – Москва: Изд-во «Русское общество истории и философии науки», 2023. — С. 54.
99. Пайпс Р. Собственность и Свобода. Пер. с англ.яз (Richard Pipes. Property and Freedom. Alfred A. Knopf, New York, 1999). — М.: Московская школа политических исследований. 2008. — 416 с.
100. Патрунина К.А. Глобальное экономическое неравенство: тенденции и факторы развития // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2022. – Т. 1, № 2(122). – С. 85-92.
101. Перзановски А., Шульц Дж. Конец владения: Личная собственность в цифровой экономике, М.: «Дело». 2019.
102. Петрова Т.А. Неравенство доходов как угроза экономической безопасности: отечественная и зарубежная практика // Проблемы комплексной безопасности Каспийского макрорегиона: Материалы Международной научно-практической конференции, Астрахань, 31 мая 2023 года / Под общей редакцией А.П. Романовой, Д.А. Черничкина. – Астрахань: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Астраханский государственный университет имени В.Н. Татищева", 2023. – С. 214-219.
103. Пикетти Т. Капитал в XXI веке / пер. с фр. А.Л. Дунаев, науч.ред.пер. А.Ю.Володин. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. 592 с.
104. Платон. Государство // Сочинения в четырех томах. Т. 3. Ч. 1 / Под общ. ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса; Пер. с древнегреч. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та; «Изд-во Олега Абышко», 2007. – 752 с
105. Плутков Л. Е., Русакова М. М., Гузева Д. В. Цифровизация психологической помощи: факторы и тенденции (на примере Санкт-Петербурга) // Социологические исследования. 2023. № 7. С. 53-62.
106. Подорога В.А. Вопрос о вещи. Опыты по аналитической антропологии. — М.: ООО «Издательство Грюндриссе», 2016. — 348 с.

107. Попкова Н.В. Философский анализ техники и философия диалога // Философия науки и техники. 2023. №1. С. 79-90.
108. Прилепская Ю.В. Экономическое неравенство в условиях глобализации // Стратегия предприятия в контексте повышения его конкурентоспособности. – 2024. – № 13. – С. 262-266.
109. Прокофьев А.В. Дискуссия о пределах справедливости и обязанности перед будущими поколениями // Вестник РУДН. Серия: Философия. 2013. №3.
110. Прончев Г.Б. Становление электронно-цифровой цивилизации: ключевые понятия. Часть 2 // Теория и практика общественного развития. – 2022. – № 7(173). – С. 47-55.
111. Прудон П.Ж. Что такое собственность? или Исследование о принципе права и власти / Пер. с фр. Е. и И. Леонтьевых; вступ. ст. А. Ю. Федорова. — Изд. 2-е, доп. — М.: URSS, 2010. — IX, 268 с.
112. Решетников А.В., Присяжная Н.В. Образование в условиях пандемии: векторы цифровой трансформации // Социологические исследования. 2022. № 4. С. 149-151.
113. Ровинская Т.Л. Свобода слова в условиях цифровой диктатуры IT-корпораций // Полис. 2022. № 2. С. 22-36
114. Рожков Е.В. Экономические неравенства при внедрении цифровых платформ // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление. – 2022. – № 1(57). – С. 235-243.
115. Ролз Дж. Теория справедливости: Пер. с англ. / Науч. ред. и предисл. В.В. Целищева. Изд. 2-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2010 —536 с.
116. Романов И.В. Современная проблематика экономического неравенства // Актуальные проблемы науки и практики: Гатчинские чтения—2019: Сборник научных трудов по материалам VI Международной научно-практической конференции, Гатчина, 17–18 мая 2019 года. Том 1. – Гатчина: Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, 2019. – С. 547-551.

117. Савина О.В. Международная миграция: от экономического неравенства к социальному // Постсоветский материк. 2022. – № 3(35). – С. 25-34.

118. Савина Т.Н., Родина Е.Е., Забелина С.А. Социально-экономическое неравенство: от истоков теории к проблемам практики // Вестник МФЮА. 2022. №4. – С. 250-263.

119. Сапир Е.В., Чистякова А.А. Проблема экономического неравенства в современном мире: измерение и перспективы решения // Теоретическая экономика. 2021. – № 4(76). – С. 108-118.

120. Сартр Ж.П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии / Пер. с фр., предисл., примеч. В. И. Колядко. — М.: Республика, 2000. — 639 с.

121. Саушкина Е.А. Актуальные проблемы преодоления цифрового и информационного неравенства для жителей отдалённых, труднодоступных, малонаселённых регионов // Новая экономика, бизнес и общество: Сборник материалов Апрельской научно-практической конференции молодых исследователей, Владивосток, 11 апреля – 19 2022 года. – Владивосток: Дальневосточный федеральный университет, 2022. – С. 732-735.

122. Свидинская С.А. Роль государства в борьбе с цифровым неравенством // Эффективное государственное и муниципальное управление как фактор социально-экономического развития территорий: Сборник научных статей III Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов, молодых ученых, Севастополь, 20 апреля 2022 года. – Севастополь: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования "Севастопольский государственный университет", 2022. – С. 134-138.

123. Сен А. 2016. Идея справедливости. Москва: Изд-во Ин-та Гайдара; Либерал. миссия. 520 с.

124. Сен А. Развитие как свобода / Амартия Сен; [пер. с англ. под ред. и с послесл. Р. М. Нуреева]. — [Москва]: Новое изд-во, Либер. миссия, 2004. — 430 с.

125. Сен-Симон А. Мемуары. М.: Ладомир, Наука. 2007.

126. Сидорина Т.Ю. Цивилизация труда [Текст]: заметки социального теоретика / Т. Ю. Сидорина. — Санкт-Петербург: Алетейя, 2014. — 396 с.
127. Симора П.У., Римский В.П., Римская О.Н. Философия собственности // Наука. Искусство. Культура. 2022. №4 (36).
128. Сляднева Н.А. Библиография в системе универсума человеческой деятельности: опыт системнодеятельностного анализа: моногр. Моск. гос. ин-т культуры. – Москва, 1993. – 227 с.
129. См.: Schiller H. Critical Research in the Information Age. Journal of Communication, 1983, 33 (3); Schiller H. The Communication Revolution: Who Benefits. Media Development, 1983, 3 (4); Schiller H. The World Crisis and the New Information Technologies. Columbia Journal of World Business, 1983, 18 (1).
130. Смирнов С.Н. Новые исследования экономического неравенства // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 2: Экономика. Реферативный журнал. – 2020. – № 2. – С. 153-158.
131. Соколов А.В. Библиографическая информация – всеобщая сущность библиографии // Соколов А.В. Ретроспектива-60. – Санкт-Петербург: Независимая гуманитарная академия, 1994. – 446 с.
132. Соколов В.В. Философская доктрина Томаса Гоббса: Бытие, познание, человек и общество. М.: ЛКИ, 2010. 72 с.
133. Соколова Е.Ю. О некоторых подходах к измерению экономического неравенства // Инновации и инвестиции. 2022. №3. – С. 96-101.
134. Солдаткина О.Л. Информационные ресурсы российской правовой политики: общетеоретический аспект: специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. – Саратов, 2011. – 26 с.
135. Соленая О.А., Яковлева А.А. Проблема представления термина «цифровизация»: отечественный и зарубежный опыт // Культура и природа политической власти: теория и практика: Сборник научных трудов / Под общей

редакцией А.А. Керимова. – Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2023. – С. 289-293.

136. Соловьев В.С. Собр. соч.: в т. / под ред., с примеч. С.М. Соловьева и Э.Л. Радлова. 2-е изд. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение», 1911-1914.

137. Спенсер Г. Основания социологии Том2. М.: Книга по Требованию, 2012. 412 с.

138. Суханова Е.В., Бурков А.Д. Бог из машины: взаимосвязь природного, человеческого и технического // Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, социуме: Труды IV Международной научной конференции / Под общей ред. И.Т. Касавина, Е.В. Сухановой. [Электронный ресурс]. – Москва: Изд-во «Русское общество истории и философии науки», 2023. — С. 105.

139. Сухарев О.С. Неравенство и его влияние на экономическое развитие // Экономика. Налоги. Право. – 2022. – Т. 15, № 3. – С. 6-20.

140. Тихонов А.В., Богданов В.С. От «умного регулирования» к «умному управлению»: социальная проблема цифровизации обратных связей // Социологические исследования. 2020. № 1. С. 74-81.

141. Тихонова Н.Е. «Негативная стабилизация» и факторы динамики благосостояния населения в посткризисной России // Социологический журнал. 2019. № 1. С. 27-47.

142. Тихонова Н.Е. Особенности идентичностей и мировоззрения основных страт современного российского общества // Мир России: Социология, Этнология. 2020. Т. 29. № 1. С. 6–30.

143. Трофимова Г.А. Экономическое неравенство: согласование измерений с методами макроэкономического анализа // Human Progress. – 2022. – Т. 8, № 3. – С. 9.

144. Троян И.А., Кравченко Л.А., Гиндес Е.Г. Цифровое неравенство и направления его преодоления в контексте развития человеческого капитала // Народонаселение. – 2023. – Т. 26, № 2. – С. 114-126.

145. Трубина А.А. Место и роль понятия собственности в работе М. Штирнера «Единственный и его собственность» // Власть. 2012. №1.
146. Федеральный закон от 20 февраля 1995 года N 24-ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации». [Электронный ресурс]. URL: [http:// www.consultant.ru](http://www.consultant.ru) (дата обращения: 27.08.2024).
147. Филатов Д.А. Проблема экономического неравенства в XXI веке // Актуальные проблемы и перспективы развития потребительского рынка: Материалы XII Международной научно-практической конференции студентов и учащихся, Пермь, 04–12 декабря 2023 года. – Пермь: Пермский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова», 2023. – С. 305-310.
148. Фомина М. В. Луценко Е.А., Стародуб А.А. Цифровое неравенство: сущность, факторы, формы проявления в России // Использование информационных технологий в различных сферах деятельности: Сборник научных статей международной научно-практической конференции, посвященной 60-летию основания университета, Гомель, 14 марта 2024 года. – Гомель: Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации, 2024. – С. 135-139.
149. Франк С.Л. Социализм и собственности // Русская философия собственности (XVIII–XX вв.) / авт.-сост. К. Исупов, И. Савкин. СПб.: СП «Ганза», 1993. 512 с
150. Фридман М. Капитализм и свобода. – М.: Новое издательство, 2006. – 240 с.
151. Хайдеггер М. Бытие и время / М. Хайдеггер; Пер. с нем. В.В. Бибихина. — Харьков: «Фолио», 2003. — 503 с.
152. Халипова Е.В. Социология интеллектуальной собственности, М.: Луч. 1995.
153. Хусяинов Т.М. Запутывая «цифровые следы» // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2021. Т. 4. № 1. С. 45-50.

154. Царева Е.С. Проблема экономического неравенства населения // Актуальные вопросы современной экономической науки: Материалы XII Международной научной конференции, Астрахань, 22 апреля 2022 года / Составители: Е.О. Вострикова, Л.П. Гвоздарёва. – Астрахань: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования "Астраханский государственный университет", 2022. – С. 185-187.

155. Цицерон М.Т. Диалоги / Сост.: Веселовский И.Н., Горенштейн В.О., Утченко С.Л.; Отв. ред.: Утченко С.Л. - М.: Наука, Ладомир, - 223 с.

156. Чеботарева Е.Э. Проекты Digital Humanities как этап развития гуманитарной науки: попытка метацифрового взгляда // Эпистемология и философия науки. 2023. Т. 60. № 2. С. 224-240.

157. Чернавин Ю.А., Барина Г.В. Человек в пространстве цифровой культуры // Вопросы философии. 2023. № 4. С. 30-39.

158. Чернякова Ю.Д. Трофимова Г.А. Экономическое неравенство: развитие аналитического инструментария // Human Progress. – 2020. – Т. 6, № 4. – С. 11.

159. Чичерин Б.Н. Философия права. - СПб.: Наука, - 656 с.

160. Чубаров Н.А Социально-философский анализ феномена «цифровой ресурс»: аспекты воздействия на экономику // Социально-гуманитарные знания. 2024. №10. С. 133-136.

161. Чубаров Н.А. Цифровое неравенство и цифровые блага: философско-методологический анализ // Гуманитарный вестник. – 2024. Вып. 4. С. 104-113.(оформляется как электронный ресурс)

162. Шваб К. Четвертая промышленная революция: монография: пер. с англ. — М: Изд-во «Эксмо»: ил. — (Top Business Awards), 2016. — 208 с.

163. Шеремет А.Н. Пандемия неравенства. Социально-экономические аспекты и последствия COVID 19 // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. 2020. №4. С. 136–141.

164. Шилова В.А., Богданов В.С. Управление в цифровом обществе (по материалам круглого стола) // Социологические исследования. 2022. № 11. С. 158-160.
165. Шишкова А.В. Китайский опыт цифровизации образования в постпандемическом мире // Актуальные аспекты развития науки и общества в эпоху цифровой трансформации: Сборник материалов VII Международной научно-практической конференции, Москва, 28 апреля 2023 года. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Издательство АЛЕФ", 2023. – 109-116 с.
166. Штирнер М. Единственный и его собственность / М. Штирнер: [пер. с нем, М.Л. Гохшиллера, Б.В. Гиммельфарба, вступ. ст. Д.С. Хаустова]. – М.: РИПОЛ классик, 2017. - 464 с.
167. Abidin C. Internet Celebrity: Understanding Fame Online. – Bingley: Emerald Publishing, 2018. – 216 p.
168. Anand N, Brass I. Responsible innovation for digital identity systems. *Data & Policy*. 2021;3:e35.
169. Belas L. Kant a Machiavelli Historico-filozoficka analiza a komparacia. Presov s.r.o. 2013.
170. Bhargava V.R., Velasquez M. Ethics of the Attention Economy: The Problem of Social Media Addiction. *Business Ethics Quarterly*. 2021;31(3):321-359.
171. Boie M.A.K., Dalsgaard C., & Caviglia F. (2024). Digital instinct—A keyword for making sense of students' digital practice and digital literacy. *British Journal of Educational Technology*, 55, 668–686.
172. Boldrin M. & Levine D.K. (2008) *Against Intellectual Monopoly*. Cambridge University Press, Cambridge.
173. Bourdieu P. The Forms of Capital // *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education* / Ed. by J. Richardson. – New York: Greenwood, 1986. – P. 241–258.
174. Boyle J. (2008). *The public domain: Enclosing the commons of the mind*. Yale University Press.

175. Bratton B.H. *The Stack: On Software and Sovereignty*. – Cambridge: MIT Press, 2015. – 528 p.
176. Burgess J. *Platform Creativity: Algorithmic Production and Cultural Participation // Social Media + Society*. – 2021. – Vol. 7(1). – P. 1–10.
177. Burgess J., Green J. *YouTube: Online Video and Participatory Culture*. – 2nd ed. – Cambridge: Polity Press, 2018. – 200 p.
178. Castells M. (2010) *The Information Age: Economy, Society, and Culture*. Malden, MA: Wiley-Blackwell.
179. Chetty R., Friedman J.N., Hendren N., Stepner M. (2020). *The Economic Impacts of COVID-19: Evidence from a New Public Database Built Using Private Sector Data*. Technical Report, National Bureau of Economic Research.
180. Cocq C. (2021). Revisiting the digital humanities through the lens of Indigenous studies—or how to question the cultural blindness of our technologies and practices. *Journal of the Association for Information Science and Technology*, 73(2), 333–344.
181. Cohen J.E. *Between Truth and Power: The Legal Constructions of Informational Capitalism*. New York: Oxford University Press, 376 pp.
182. Couldry N., Hepp A. *The Mediated Construction of Reality*. – Cambridge: Polity Press, 2017. – 240 p.
183. Crawford K. *Atlas of AI: Power, Politics, and the Planetary Costs of Artificial Intelligence*. — Yale University Press, 2021. — 336 c.
184. David M.J.L. The science of fake news. *Science* 359, 1094-1096(2018). doi:10.1126/science.aao2998.
185. David M.J.L., Matthew A. Baum, Yochai Benkler, Adam J. Berinsky, Kelly M. Greenhill, Filippo Menczer, Miriam J. Metzger, Brendan Nyhan, Gordon Pennycook, David Rothschild, Michael Schudson, Steven A. Sloman, Cass R. Sunstein Emily A. Thorson, Duncan J. Watts and Jonathan L. Zittrain, The science of fake news. *Science* 359,1094-1096 (2018).
186. Drèze J., Sen A. *An Uncertain Glory: India and its Contradictions*. Princeton: Princeton University Press. USA. 2013. 448.

187. Duffy B.E. *Remake, Remodel: Women's Magazines in the Digital Age*. – Urbana: University of Illinois Press, 2017. – 224 p.
188. Eubanks V. (2018) *Automating Inequality: How High-Tech Tools Profile, Police, and Punish the Poor*. New York: Picador, St Martin's Press. *aw, Technology and Humans* 1 (November): 162-64.
189. Ferritto R. (2024). Will policy help close the digital gender divide? An intersectional feminist policy analysis of Ethiopia's national digital policy. *Development Policy Review*, 00, e12743.
190. Geuer L. (2023), *ACHEMA 2022 – Digital Twins*. *Chemie Ingenieur Technik*, 95: 842-846.
191. Gillespie T. *Custodians of the Internet: Platforms, Content Moderation, and the Hidden Decisions That Shape Social Media*. – New Haven: Yale University Press, 2018. – 288 p.
192. Greeley G., Peña T., & Rajaram S. (2022). Social remembering in the digital age: Implications for virtual study, work, and social engagement. *Memory, Mind & Media*, 1, E13. P. 17.
193. Gussek L., & Wiesche M. (2024). Understanding the careers of freelancers on digital labor platforms: The case of IT work. *Information Systems Journal*, 1–39.
194. Hargittai E. (2002). Second-Level Digital Divide: Differences in People's Online Skills. *First Monday*, 7(4).
195. Henman PWF. *Digital Social Policy: Past, Present, Future*. *Journal of Social Policy*. 2022;51(3):535-550.
196. Hobbes T. *Leviathan, or, The matter, forme, and power of a common wealth, ecclesiasticall and civil*. London: Printed for Andrew Crooke, 1651.
197. Imran A. (2023). Why addressing digital inequality should be a priority. *The Electronic Journal of Information Systems in Developing Countries*, 89(3), e12255.
198. Jenkins H., Ito M., Boyd D. *Participatory Culture in a Networked Era: A Conversation on Youth, Learning, Commerce, and Politics*. – Cambridge: Polity Press, 2016. – 260 p.

199. Kockmann N. (2020), Der Schnellstart in die digitale Lehre unter Corona-Randbedingungen. *Chemie Ingenieur Technik*, 92: 1877-1886.
200. L. Groos, D. Kranz, L.S. Lieber, K. Maaß, N. Graulich, *CHEMKON* 2022, 29, 255.
201. Lauren M.E. Goodlad; Editor's Introduction: Humanities in the Loop. *Critical AI* 1 October 2023; 1 (1-2): No Pagination Specified.
202. Lessig L. *Free Culture: How Big Media Uses Technology and the Law to Lock Down Culture and Control Creativity*. New York: Penguin Press, 2004.
203. Locke J. *Two Treatises of Government: In the Former, The False Principles, and Foundation of Sir Robert Filmer, and His Followers, Are Detected and Overthrown. The Latter Is an Essay Concerning The True Original, Extent, and End of Civil Government*. London: Awnsham and John Churchill, 1698.
204. Marwick A.E. *Status Update: Celebrity, Publicity, and Branding in the Social Media Age*. – New Haven: Yale University Press, 2013. – 368 p.
205. May C. *A Global Political Economy of Intellectual Property Rights: A New Enclosure?* London, New York. Routledge. 2001.
206. Meron Y., & Tekmen Araci Y. (2023). Artificial intelligence in design education: Evaluating ChatGPT as a virtual colleague for post-graduate course development. *Design Science*, 9, E30. P. 4.
207. Mills Ch.W. (*The Racial Contract*. Ithaca and London: Cornell University Press. pp. 171.
208. Möllers N. (2021). Making Digital Territory: Cybersecurity, Techno-nationalism, and the Moral Boundaries of the State. *Science, Technology, & Human Values*, 46(1), 112-138.
209. Noble S.U. (2018). *Algorithms of oppression: How search engines reinforce racism*. New York University Press.
210. Norris P. (2001). *Digital Divide: Civic Engagement, Information Poverty and the Internet Worldwide*. New York: Cambridge University Press.
211. Nussbaum M.C. *Creating Capabilities. The Human Development Approach*, Cambridge, MA, The Belknap Press of Harvard Univ. Press, 2011, 256 p.

212. O'Neil C. *Weapons of Math Destruction: How Big Data Increases Inequality and Threatens Democracy*. New York: Crown Publishers, 2016. 272p.
213. Passi A. *Territory* // Agnew J., Mitchell K., Toal G., editors. *A Companion to Political Geography*. Malden: Blackwell, 2003. P. 109-122.
214. Plesner U., & Justesen L. (2022). The Double Darkness of Digitalization: Shaping Digital-ready Legislation to Reshape the Conditions for Public-sector Digitalization. *Science, Technology, & Human Values*, 47(1), 146-173.
215. Rigby, Stephen H. (2015). Justifying Inequality: Peasants in Medieval Ideology. In *Peasants and Lords in the Medieval English Economy: Essays in Honour of Bruce MS Campbell* (pp. 173–197).
216. Rousseau J.-J. *On the Social Contract; or, Principles of Political Righ*. Amsterdam, 1762.
217. Savage M., Devine F., Cunningham N., Taylor M., Li Y., Hjellbrekke J., Le Roux B., Friedman S., & Miles A. (2013). A new model of social class? Findings from the BBC's Great British class survey experiment. *Sociology*, 47(2), 219–250.
218. Sison AJG. Can Digitally Transformed Work Be Virtuous? *Business Ethics Quarterly*. 2024;34(1):163-191.
219. Standing G. "O precariado e a luta de classes [The precariat and class struggle]", *Revista Crítica de Ciências Sociais (Portugal)*, No.103, May 2014, pp.9-24.
220. Steinert S., Dennis M.J. Emotions and Digital Well-Being: on Social Media's Emotional Affordances. *Philos. Technol.* 35, 36 (2022).
221. Stern MJ, Predmore SA, Mortimer MJ, Seesholtz DN. The meaning of the National Environmental Policy Act within the U.S. Forest Service. *J Environ Manage.* 2010 Jun;91(6):1371-9. doi: 10.1016/j.jenvman.2010.02.019. (2010).
222. Thaler R.H., Sunstein C.R. *Nudge: Improving Decisions About Health, Wealth, and Happiness*. – New Haven: Yale University Press, 2008. – 320 p.
223. *The Oxford Companion to Philosophy* (ed. by T.Henderson). Oxford, New York. Oxford University Press. 1995
224. van Dijck J., Poell T., de Waal M. *The Platform Society: Public Values in a Connective World*. – Oxford: Oxford University Press, 2018. – 240 p.

225. Van Dijk J.A.G.M. (2006) Digital Divide Research, Achievements, and Shortcomings. *Poetics*, 34, 221-235.
226. Van Dijk J.A.G.M. (2020). *The Digital Divide*. (Pbk/Hbk/eBook ed.) Cambridge UK; Medford MA USA: Polity Press, 2020. 184 p.
227. Verhulst SG. Operationalizing digital self-determination. *Data & Policy*. 2023;5:e14.
228. Walsh J.A., Cobb P.J., de Fremery W., Golub K., Keah H., Kim J., Kiplang'at J., Liu Y.-H., Mahony S., Oh S.G., Sula C.A., Underwood T., & Wang X. (2021). Digital humanities in the iSchool. *Journal of the Association for Information Science and Technology*, 73(2), 188–203.
229. Warschauer M. *Technology and Social Inclusion, Rethinking the Digital Divide*. Cambridge, MA: MIT Press, 2003. 272 pp.
230. Yen J. (2024). The social life of digital methods in psychology: Situating digital methods in the new data politics. *Social and Personality Psychology Compass*, e12923.